

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»

На правах рукописи

Лушникова Ольга Леонидовна

**Социокультурный капитал рода в современных условиях:
социологический анализ**

22.00.06 Социология культуры

Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Научный руководитель: Ибрагимов Р.Н.
доктор философских наук

Абакан – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования социокультурного капитала рода	13
1.1. Род как социологическая категория	13
1.2. Социокультурный капитал рода как социальный феномен	31
Глава 2. Основные факторы формирования социокультурного капитала на уровне рода (на примере хакасского этноса)	63
2.1. Специфика и основные признаки социокультурного капитала хакасских родов	63
2.2. Влияние основных факторов на формирование и воспроизводство социокультурного капитала рода у хакасов	86
Заключение	119
Библиографический список	126

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Актуальность данной работы объясняется процессами, связанными с возрождением прошлого в современном обществе. Особенно ярко эти процессы проявляются в этнических обществах, где происходит осознание значимости своего культурного и исторического наследия. Это выражается в возрождении национальной культуры отдельных этнических обществ, в восстановлении традиционных форм экономической деятельности, в интересе к прошлому как к легитимному основанию политической власти и др.¹. В целом, эти процессы можно обозначить как некие «ретроориентации»² – тенденции возвращения к традиционным формам жизнедеятельности, а также процессы возрождения утраченных элементов культурной и социальной жизни. Одной из таких ретроориентаций является возрождение феномена кровнородственного рода (далее род) и родовых отношений.

Возрождение родовых отношений было обусловлено процессами, которые происходили в переходное время, в 90-е гг., когда старые ценности уже были разрушены, а новые еще не актуализировались. В этих условиях общество вынуждено было обратиться к универсальным ценностям, значимость которых не измеряется и не оценивается временем. Одна из таких ценностей – отношения кровного родства, на котором держатся семейные, родственные отношения, а на более высоком уровне – родовые отношения.

Актуализация родовых отношений в 2000-х гг. была обусловлена стремлением сохранить социокультурное наследие отдельных этнических обществ: культурные традиции, язык, национальные обычаи. Согласно Конвенции, принятой в Париже 17 октября 2003 г., сохранение нематериального культурного наследия является важной задачей современного общества. Статья 2

---

¹ Лушникова О.Л. (Тохтобина О.Л.) Родовые отношения как особая форма проявления прошлого // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1 (11). С. 194.

² Гудков Л.Д. Русский неотрадиционализм // Отечественные записки. 2002. № 3.

пункт 1 данной Конвенции определяет его как наследие, передаваемое от поколения к поколению, которое постоянно воссоздается сообществами и общностями в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека³. Феномен рода также, по сути, является нематериальным культурным наследием, который подлежит защите, сохранению и популяризации.

Кроме того, сегодня значимость рода определяется тем, что он выступает в качестве некоего вектора и ориентира в выборе духовных и нравственных ценностей для человека. В условиях современного общества родовые связи используются в качестве средств для достижения каких-либо целей, т.е. выполняют функцию некоторого ресурса. Другими словами, родовые связи как сеть социальных связей на основе общих ценностей, культурных традиций конвертируются в одну из форм социокультурного капитала, который способен принести внеэкономическую или экономическую выгоду представителям того или иного рода. Особенно актуально это в условиях современного рыночного общества, где действуют принципы конкуренции, и одним из инструментов рыночной борьбы становятся социальные связи, выступающие в качестве средств для достижения различных целей. Таким образом, родовые связи и отношения успешно вписываются в условия современного общества и приобретают новые социальные свойства и качества.

Значение социокультурного капитала, сформированного на основе родовых связей и отношений, объясняется той ролью, которую он играет в процессе воспроизводства всего общества. С одной стороны, на уровне отдельно взятого рода такой капитал открывает широкие возможности для его применения конкретным человеком в собственных целях, тем самым способствуя его социальной активности, но, с другой стороны, характеризует относительно

---

³ «Конвенция об охране нематериального культурного наследия», принятая ЮНЕСКО, Париж, 17 октября 2003 г. (MISC/2003/CLT/CH/14).

закрытый тип социальных связей, который препятствует интеграции всего общества.

Данное исследование нацелено на социологический анализ сущности и содержания социокультурного капитала рода в современных условиях. На примере хакасского этноса мы пытаемся показать влияние факторов, способствующих формированию социокультурного капитала рода, а также особенности его воспроизводства в настоящее время.

Отмечая актуальность исследования, необходимо также подчеркнуть отсутствие явного интереса отечественных исследователей к проблеме рода, родовых отношений, и особенно социологов, поэтому данная работа направлена на то, чтобы устранить эти пробелы.

Степень научной разработанности темы исследования.

Казалось бы, возрождение родовых связей и отношений представляет собой ретроориентацию, тем не менее, они удачно вписываются в условия современного общества и продолжают воспроизводиться. Несмотря на это, проблема рода, родовых связей в современном обществе остается недостаточно изученной и редко становится предметом отдельных исследований. В целом, работы, посвященные исследованию родовых отношений, носят исторический, этнографический или культурологический характер. С точки зрения социологии проблема инкорпорации родовых связей в постиндустриальное общество в целом, и на примере хакасского общества, в частности, практически не исследовалась.

Основой для теоретического анализа собственно родовых связей и отношений как предмета социологического исследования послужили классические работы, посвященные социокультурным вопросам функционирования традиционного общества – традициям, обычаям, нормам, проблемам взаимоотношений социальных общностей в повседневных практиках. Большой вклад в понимание сущности *традиционного общества* внесли такие ученые, как М. Ковалевский, К. Леви-Строс, Б. Малиновский, Л.Г. Морган, А.Р. Рэдклифф-Браун, Э.Б. Тайлор, Ф. Энгельс и др.

Проблема кровнородственного рода представляет особый интерес для исследователей-социологов. Особо значимыми при анализе рода с позиции теории социальной общности стали работы Э. Гидденса, Г.Е. Зборовского, Ф. Тенниса, С.С. Фролова, Я. Щепаньского, П. Штомпки и др.

При исследовании сущности социокультурного капитала рода необходимым было обращение к *основным теоретикам концепции социального капитала*, которая выступает теоретико-методологической основой для анализа данного феномена. Теория социального капитала акцентирует свое внимание на собственно социальных связях, в то время как исследование социокультурного капитала предполагает учитывать его нормативно-ценностную составляющую: нормы, правила, ценности, установки, традиции конкретного сообщества.

Среди исследователей теории социального капитала выделяются труды Л.Дж. Ханифан, который ввел понятие «социальный капитал», П. Бурдье, разработавшего первую развернутую теорию социального капитала, Дж. Коулмана, обосновавшего взаимосвязь социального капитала и социальной структуры, Р. Патнама, актуализировавшего проблему социального капитала в современном американском обществе, а также Ф. Фукуямы, показавшего тесную взаимосвязь между уровнем социального капитала общества и развитием экономики.

Анализ социального капитала на *микроуровне* представлен в исследованиях Л.М. Арахуо, В.Е. Бейкера, Е.А.В. Боксмана, П.М. Де Графа, Г. Истопа, Е. Лаумана, С. Мура, Х.Д. Флапа и др. Исследованием социального капитала на *мезоуровне* (социальный капитал на уровне общности) занимались П.С. Адлер и С.В. Квон, Г. Рукс, М. Беливью, Дж.М. Пеннинг, Р. Линдерс и С.М. Габбей, К. Казануэва и А. Гальего, Дж. Нахапет и С. Глошал, С. О' Рейли и Р. Вейд и др. Значительный вклад в исследование социального капитала на *макроуровне* внесли Г. Лоури, И. Мачеринскене, Д. Нараян, С. Нэк и П. Кифер, Р. Патнам, Ф. Фукуяма, М. Шифф и др.

Акцент на формировании социокультурного капитала рода в *закрытой форме* обусловил необходимость обращения к работам, которые затрагивают

проблему закрытого социального капитала. Это работы Р.С. Берта, М. Вулкока и С. Зритера, Н. Лина, А. Портеса, М. Смита, М. Феннемы и др.

В исследовании также использовались *труды отечественных авторов*, которые занимаются проблемой социального капитала. Особый вклад в развитие этой темы внесли такие ученые, как Г.А. Гуртовенко, И.Е. Дискин, П.М. Козырева, А.Т. Коньков, Н.М. Лебедева, В.Г. Немировский, В.В. Радаев, В.А. Сажина, С.А. Сысоев, Н. Татарко и А.В. Трапкова, П.Н. Шихирев и др.

Отдельные аспекты закрытого социального капитала рассматривали А. Бузгалин, С.Ю. Барсукова, Л.И. Грошева, П.А. Демидов, О. Демкив, М.В. Курбатова, С.Н. Левин и Е.С. Каган, В. Степаненко и др.

Исследование *социокультурных факторов*, влияющих на формирование социокультурного капитала рода, осуществлялось с опорой на работы А.С. Ахиезера, Т.И. Заславской, С.Г. Кирдиной, Н.И. Лапина, П. Сорокина, В.А. Ядова и др. Кроме того, значительный вклад в развитие этой темы внесли представители Уральской школы социологии. Это работы Ю.Р. Вишневого, Г.Е. Зборовского, Л.Н. Когана, В.Т. Шапко и др.

Особую роль при исследовании проблемы родовых связей и отношений сыграли работы, посвященные изучению *этнического состава и происхождения хакасов*, которые представлены в работах Н.А. Аристова, Б.О. Долгих, А. Кастрена, Г.Ф. Миллера, К.М. Патачакова, Л.П. Потапова, С.А. Токарева, и др. Подробные описания происхождения и формирования состава хакасских родов можно встретить в трудах Н.Н. Козьмина, Ю.А. Шибяевой, И.В. Шушеначева и др. Среди современных исследователей основные работы по родовому составу хакасского народа принадлежат В.Я. Бутанаеву и И.И. Бутанаевой. Для выявления эмпирических проявлений родовых отношений использовались исследования, посвященные истории отдельных хакасских родов или родовым отношениям современных хакасов. Среди них труды Н.С. Абдина, А.Ф. Трошкина, А.А. Кыржинакова, М.И. Боргоякова, П.А. Троякова и др.

В целом, вышеперечисленные работы позволили осуществить многосторонний анализ социокультурного капитала на уровне рода, а также

выявить, какие аспекты данной проблемы нуждаются в исследовании. Следует отметить, что на данный момент практически отсутствуют исследования, направленные на социологический анализ феномена рода в условиях современного общества.

Объектом диссертационного исследования является социокультурный капитал рода в современных условиях.

Предметом диссертационного исследования выступают факторы, способствующие формированию социокультурного капитала рода в условиях современного общества (на примере хакасского этноса).

Целью работы является теоретико-методологический и эмпирический анализ влияния основных факторов на формирование социокультурного капитала рода в современном хакасском обществе.

Задачи, необходимые решить для достижения поставленной цели:

- 1) осуществить социологическую концептуализацию понятия «род»
- 2) выявить сущность социокультурного капитала рода как социального феномена
- 3) охарактеризовать структуру социокультурного капитала хакасских родов
- 4) показать влияние основных факторов на формирование и воспроизводство социокультурного капитала у хакасских родов.

Теоретико-методологическую основу исследования составили работы классиков социологии, философии, культурологии и истории, посвященные отдельным аспектам традиционной культуры и традиционного общества. При проведении социологического анализа понятия «род» использовалась теория социальной общности, для изучения влияния факторов на формирование и воспроизводство социокультурного капитала рода – социокультурный подход, а также междисциплинарный подход, позволяющий раскрыть многогранную природу родовых связей и отношений.

Определяющим подходом при исследовании социокультурного капитала рода стала теория социального капитала, которая позволила раскрыть особенности формирования родовых связей в качестве одной из форм социокультурного капитала. Кроме того, в работе использовались как общенаучные методы: методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, так и методический арсенал, используемый при проведении эмпирических социологических исследований.

Эмпирическую базу исследований составили материалы социологических исследований, проведенных автором в 2011–2013 гг. в разных городах и районах Республики Хакасия. В исследовании использовались количественная и качественная методологии. В рамках количественного исследования был проведен опрос методом формализованного интервью. В опросе использовалась двухступенчатая выборка, выборочная совокупность составила 600 человек (представители хакасского этноса). Обработка данных, полученных в ходе исследования, производилась с использованием прикладного пакета статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 19.

В качественном исследовании методом глубинного интервью было опрошено 15 человек. Выборка формировалась методом «снежного кома».

Научная новизна исследования заключается в изучении влияния основных факторов на формирование и воспроизводство социокультурного капитала рода в современных условиях. Наиболее существенные научные результаты, полученные автором лично и содержащие новизну, заключаются в следующем:

- дана авторская трактовка понятия *социокультурного капитала рода*, представляющего собой сеть прямых социальных связей внутри рода между его представителями, а также связей рода с другими социальными общностями, основанные на осознании своей родовой принадлежности и активности, направленной на самосохранение и саморазвитие культуры данной общности;

- обосновано, что предпосылки формирования социокультурного капитала рода в современном обществе носят целерациональный характер: возрождение культуры рода обеспечивается активностью его элиты, которая способствует восстановлению институциональных форм родовых отношений;
- доказано, что в современных условиях формирование социокультурного капитала рода происходит преимущественно в закрытой форме: хакасы ориентированы на поддержание связей преимущественно только с членами своего рода, и главным образом, с узким кругом близких родственников, апеллируя к наличию родственных чувств и общей фамилии, объединяющей их в особую общность;
- показано, что на формирование социокультурного капитала хакасских родов влияют как субъективные (родовое самосознание, стереотипы, репутация родов, язык), так и объективные (географические, исторические, экономические, политические) факторы;
- определено, что родовые связи в форме социокультурного капитала выполняют две функции: функцию интеграции и консолидации внутри рода и функцию дифференциации всего хакасского этноса по степени значимости родов;
- на материалах эмпирических исследований раскрыта трансформация родового самосознания хакасов: изменилось понимание рода, который в условиях современного общества отождествляется, прежде всего, с кругом родовичей, носящих одну общую фамилию;
- выявлена структура социокультурного капитала хакасских родов, которая состоит из: *социальной сети*, образуемой родовыми связями, которая у хакасов носит расширенный характер, т.к. включает не только членов рода, но родственников вообще; *вынужденного доверия*, которое внутри рода в четыре раза выше, чем доверие к людям вообще; *ограниченной морали*, предписывающей особые нормы и правила поведения в отношении членов рода, и, прежде всего, в отношении близких родственников; *репутации* рода, влияющей на объем социокультурного капитала рода и тесно связанной с его знатностью.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость отражается в данных, полученных в результате исследования, которые доказывают, что родовые связи и отношения успешно вписываются в условия современного глобального общества. Формирование социокультурного капитала рода происходит путем трансформации родового самосознания хакасов, поэтому родовые связи выступают в роли эффективного инструмента социального взаимодействия: с одной стороны, способствуя сохранению культурных ценностей рода, а с другой, выступая в качестве экономического ресурса для достижения групповых целей представителей хакасского общества.

Практическая значимость отражается в возможности использовать результаты исследования в образовательном процессе. Результаты проведенных исследований могут быть применены для разработки учебных курсов по этносоциологии, культурологии, социальной антропологии. Кроме того, результаты исследования могут использоваться для внедрения в деятельность органов государственного и муниципального управления (Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия), для формирования социальной политики развития региона с учетом этнокультурных особенностей республики.

Апробация и внедрение результатов исследования. Результаты исследования были отражены в отчетах НИР, выполняемой в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, в очных докладах на различных конференциях, круглых столах и семинарах, а также в различных публикациях. Работа обсуждена на методологических заседаниях кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. С раскрытием различных аспектов своего диссертационного исследования автор выступал на Всероссийской научно-практической конференции «Республика Хакасия как субъект Российской Федерации» (Абакан, 2011 г.), на круглом столе «Неотрадиционализм как ресурс развития хакасской

культуры» (Абакан, 2011 г.), в летней научной школе «Теория и практика социально-гуманитарных наук» (о. Беле, 2011 г.), на научно-практической конференции «Современное знание: гуманитарный дискурс» (Красноярск, 2011 г.), на научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.Г. Котожекова (Абакан, 2012 г.), в XVI Международной научной школе-конференции студентов и молодых ученых «Экология Южной Сибири и сопредельных территорий» (Абакан, 2012 г.), на Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» (Екатеринбург, 2012 г., 2013 г.).

Структура и объем работы: Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих четыре параграфа, и заключения. К работе прилагается библиографический список, включающий 182 наименования. Содержание работы изложено на 140 страницах.

Глава 1. Теоретико-методологические основания исследования социокультурного капитала рода

1.1. Род как социологическая категория

С социологической точки зрения род представляет собой большую социальную общность: он выполняет функцию сохранения и передачи социокультурного опыта, а также способствует воспроизводству родовых отношений. Естественно, существование рода возможно в условиях традиционного общества или в обществе, сохранившем хотя бы отчасти признаки традиционности. В этом случае сущность рода раскрывается сквозь призму социальной структуры общества – родоплеменной дифференциации общества. В обществе такого типа род выполняет функции контроля и регуляции отдельных аспектов социальной жизни. Однако любое традиционное общество, по сути своей, является замкнутым, поэтому все социальные связи и контакты фактически тождественны родовым отношениям, которые пронизывают все сферы жизни общества.

Род существовал практически во всех обществах на ранних этапах развития человечества. Однако в каждом конкретном обществе социальная структура различалась и имела свои особенности, в частности, это различие выражалось в системе обозначения кровнородственных общностей (род, клан, линидж, сиб, сеок, жуз и т.д.). Ю.В. Бромлей называет род «первой формой бытия готового сформировавшегося социального организма»⁴, подчеркивая именно социальный характер родовой организации общества. Большинство же исследователей делают акцент на главном признаке рода – кровном родстве. Так, А.И. Першиц трактует род как общину, основанную, прежде всего, на кровном родстве и экзогамии, а не

---

⁴ Бромлей Ю.В. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 100.

какую-нибудь иную структуру, базирующуюся преимущественно на территориальных связях⁵.

Из принципа кровного родства вытекает и следующий важный признак рода: происхождение от одного общего предка, на который также ссылаются многие ученые. К примеру, М. Ковалевский, описывая уклад родовых общин у разных народов, отмечал, что взаимные отношения членов рода определяются не принадлежностью к политическому организму, соседством или общностью экономических интересов, а кровным родством, единством происхождения от общего действительного или легендарного родоначальника⁶. Л.Г. Морган, выделяя этот признак, также указывает и на другой: наличие особого родового имени. В его трактовке «род» представляет собой совокупность кровных родственников, происходящих от одного общего предка, отличающихся особым родовым именем и связанных узами крови⁷.

Одним из существенных признаков рода, отличающего его от других социальных общностей, является принцип экзогамии – запрет браков внутри рода, также вытекающий из принципа кровного родства. Он был необходим во избежание кровосмешения между членами рода. К примеру, М. Гузинде, описывая родоплеменные отношения племени «она», выделял такие признаки рода, как членство, включая право на родовую собственность, которая является пожизненной; счет родства по отцовской линии; признание всеми членами своего происхождения от одного общего предка; а также строгое соблюдение родовой экзогамии. Кроме того, ученый уточнял, что «каждый род в повседневной жизни составляет ядро нескольких маленьких кочевых общин, передвигающихся в пределах родовой территории»⁸. В связи с этим следует отметить, что некоторые исследователи выделяют такие признаки рода, как наличие собственной

---

⁵ Першиц А.И. Первобытное общество. Основные проблемы развития. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1974. С. 55.

⁶ Ковалевский М. Первобытное право. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1886. С. 13.

⁷ Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Пер. под ред.: М.О. Косвен, предисл. Я.П. Алькор. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. С. 38.

⁸ Першиц А.И. Первобытное общество. Основные проблемы развития. С. 70–71.

территории, ведение общего хозяйства, наличие особой культуры и т.д. Однако, на наш взгляд, эти признаки являются вторичными.

Обобщая, можно сделать вывод, что главным признаком рода является, в первую очередь, кровное родство, из чего следует, что род представляет собой общность, прежде всего, кровных родственников. Во-вторых, особое значение имеет происхождение от одного общего предка, родство с которым можно установить, проследив всю линию родства. В-третьих, отличительным признаком родовой организации является принцип экзогамии, запрещающий браки внутри рода. Кроме того, каждый род, как правило, имеет свое родовое имя, отличающее его от других родов. При этом необходимым условием существования рода как такового является осознание членами рода общности их происхождения, что служит фактором, объединяющим их в единое целое. Таким образом, можно сформулировать определение *рода* как общности кровных родственников, ведущих происхождение от одного общего предка, имеющих общее родовое имя, осознающих свое родство и позиционирующих себя в качестве единого целого на основе общих культурных ценностей и традиций.

Очевидно полагать, что родовое устройство общества представляет собой довольно сложную организацию и характеризуется многими другими признаками. Однако для нас значимыми являются те признаки, которые раскрывают сущность родовых связей и отношений, а также причины их сохранения в условиях современного общества. К примеру, одни признаки родового уклада жизни сохранились в неизменном виде, другие – приняли новые формы, третьи – сохраняют свое существование в виде традиции, четвертые – воспринимаются как пережитки прошлого. К первой категории признаков можно отнести кровную связь и происхождение от одного общего предка как основные принципы устройства родового общества. Ко второй категории можно причислить: принцип экзогамии, который свелся к запрету браков между близкими родственниками и, как правило, с одной фамилией; принцип наследования имущества и земли, распространяющийся также только на близких родственников; существование совета старейшин или собрания рода. К третьей категории можно отнести дань

уважения к старшим, традицию взаимной помощи и поддержки в трудных жизненных ситуациях, обычай усыновления осиротевших детей. Последняя категория включает в себя наличие собственного родового кладбища, обычай кровной мести, сохранившийся сегодня, скорее, как пережиток – в виде наследования дружеских либо враждебных отношений.

Родовые связи и отношения, основанные на кровном родстве и общности происхождения от одного предка, были присущи многим обществам. Однако, с развитием общественных отношений, с образованием государственности родовые отношения были во многом утрачены. Изменилось значение рода как обширной социальной общности родоначальников, связанных кровными узами. Кроме того, сама организация родового общества была довольно сложной и громоздкой: численность отдельного рода быстро увеличивалась, что приводило к его дроблению на более мелкие роды и, как следствие, к увеличению общего количества родов, которые постепенно становились самостоятельными в политическом и экономическом плане. Это обусловило постепенное вырождение родовых отношений, которые на уровне повседневной жизни свелись к семейно-родственным отношениям, между которыми проще выявить и проследить линии родства.

Возрождение родовых связей и отношений в современном обществе обусловлено, во-первых, стремлением сохранить национальную культуру и своеобразие отдельных народов, которые утрачиваются в связи с всеобщими процессами глобализации и унификации мирового пространства, а во-вторых, желанием вернуться к историческим корням, восстановив утраченные элементы прошлого, которые могут стать решением проблем идентификации человека в современном деиндивидуализированном обществе. В этом смысле родовые отношения представляют собой именно тот тип отношений, который является наиболее устойчивым и прочным, т.к. зиждется на отношениях кровного родства. Как справедливо отмечает К. Леви-Строс: «для существования структуры родства необходимо наличие трех типов семейных отношений, всегда существующих в

человеческом обществе, а именно: отношения кровного родства, отношения свойства и родственные отношения порождения»⁹.

Естественно полагать, что род утратил свое универсальное значение, а потому изменились и родовые отношения. В условиях современного общества род представляет собой социальную общность с размытыми социальными связями, производные же от него родовые связи и отношения – лишь часть социальных отношений, которые охватывают сферу взаимодействия на уровне рода.

Исходя из определения *социальной общности*, таковая представляет собой объединение людей на основе общего признака, осознающих себя частью этой общности и воспроизводящих социальные отношения через сеть налаженных социальных связей. По сути, общность представляет собой ту платформу, благодаря которой происходит формирование любых социальных связей и отношений. Во-первых, она изначально предписывает статусы и роли, в соответствии с которыми люди могут взаимодействовать друг с другом, во-вторых, общность устанавливает ценности, нормы и порядок взаимодействия в пределах своего круга, и, в-третьих, она очерчивает границы социального круга возможных связей и контактов. В основе любой общности лежит объединяющий людей признак, свойство или качество, например, этническая принадлежность, вероисповедание, потребность, совместная деятельность – то, что является общим для всех.

Определяющим и объединяющим признаком для рода как социальной общности является, в первую очередь, признак родства или принадлежности к роду, которые апеллируют к общности происхождения от одного общего предка. Однако, по мнению С.Д. Берзеговой, *родство* может выступать, как минимум, в трёх ипостасях: прямая кровная связь, родовая связь (связь по кости) и связь по

---

⁹ Леви-Строс К. Структурная антропология [Пер. с фр. В.В. Иванова]. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 54.

плоти (по кормлению)¹⁰. Отсюда связь по крови постулирует кровное родство, по плоти – молочное (искусственное) родство и связь по кости – родство по роду.

Связь по кости (т.е. родство по роду) является врожденной, т.к. определяется по факту рождения, но в отличие от кровной связи она неизменно апеллирует к общности происхождения от одного предка, от которого ведет свое начало род. Общность происхождения является важным признаком родовых отношений: ведь наличие кровной связи не всегда означает наличие связи по роду. К примеру, в некоторых обществах дяди и тети со стороны матери по отношению к своим племянникам не имеют связи по роду и соответственно принадлежат к разным родам. Исходя из этого, кровную связь нельзя считать достаточным основанием родовой принадлежности, она, скорее, носит социокультурный характер.

Особое значение при установлении связи по кости имеет линия, по которой ведется происхождение. Если происхождение ведется по линии матери, то в род включается потомство прама матери и детей ее женских потомков, если по отцу – потомство праотца и детей его мужских потомков. Выходит, что род не включает всех потомков одного общего предка, что значительно усложняет систему родства. Даже состав одной семьи оказывается смешанным: муж (или жена, в зависимости от линии, по которой ведется происхождение) и дети принадлежат к одному роду, а жена (или, соответственно, муж) – к другому.

Значение связи по кости как основного образующего признака рода заключается в том, что, выступая в качестве биологического основания родовой принадлежности, эта связь социально обусловлена и зависит от факторов различного типа: социальных, культурных, географических, политических и др. К примеру, в обществах традиционного типа незаконнорожденный ребенок (но биологически кровный) мог быть признан обществом, только если проходил особый обряд инициации, правоустанавливающий легитимность его родства. Отсюда вытекает расширенное понимание рода – не просто объединения людей по признаку родства по роду, но и легитимно признанного обществом.

---

¹⁰ Берзегова С.Д. Термины родства и родственные отношения в традиционной культуре адыгов. Специальность 07.00.07 Этнография, этнология, антропология. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Майкоп, 2008. С. 62.

Одним из признаков любой общности является наличие общего самосознания как одной из важных предпосылок, способствующих ее единству и сплоченности. Очевидно, что род существует до тех пор, пока живо *родовое самосознание* – осознание своей принадлежности к роду, признание его в качестве единого целого. Род как «источник и первопричина бытия»¹¹ постулирует необходимость сопричастности или принадлежности к роду, что обусловлено потребностью в общности с какой-либо социальной общностью, а в условиях традиционного общества – потребностью в выживании и самосохранении. Отсюда, целостность и единство рода заключены не в механической совокупности представителей рода, а в общности сознания.

Именно родовое самосознание как субъективный фактор идентификации обеспечивает единство и сплоченность рода. Однако, по мнению Г.Е. Зборовского, значение имеет лишь фактор идентификации, независимо от того, позиционирует человек себя сам с этой общностью или это делают другие¹². Согласно С.Г. Климовой социальная идентичность как аспект самосознания представляет собой отождествление человеком себя с некоторой общностью, определение того, кем «на самом деле» он является¹³. Отсюда, даже субъективное ощущение причастности к роду обуславливает позиционирование себя как члена рода и выстраивание соответствующего поведения, что порождает социальные ожидания со стороны других – «вести себя, как член рода».

Природа родового самосознания кроется в коллективном сознании или, другими словами, в *солидарности* – общности разделяемых ценностей, традиций, образа жизни. Согласно Э. Дюркгейму, социальная солидарность исходит из того, что «известное число состояний сознания является общим для всех членов одного и того же общества»¹⁴. Это указывает на социокультурный характер солидарности. Несмотря на то, что солидарность представляет собой субстанцию

¹¹ Бажутина Т.О. Культура, творчество, устойчивость. Новосибирск: Изд-во ИФПР СОРАН, 1994. С. 32.

¹² Зборовский Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 7.

¹³ Климова С.Г. Стереотипы в определении «своих» и «чужих» // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 14.

¹⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. [Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана]. М.: Наука, 1990. С. 108.

другого характера, способную оказывать влияние на социальную жизнь, тем не менее ее формирование происходит в конкретных социальных, культурных, экономических, политических и географических условиях, поэтому в разных обществах и в разных типах социальных общностей солидарность различается.

Хотя самосознание не сводится к сумме отдельных сознаний, тем не менее оно определяет характер связей, существующих между членами рода. Между такими связями наблюдается прямая пропорциональность: чем выше уровень самосознания, тем сильнее социальные связи. Там, где присутствует самосознание, сильны социальные связи, существуют согласие и сплоченность. Самосознание как коллективное чувство являет собой реальность другого рода, оно не сводится к сумме отдельных сознаний, поэтому его можно назвать надындивидуальным сознанием. Не следует, однако, считать самосознание абсолютной истиной. К примеру, Б. Малиновский считал, что «хотя, с одной стороны, единство клана фактически имеет место, оно, с другой стороны, сочетается с далеко идущей дифференциацией, со строгим соблюдением индивидуальных интересов»¹⁵.

Родовое самосознание как субъективная сторона рода держится на памяти, на воспоминаниях, которые на основе кровной связи перерастают в тесную нравственную связь. Именно поэтому особенно важны знания об истории происхождения рода, его традициях, известных людях рода. Осознание принадлежности, подкрепленное соответствующими знаниями и представлениями о роде, составляет когнитивную сторону самосознания и является свидетельством того, насколько значима роль рода в жизни человека.

Позиционирование себя как члена рода необходимым предполагает и определение себя в отношении с другими родами, в системе координат «Мы» – «Они». Так, А.В. Шипилов считает, что идентичность одновременно и конкретизирует, и абстрагирует человека через тождество и различие:

---

¹⁵ Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. [Пер. с англ.]. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 272.

«личностная идентичность позиционирует его как Я, социальная – как Мы»¹⁶. Отсюда, межродовые отношения – это отношения между членами разных родов, складывающиеся на основе представлений родов друг о друге, характерных чертах и качествах, присущих роду в целом, через которые выражается отношение друг к другу.

Однако представления существуют не только на когнитивном уровне, но ещё и переживаются людьми, т.е. проявляются в чувственной, эмоциональной сфере. В связи с этим нельзя не учитывать эмоциональную сторону родового самосознания, которая отражает различные чувства и эмоции: позитивно окрашенные чувства (гордости, уважения к своему роду), негативно окрашенные (чувство стыда за свой род, его репутацию), индифферентное отношение роду или полное игнорирование своей родовой принадлежности.

Очевидно полагать, что в родовом самосознании находит выражение не только кровная, но и нравственная связь. Она воплощает в себе чувство привязанности к роду, взаимной поддержки и помощи в трудных ситуациях. Чем сильнее и крепче внутривидовые связи, тем больше самосознание достигает своего максимума – «когда коллективное сознание точно покрывает все наше сознание и совпадает с ним во всех точках»¹⁷. А.Р. Рэдклифф-Браун, к примеру, объясняет сплоченность и устойчивость общности чувством привязанности, каковой она является для своих членов. Однако, по его мнению, это чувство должно иметь коллективное выражение чувств, которое должно принять ритуальную форму в конкретных объектах, которые будут ее символизировать¹⁸.

Выходит, что родовое самосознание как социальное явление может проявляться в материальных объектах и предметах, символизирующих общность как единое целое. В качестве таких символов выступают: эмблема рода (тамга), как правило, связанная с историей происхождения рода, гимн или песня,

---

¹⁶ Шипилов А.В. Оппозиция «Мы–Они» в социокультурном развитии // Философская и правовая мысль: Альманах. Вып. 5. Саратов: СПб, 2003. С. 283.

¹⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. [Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана]. М.: Наука, 1990. С. 126.

¹⁸ Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. [Пер. с англ.]. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 146.

сопровожающая все значимые события рода, родовые места (деревня, гора, подножие реки, дерево) и др. В сущности, эти символы выполняют роль атрибутов данной общности, позволяющих ее опознать и идентифицировать среди прочих других.

Таким образом, самосознание можно назвать преимущественно моральным явлением, способным, тем не менее, оказывать существенное влияние и на практическую жизнь общества. Во-первых, оно формирует определенные установки поведения, во-вторых, воздействует на поведение отдельных людей, в-третьих, способно объединить людей при достижении общих целей.

Отсюда вытекает следующий признак рода как социальной общности – сети социальных связей, существующих между людьми, без которых она – лишь «механическое образование». Существование и нормальное функционирование любой общности невозможно без наличия каких-либо связей: явных / неявных, сильных / слабых и т.д. Следуя логике теннисовского подхода, взаимоотношения между членами рода, с одной стороны, носят характер близких и доверительных отношений, которые соответствуют сущностной воле (*Gemeinschaft*), а с другой – публичных, соответствующих рассудочной воле (*Gesellschaft*)¹⁹, например, в семейном бизнесе. Можно считать, что род соединяет в себе элементы общности как реальной, сокровенной и подлинной жизни, и общества как механического, преходящего и иллюзорного.

Однако не все социальные связи внутри общности являются прочными и реальными. Характер связей в каждой конкретной общности может быть различным и зависеть от многочисленных факторов: от размера общности, от силы и интенсивности социального взаимодействия внутри нее, от потребностей людей, нуждающихся в ней, от условий внешнего окружения и т.д. К примеру, М. Смит и другие авторы различают два типа связей: явные и неявные. Неявные связи, объединяющие индивидов вместе, основаны на каких-либо склонностях или интересах, например, хобби или общие интересы, причем индивиды могут не

---

¹⁹ Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. [Пер. с нем. Д.В. Складнева]. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2002. С. 9–10.

знать об общих интересах, которые существуют между ними. Явные связи, напротив, носят ярко выраженный характер, они основаны на намеренных действиях или четко определенных отношениях. Индивиды, соединенные таким образом, знают о связях между ними²⁰. В основе рода – явные связи, соединяющие членов рода узами родства. Как правило, в небольших общностях люди знают членов всего круга, от чего связи становятся более сильными и прочными.

Естественно, любые связи формируются и действуют в определенном пространстве. Социальные отношения, связи и контакты всегда включены в определенную систему координат физического и социального пространства. Социальные связи рода всегда апеллируют к какому-либо местоположению в силу того, что, во-первых, обусловлены особенностями той географической среды, в условиях которой происходит их формирование, во-вторых, испытывают влияние административно-территориальной структуры, в которую вписаны, и в-третьих, связаны с местом происхождения как символическим выражением родного дома, очага. К примеру, Ф. Теннис называет средоточием и телом родства дом, объясняя это тем, что «общность крови [Blut], как сущностное единство, развивается и обособляется в общность места [Ort], непосредственно выражающуюся в совместном проживании, а эта последняя, в свою очередь, – в общность духа [Geist], характеризующуюся лишь совместным действием в едином направлении, одинаковой настроенностью»²¹. Однако физическое пространство, в котором формируются связи рода, отражает не только структурные связи, но и обуславливает влияние социального пространства, в котором они развиваются.

Социальное пространство как общая система координат задает место рода в системе общественных отношений. По мнению А.Р. Рэдклифф-Брауна, «во всех человеческих обществах статус индивида в очень большой мере детерминирован

---

²⁰ Social capital and language acquisition during study abroad / M. Smith, C. Giraud-Carrier, D. Dewey, S. Ring, D. Gore. P. 2030.

²¹ Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. [Пер. с нем. Д.В. Складнева]. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2002. С. 25.

фактом его рождения от определенного отца и от определенной матери»²², а шире – от кровнородственного рода. Кроме того, большая часть тех систем родства, которые чаще всего встречаются в обществах с родовым укладом жизни, основана на *принципе эквивалентности братьев*, смысл которого заключается в следующем: «если я нахожусь в каких-то конкретных отношениях с каким-то конкретным человеком, то считаю, что я состою в точно таких же отношениях и с братом этого человека»²³.

Таким образом, сама система родства задает определенный характер взаимоотношений – придерживаться определенных норм поведения по отношению к каждой категории родственников. Так решается проблема сложной организации системы родства, которая «уравнивает» в правах и обязанностях разные категории родственников и предписывает по отношению к ним схожие линии поведения. Это является важной предпосылкой, которая объясняет характер построения взаимоотношений внутри рода, межродовых отношений, а также отношений мезо– и макроуровня.

На основе родовых связей формируются родовые отношения, которые исходят из естественной природы человека, т.к. основаны на кровной, биологической связи. Рассматривая механизм формирования любых отношений, следует отметить, что они устанавливаются постепенно, в процессе социального взаимодействия, причем не однократного взаимодействия, а совокупности взаимодействий, в результате которых завязываются и устанавливаются прочные социальные отношения. Как и любые социальные отношения, отношения внутри рода носят осознанный и эмоциональный характер. Они являются осознанными в силу своей взаимной направленности на конкретных субъектов взаимодействия – членов рода. Эмоциональный характер социальных отношений выражается в непосредственном их восприятии различными органами чувств, который сопровождается выражением различных чувств: любви, дружбы, неприязни, гордости за свой род, безразличия и т.д. Рациональная природа объясняется тем,

---

²² Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. [Пер. с англ.]. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 49.

²³ Там же. С. 26.

что взаимодействие, на основе которого складываются социальные отношения, всегда осмысленно, мотивировано, соотнесено по смыслу с поведением другого. Отсюда, одним из признаков родовых отношений является то, что они проявляются в социальном поведении, в конкретных поступках и действиях. Причем мотивы, потребности и интересы, которые побуждают субъектов взаимодействия к действиям, бывают самыми разными: потребность в общении, в эмоциональной близости, экономическая выгода, эстетическое удовольствие и т.д.

Самой широкой основой родовых отношений являются ценности. Главная ценность, на которой зиждутся родовые отношения – ценность рода. Род направляет людей в повседневной жизни и придает ей смысл. Ф. Теннис полагает, что «возникновению, сохранению и укреплению сердечных уз, по-видимому, сильнее всего способствует память»²⁴. По его мнению, связь между матерью и ребенком держится на памяти – воспоминаниях о пережитом прошлом, которые связываются в устойчивый образ; отношения между супругами, как правило, поддерживаются привычкой, сформировавшимися установками по отношению друг к другу; а взаимоотношения между братьями и сестрами основываются как на памяти, так и на привычке.

Родовые отношения как расширенная сеть связей и отношений между «братьями» и «сестрами» по роду апеллирует, прежде всего, к памяти, но памяти не совместно прожитого прошлого, а, скорее, памяти исторического прошлого – знания истории происхождения рода, общего предка, известных людей, прославивших род: в определенном смысле, прошлого не «настоящего», т.е., данного в переживаниях и ощущениях, а прошлого «идеального», или сконструированного. Однако «подтягивая» прошлое к настоящему, мы рискуем исказить его, поэтому анализируя любые проявления прошлого, целесообразно отталкиваться не от ретроспективного анализа, а от интроспективного подхода, суть которого заключается в том, что «безусловной предполагается считать

---

²⁴ Теннис Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии.* [Пер. с нем. Д.В. Складнева]. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2002. С. 19.

реальность историческую, а условной – реальность современную как один из возможных вариантов изменения социальной реальности»²⁵. При этом, даже такое прошлое способно сформировать установку на социальное взаимодействие и привести к образованию прочных связей.

Через ценность актуализируются конкретные установки, убеждения, нормы поведения – все то, на чем основываются любые социальные отношения. Ценность рода, воплощенная в памяти о прошлом, о традициях, культуре, именно через родовые отношения находит отражение в современном обществе и формирует ценностное отношение к миру в целом. Родовые отношения в современных условиях поддерживаются и подкрепляются не столько силой привычки, сколько традицией, воплощенной в обычаях, в некоторых элементах традиционного образа жизни, в повседневной жизни, в элементах культуры, в языке и т.д.

Сегодня воспроизводство родовых отношений происходит через традицию, выступающую в качестве транслятора ценностей традиционного общества. По определению Э.С. Маркаряна, традиция – это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной передачи аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах²⁶. Исходя из этого, возрождение родовых отношений в условиях современного общества представляет собой своего рода традицию, в основе которой лежат традиционные ценности.

Род зиждется преимущественно на традиционных ценностях, однако в современных условиях он приобретает новые социальные качества и свойства. Как социальная общность род объединяет родовичей, которые в процессе взаимодействия накапливают социальный опыт и формируют сеть социальных связей, на основе которых строятся родовые отношения. Прочность и устойчивость этих отношений обеспечивается регулярностью социального

---

²⁵ Ибрагимов Р.Н. Особенности интроспективной методологии исторического исследования // Мировой куст: монографический сборник статей. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007. С. 167.

²⁶ Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. (Логико-методологический анализ). М.: Мысль, 1983. С. 154.

взаимодействия, закрепленного в совместном опыте. Постепенно совместный опыт формирует определенный стереотип, служащий установкой на соответствующее поведение во взаимоотношениях со всеми членами рода.

Регулирование любых социальных отношений в обществах традиционного типа, в т.ч. и родовых отношений, происходит с помощью устойчивых стереотипов поведения, предписывающих определенный тип взаимоотношений с каждой категорией родственников. Стереотипы представляют собой особую разновидность социальной установки, обладающей ярко выраженной аффективной составляющей, схематизированным и генерализованным содержанием, устойчивой к внешним воздействиям²⁷. Сформированные и закрепленные в сознании они служат не только руководством во взаимодействии с членами рода, но и позволяют ожидать соответствующее поведение от представителей других родов.

Одним из таких стереотипов является представление о неравенстве родов. Особенность родового уклада жизни состоит в том, что именно система родства определяет место каждого рода в структуре общества и задает специфическое поведение ее членов в зависимости от позиции, которую они занимают в гласной или негласной иерархии родов. С одной стороны, такая система родства способствует упрощению и стандартизации социального поведения, но, с другой стороны, порождает социальное неравенство. Это подтверждается словами Б. Малиновского, который считает, что «хотя, с одной стороны, единство клана фактически имеет место, оно, с другой стороны, сочетается с далеко идущей дифференциацией, со строгим соблюдением индивидуальных интересов»²⁸. В качестве единого целого род проявляет себя, прежде всего, на мезоуровне – в процессе взаимодействия с другими родами, а на макроуровне чаще всего наблюдается дифференциация – ранжирование родов по степени их значимости в обществе и вытекающего из этого распределения прав, обязанностей и привилегий.

---

²⁷ Ванина О.Н. Методы исследования стереотипа // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 112.

²⁸ Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры [Пер. с англ.]. М.: РОССПЭН, 2004. С. 272.

Проявление неравенства заметно не только в различном поведении по отношению к разным категориям родственников (проявление уважения к старшим, дистанция между близкими и дальними родственниками, отношения субординации и подчинения, отношения равенства), но и во взаимоотношениях между представителями родов, занимающих разное положение в иерархии общества. Это породило такой социокультурный феномен как, *знатность*, исходящий из представления о высокой социальной значимости своего рода и вытекающего из этого стремления занимать высокое социальное положение, соответствующее родовой принадлежности. Согласно понятийному аппарату М. Вебера, различные проявления знатности в условиях современного общества можно обозначить, как «статусную почесть», которая представляет собой «специфический стиль жизни, который ожидается от тех, кто высказывает желание принадлежать к данному кругу людей»²⁹. В современном обществе одним из проявлений знатности является продолжение фамильного дела, когда потомки некогда знатных родов, осознавая значимость своего прошлого, пытаются сохранить его путем воспроизводства семейных традиций или семейного дела. Проявления знатности такого характера продуцируют особые социальные отношения, сопровождающиеся осознанием высокой степени социальной ответственности перед прошлым³⁰.

Первые проявления знатности встречаются уже на ранних этапах развития родового строя. Условия для появления этого феномена содержались в самом устройстве родового общества. Ф. Энгельс пишет, что на определенном этапе, когда число старейшин рода возрастало, из них выделялась избранная часть, которая в дальнейшем стала превращаться в аристократический элемент. Таким образом, источником появления феномена знатности выступала сама система избрания вождей или военачальников. Несмотря на выборный характер избрания вождей, постепенно выборные должности стали передаваться по наследству (при матриархате – к брату или сыну сестры, при патриархате – к сыну, внуку). Это, по

---

²⁹ Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 152.

³⁰ Лушникова О.Л. (Тохтобина О.Л.) Родовые отношения как особая форма проявления прошлого // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1 (11) С. 196.

мнению Ф. Энгельса, стало первым зародышем особых знатных семей внутри рода³¹. Получение статуса «особости» привело к наделению некоторых родов исключительными правами и обязанностями, положив, тем самым, начало формированию первой родовой знати, наделенной особыми привилегиями, которые передавались по наследству.

В широком смысле *знатность* трактуют, как принадлежность к знати. Близкие к нему по смыслу понятия: именитость, великосветскость, сановитость и т.д. Однако в истории известны случаи появления новых знатных слоев, получение высоких титулов за особые заслуги перед отчеством либо за большую сумму денег, или упразднение привилегированного положения некоторых слоев общества. На наш взгляд, подлинную знатность представляет принадлежность именно к старинному знатному роду, т.к. указывает на давнее происхождение рода, его исторические корни и наследственный характер. Отсюда истоки знатности следует искать в прошлом, обращаясь к культу предков как значимой системе родства. Фактически, именно знатность служит легитимным обоснованием подлинной аристократичности рода.

Особенно заметны проявления знатности в повседневной жизни, в стереотипах поведения, социальных установках, нормах поведения и т.д. К примеру, различия в социальном статусе предписывают проявлять фамильярность в обращении с одними и соблюдение дистанции в обращении с другими. Б. Малиновский пишет: «Кастовость, солидарность, групповая или клановая гордость, несомненно, существует...никакой социальный порядок без них нельзя сохранить в какой-либо культуре, находящейся на высокой или низкой ступени развития»³².

Знатность как социокультурный феномен проявляет себя не только в социальном поведении, но и в особой терминологии, которая прослеживается через названия родов (имя рода). Родовая принадлежность, как правило,

---

³¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М.: Политиздат, 1985. С. 118-119.

³² Малиновский Б. М 19 Избранное: Динамика культуры. [Пер. с англ.]. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 239.

выражается родовым (фамильным) именем. У многих народов существовало деление на высшие и низшие роды, что отражалось в названиях родов (белая–черная кость, старший–младший жуз и т.д.). А.Р. Рэдклифф-Браун поясняет, что «реальная социальная связь между человеком и его родственником и те права и обязанности или же одобряемые обществом формы отношений и поведения, которые ей присущи, как бы закрепляются в сознании людей терминологической категорией»³³.

На знатное происхождение указывает имя рода (родовое имя). К примеру, Ф. Энгельс полагает, что родовое имя является бесспорным доказательством общего происхождения, а значит – обеспечивает знание родственных связей между несколькими поколениями³⁴. Однако многие роды ведут свое происхождение не только от реальных, но и мифических личностей, а также от животных и птиц, поэтому не всегда родовое имя указывает на реального предка, от которого ведет свое происхождение род.

В традиционном обществе наличие родовых имен выполняло функции упорядочения родовой структуры, препятствовавшей кровосмешению, и служило функцией закрепления института наследования. В современном обществе имя рода выполняет функцию определенного маркера, способного предоставить некий «кредит доверия» независимо от индивидуальных качеств личности. По мнению П. Бурдые, достаточным основанием для получения особых привилегий является сам факт принадлежности к знатному аристократическому роду. Исходя из этого, право на пользование привилегированным положением не зависит от достоинств его обладателя, оно является безусловным и безотносительным. Можно считать, что принадлежность к знатному роду автоматически открывает доступ к некоторым благам, равно, как и принадлежность к незнатному роду или роду с плохой репутацией закрывает двери в мир социальных возможностей.

---

³³ Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. [Пер. с англ.]. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 78.

³⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М.: Политиздат, 1985. С. 116.

Обобщая, приходим к выводу, что в современном обществе кровнородственный род, с одной стороны, сохранил черты прошлого, а с другой, принял новые формы так, что «настолько применился к новым обстоятельствам, что продолжает занимать свое место в силу собственного значения»³⁵.

С социологической точки зрения, сущность рода наиболее полно раскрывается сквозь призму теории социальной общности. Следуя ее постулатам, объединяющим признаком рода является родство по кости или, другими словами, принадлежность к конкретному роду, которая апеллирует к исторически сложившимся линиям родства. Такое родство носит не только биологический, но и социокультурный характер, поэтому, определяя линию родства по роду, необходимо учитывать и социокультурные особенности конкретного сообщества (традиции, обычаи, нормы морали).

Особое значение для рода как общности имеет наличие родового самосознания у ее членов – осознания собственной принадлежности к роду, которое держится на памяти, привычке, традициях и т.д. Чувство принадлежности к роду имеет и символическое выражение в культурных атрибутах: в эмблеме рода, гимне, мифах о происхождении рода, а также в родовых местах, которые для членов рода имеют сакральное значение. Наличие родового самосознания, общих ценностей, культурных традиций необходимо для образования устойчивых родовых связей и отношений, которые способны конвертироваться в социокультурный капитал рода.

1.2. Социокультурный капитал рода как социальный феномен

Формированию социокультурного капитала рода способствует налаживание родовых связей, расширение контактов, установление новых знакомств с родовичами, которые на основе общих ценностей, культурных традиций, обычаев приводят к формированию круга прочных социальных связей между членами

---

³⁵ Тайлор Э.Б. Миф и обряд в первобытной культуре. [Пер. с англ. Д.А. Коропчевского]. Смоленск: Русич, 2000. С. 5.

рода. Другими словами, *родовые связи и отношения конвертируются в социокультурный капитал рода*, который воспроизводится в форме социальных связей на уровне рода и который можно использовать для достижения собственных целей.

Конвертация родовых связей и отношений в одну из форм капитала в современном обществе объясняется принципами, заложенными в самой природе родовых отношений. Родовые связи между членами рода существуют априори, по факту рождения, поэтому в процессе многократного взаимодействия эти связи могут сформировать устойчивую сеть отношений, которая может превратиться в социокультурный капитал.

Однако следует учитывать, что характер и направленность родовых отношений определяются культурой, которая являет собой всеобщее направляющее основание человеческой жизнедеятельности. На макроуровне культура задает общие для всех традиции, ценности, идеалы, которые объединяют людей в единое целое, но на мезоуровне существуют особые культурные традиции, сложившиеся исторически, которые предписывают особые правила и нормы поведения в отношении представителей других родов, поэтому в конкретных социокультурных условиях такой капитал наполняется особым социокультурным содержанием.

Наполняемость социокультурного капитала обусловлена влиянием той социокультурной среды, в которой он формируется. Особую роль играют ценности, являющиеся основой любой культуры, они выступают в качестве духовного ориентира, который определяет течение и характер всей социальной жизни. В обществе, сохранившем остатки традиционного образа жизни, главным таким ориентиром является ценность самого рода, основанная на представлении об его священности и универсальности. На этом, собственно, и зиждется осознание собственной родовой принадлежности, которое неизменно апеллирует к прошлому как к некому обоснованию социального поведения.

Таким образом, в социокультурном капитале отражается культурное своеобразие сообщества, его ценности, традиции, обычаи. Однако, исследуя

социокультурный капитал рода как социальный феномен, необходимо, прежде всего, учитывать его функциональные возможности, т.е. возможность выполнять функцию социального капитала как такового. Исходя из этого, исследуя этот феномен, мы будем учитывать два аспекта: содержательный и функциональный, и соответственно изучать его с точки зрения социокультурного подхода и сквозь призму теории социального капитала.

Приступая к анализу социокультурного капитала рода как социального феномена, необходимо остановиться на понятии социального капитала и капитала вообще. Само словосочетание «социальный капитал» содержит в себе определенное скрытое противоречие, полюсами которого являются составляющие его термины. Акцент на слове «социальный» требует обращения к социальным наукам, «капитал» – предлагает рассматривать заявленную проблему в терминах экономической теории, вплоть до финансовой ёмкости. Из этого следует, что понятие «социальный капитал» изначально содержит в себе экономический смысл, от которого трудно абстрагироваться.

В экономической теории *капитал* чаще всего рассматривается как один из факторов производства, наряду с трудом и землей, используемый для производства товаров и услуг и приносящий доход, или же трактуется как «самовозрастающая стоимость»³⁶, которая приносит прибыль в процессе кругооборота (оборотный капитал) либо накапливается, не вступая в оборот (основной капитал). Некоторые исследователи, в частности, Ф. Бродель, определяют *капитал* в еще более широком смысле, как осязаемую реальность, совокупность легко идентифицируемых средств, постоянно находящихся в работе³⁷. Экономическое определение обращает внимание на способность капитала постоянно приносить прибыль, независимо от того, что выступает источником прибыли – финансовые средства или материальные активы. Капитал в экономическом смысле можно не только измерить, но и увеличить с определенной заданной последовательностью. Часть исследователей считает, что

---

³⁶ Колбановский В.В. Социология капитала // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 13.

³⁷ Бродель Ф. Динамика капитализма [Пер. с фр.]. Смоленск: «Полиграмма», 1993. С. 53.

в данном случае предпринимается попытка применения общеизвестного понятия ресурсов к изучению социальных процессов через термин «социальный капитал».

Сам термин «социальный капитал» был введен в начале XX в. американским ученым Л.Дж. Ханифаном, который занимался изучением центров сельских общин. Заслуга Л.Дж. Ханифана состоит в том, что он предложил использовать понятие капитала в не привычном понимании «собственности», а обозначить им такие явления, как репутация, товарищество, взаимная симпатия и социальные связи³⁸. Он наглядно показал, как формируется социальный капитал с помощью различных форм совместной деятельности (встреч, выставок, лекций), которые приводят к расширению круга знакомств и тем самым способствуют накоплению социального капитала.

В представлении других ученых – социальный капитал, прежде всего, *функция*. Так считает, к примеру, Дж. Коулман: он определяет социальный капитал как функцию, которая представляет собой ценность аспектов социальной структуры для акторов как ресурсы, которые они могут использовать для достижения своих целей³⁹. Такое видение социального капитала указывает на его функциональное назначение – выступать в качестве ресурса для получения выгоды или достижения целей.

Социальный капитал напоминает некий запас, который в нужный момент извлекается и используется. По мнению В.В. Радаева, понятие *социального капитала* выражает связи между людьми, «которые сопряжены, во-первых, с ожиданиями определенного поведения от вовлеченных в эти связи людей, а во-вторых, с их определенными взаимными обязательствами»⁴⁰. По сути, такой капитал представляет собой *ресурс*, источником которого служат социальные связи, формирующиеся в процессе жизнедеятельности общества. Эти связи

---

³⁸ Hanifan L.J. The Rural School Community Center// Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1916. P. 130.

³⁹ Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 126.

⁴⁰ Социальный капитал: теория и практика. Социальный капитал как научная категория («круглый стол») // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 5.

являются нематериальными, поэтому, в отличие от материальных или финансовых ресурсов, их сложнее выявить, а значит, посчитать или измерить.

Таким образом, природа социального капитала заключена в социальных связях, которые способны выступать в качестве средств для достижения целей индивида, в то время как, сущность социокультурного капитала предполагает учитывать и нормативно-ценностную составляющую: нормы, правила, ценности, установки, традиции конкретного сообщества. Хотя функционально социальный и социокультурный капитал практически тождественны друг другу, природа социокультурного капитала шире, чем содержание социального капитала: она заключается не только в социальных связях, но и включает в себя культурно-исторические особенности той среды, в которой формируется социокультурный капитал.

Социокультурный капитал, формирующийся в замкнутой или закрытой социальной общности, отличается от капитала в открытых сообществах или общностях и имеет свои особенности: он концентрируется в узком кругу людей, доступ к которому определяется принадлежностью к данному кругу, поэтому представители других общностей не имеют возможности его использовать. *Социокультурный капитал на уровне рода представляет собой закрытую форму социокультурного капитала.*

Для того, чтобы понять сущность социокультурного капитала рода, необходимо выявить основные характеристики закрытой формы социального капитала. Само понятие «закрытый социальный капитал» не является устоявшимся. В западной литературе его принято обозначать «bonding», противопоставляя другой форме капитала – «bridging». В российской социологии еще не сложилось общепринятого перевода и интерпретации этих понятий, различные авторы предлагают разные переводы и толкования этих категорий (см. «Таблица» 1).

Таблица 1.

Bridging капитал	Bonding капитал
внешний	внутренний
межгрупповой	внутригрупповой ⁴¹
слабый	сильный
вертикальный	горизонтальный
неявный	явный
соединяющий	охватывающий ⁴²
открытый	закрытый ⁴³
инклюзивный	эксклюзивный
наводящий мосты	ограничивающий ⁴⁴
сближающий	отличительный
охватывающий разных членов общества	охватывающий только своих ⁴⁵
связи-мосты	связи-оковы

Обобщенно, «bridging» социальный капитал характеризуется своей направленностью вовне, т.е. это внешний или открытый капитал, связывающий разные социальные общности. Этот капитал отличается открытостью, готовностью к сближению, к новым взаимодействиям, к появлению новых связей. Он призван расширять границы, устанавливая новые контакты, т.е. «наводить мосты». На более высоком уровне такой капитал формируется в элемент социальной структуры общества, способствующий развитию норм взаимности и доверия в обществе, усиливающий сплоченность людей, служащий культурными шаблонами и содействующий гармонизации общества. Характер, направленность и структура социального капитала определяют степень сплоченности общества, его способность к самоорганизации. По сути, такой социальный капитал является основой интеграции общества. Он способствует возникновению широких

⁴¹ Granovetter M. The strength of weak ties: a network theory revisited // Sociological Theory. 1983. Volume 1. С. 201–233.

⁴² Мачеринскене И., Минкуте-Генриксон Р., Симанавичене Ж. Социальный капитал организации: методология исследования // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 30.

⁴³ Немировский В.Г. Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края: монография / В.Г. Немировский, А.В. Немировская. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. С. 11.

⁴⁴ Зубарева Д.С. Социальный капитал и дорожное движение: дороги и власти, которые мы выбираем. Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. С. 6.

⁴⁵ Демидов П.А. Социальный капитал как фактор успешности стратегий кандидатов в президентских кампаниях в США (2000–2008 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 2. С. 195.

общественных коалиций и повышает уровень социального капитала всего общества. Именно такой капитал задает вектор развития общества как источник воспроизводства социальных отношений.

«Bonding» социальный капитал, напротив, характеризуется направленностью вовнутрь, т.к. образуется внутренними связями, которые устанавливаются между членами общности и ограничиваются ее пределами. Связи, соединяющие членов общности, представляются в качестве «оков», которые охватывают всех членов общности путем круговой поруки. В таких общностях каждый член несет ответственность перед всем сообществом, ведь главной целью является сохранение и выживание единого целого, а не отдельных частей.

В нашем представлении наиболее целесообразно использовать понятие «закрытый» социокультурный капитал: оно, во-первых, указывает на закрытый или замкнутый тип социальной общности, в рамках которой происходит формирование социокультурного капитала, а во-вторых, отражает сущность такого капитала, недоступного для членов других социальных общностей. Формирование социокультурного капитала в закрытой форме представляет собой процесс формирования сети социальных связей только между членами рода, а также использование этих связей только в интересах и целях членов рода.

Основной составляющей любого закрытого социокультурного капитала являются *связи*, образующие социальную сеть. По своей природе эти связи носят закрытый характер, т.к. формируются в пределах одной социальной общности. По мнению М. Грановеттра, сильные связи ограничены границами малых и закрытых социальных кругов⁴⁶. Однако, как отмечает М. Вулкок, на определенном уровне деятельности сильные связи приносят пользу людям внутри общности, но на высоком уровне экономической деятельности эти социальные связи становятся бременем, т.к. не могут выйти за пределы общности. Если доверие ограничено членами семьи и ближайшим кругом, это может привести к противоположным

---

⁴⁶ Granovetter M. The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // Sociological Theory. 1983. Volume 1. P. 208.

отношениям экономического роста, ведь несоответствующее доверие препятствует или подрывает доверие в обществе в целом⁴⁷.

Применяя вышесказанное к феномену рода, можно заключить, что социокультурный капитал рода формируется на основе родовых связей, которые по факту рождения предписывают ценностно-нормативное поведение в отношении своих сородичей и наделяют их особыми обязательствами. В основе этих связей лежат такие универсальные ценности, как кровное родство, личное знакомство с большей частью членов рода, сплоченность родовичей, взаимная выручка и поддержка, высокий уровень доверия. По сути, эти черты характеризуют родовые отношения как особый тип отношений, воспроизводящийся в замкнутой социальной общности, т.к. род представляет собой закрытую социальную общность.

По мнению Ф. Фукуямы, самое очевидное и естественное основание, по которому люди могут доверять друг другу и объединяться – это родственные связи, т.е. семья и родственники. Причем, дальность родства определяет уровень доверия к родственникам: чем ближе родственник – тем выше уровень доверия, чем дальше – тем меньше. Однако Ф. Фукуяма предупреждает, если семейственность не сочетается образованием и работой, то это может привести к «душному болоту и врожденному застою»⁴⁸. В этом таятся негативные последствия социокультурного капитала, основанного на родственных связях.

Род изначально содержит в себе признаки закрытой социальной общности, т.к. формируется по признаку кровного родства и общности происхождения. В основе рода лежат внутренние связи, пронизывающие род невидимой сетью родовых связей и отношений. Родовые связи по своей природе носят сильный характер, т.к. скрепляют людей естественными узами – кровными связями.

Особенность социокультурного капитала рода заключается в том, что все родовые связи и отношения формируются в пределах общностей, связанных

---

⁴⁷ Woolcock M. Social Capital: the State of the Notion // Social Capital: Global and Local Perspectives / Ed. by J. Kajanoja, J. Simpura. Helsinki: Government Institute for Economic Research, 2000. P. 67.

⁴⁸ Fukuyama F. Social capital and the global economy // Foreign affairs, September/ October 1995. Volume 72. № 5. P. 91.

узами кровного родства и общности происхождения от одного предка. При этом ключевым признаком является именно общность происхождения и принадлежность к одному роду. К примеру, даже состав одной семьи является смешанным: в зависимости от линии происхождения (патрилинейная или матрилинейная) дети принадлежат к роду отца либо к роду матери. Однако социокультурный капитал является доступным только для тех, кто считается частью рода.

Связи по роду (кости) выступают той силой, которая обуславливает прочность и надежность социальных отношений, а осознание общей принадлежности, позиционирование себя в категориях «Мы-Они» лишь способствует общей сплоченности. Сила родовых связей заключена в том, что они апеллируют к общности происхождения, к общности исторического прошлого, судьбы. При этом особое значение приобретает наличие родового самосознания как субъективного фактора, способствующего единству и сплоченности членов рода в единое целое. Именно родовое самосознание представляет ту основу, благодаря которой возможно формирование закрытого социокультурного капитала рода.

По мнению М. Вебера, именно закрытые общности обладают особым качеством: невероятным «кастовым высокомерием»⁴⁹, которое способствует сплочению общности и позволяет общими усилиями достигать групповых целей с меньшими затратами. Общее *самосознание* приводит к моральному единству рода, позволяет членам рода чувствовать его поддержку и опору. Осознание своей принадлежности к роду обязательно подкрепляется социальным поведением, т.е. позиционированием себя в качестве части рода. Выходит, что социокультурный капитал внутри рода будет накапливаться только в том случае, если члены рода будут осознавать свою принадлежность и своими действиями способствовать его приращению.

---

⁴⁹ Вебер М. Избранные произведения [Пер. с нем.]. Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 288.

С одной стороны, родовое самосознание «работает» во благо интересов общности и ее членов, но с другой стороны, оно приводит к замкнутости и ограниченности общности в достижении ее целей. Таким образом, общность самосознания способствует укреплению родовых связей и тем самым обеспечивает прочность и надежность такого капитала, но в то же время и ограничивает границы формирования социокультурного капитала небольшим кругом родоначальников, который не способен обеспечить достаточный объем капитала в силу концентрации этих связей только в пределах рода.

Обобщенно *социокультурный капитал рода* можно определить как сеть прямых социальных связей внутри рода между его представителями, а также всего рода с другими социальными общностями, основанные на осознании своей родовой принадлежности и активности, направленной на самосохранение и саморазвитие культуры данной общности.

Род как замкнутая социальная общность не просто накапливает и сосредоточивает социокультурный капитал, но и выполняет функцию его сохранения. Особую роль в сохранении такого капитала играют *социальные нормы*. По мнению Н. Лин, именно в сети закрытого типа существует взаимное признание между ее членами, которое необходимо для поддержания и воспроизводства общей солидарности и сохранения доминирующего положения общности. Закрытый характер связей сети поддерживает и усиливает доверие, нормы, власть, санкции и т.д. Это, в некотором смысле, укрепляющие силы, которые могут гарантировать, что ресурсы сети можно активизировать⁵⁰. Это довольно точно отражает характер родовых связей и отношений, основанных на общности происхождения, общего самосознания, разделяемых всеми ценностях и нормах, которые обеспечивают прочность и надежность социокультурного капитала, сформированного внутри рода.

В большей степени формированию закрытого социокультурного капитала на уровне рода способствует общность *ценностей*, на которых держатся родовые отношения. По мнению Ф. Фукуямы, социальный капитал и есть набор

---

⁵⁰ Lin N. Building a Network Theory of Social Capital // Connection 22 (1) 28:51, 1999. P. 34.

неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами общности и делают возможным сотрудничество внутри этой общности⁵¹.

Понимание ценности как основы социальной жизни встречается еще у М. Вебера, который, характеризуя социальное действие как ценностно-рациональное, описывает его как основанное на вере в безусловную – эстетическую, религиозную или любую другую – самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет⁵². При этом важен сам факт социального действия, соблюдение внешних атрибутов действия, независимо от содержания или смысла поведения, в чем прослеживается слепая преданность традиции, для которой «все старое священо»⁵³. Это утверждение подтверждается словами Э. Дюркгейма, рассматривавшего ценности как объективную данную нам реальность, существующую «вне меня». То есть общество, выступая законодателем, творцом и хранителем всех благ, в каком-то смысле навязывает нам реальность, принуждая нас принимать те или иные ценности и действовать в соответствии с ними⁵⁴. Ведь ценности не являются продуктом индивидуального или группового сознания, они присущи обществу в целом.

По мнению Н.И. Лапина, структуру ценностей всегда составляют стабильное «ядро», менее стабильная периферия и «хвост». И, хотя в разные исторические периоды композиция этих ценностей может меняться: ценности с периферии могут перейти в ядро или наоборот, но ценности, составляющие «хвост», никогда не попадут в ядро⁵⁵. Это объясняет доминирующий характер ценности рода как основного фактора, определяющего характер родовых отношений в современном обществе. Главные ценности, на основе которых

---

⁵¹ Фукуяма Ф. Великий разрыв. [Пер. с англ.]. Под общ. ред. А.В. Александровой. М: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. С. 11.

⁵² Вебер М. Избранные произведения [Пер. с нем.]. Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 627.

⁵³ Мангейм К. Диагноз нашего времени. [Пер. с немецкого М.И. Левиной, С.В. Карпушина, А.И. Миллер, Т.И. Студеникиной]. М.: «Юрист», 1994. С. 567.

⁵⁴ Дюркгейм Э. Ценности и «реальные суждения» Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 107.

⁵⁵ Лапин Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 6.

формируется социокультурный капитал рода – это незыблемость самого рода, признание его в качестве авторитета, уважение и почитание старших как хранителей родовой истории, соблюдение традиций и обычаев предков.

Очевидно, что ценность рода в традиционном и современном обществах существенно различается. Традиционное общество, в первую очередь, характеризует ориентация на традицию, авторитет которой не подлежит сомнению, или, другими словами, «слепая» преданность прошлому⁵⁶. При этом содержание традиции остается неизменным, универсальным, не поддающимся каким-либо изменениям, кроме того, такое общество отличает отсутствие рациональной обоснованности поведения, которое основано на длительной привычке, «часто это только автоматическая реакция на привычное раздражение в направлении некогда усвоенной установки»⁵⁷.

Род в обществе такого типа играет значимую роль в жизни всего социума и определяет характер социальных процессов и явлений. К примеру, строго соблюдаются принцип экзогамии – запрет на заключение браков между представителями одного рода; принцип наследования, запрещающий отдавать имущество и землю представителям других родов; а также обычай кровной мести, передающийся от отца к сыну. Особое место в социальной иерархии занимает институт старейшин рода, авторитет которого также не подлежит сомнению. В традиционном обществе старейшина рода, наряду с шаманами, стоит на вершине социальной лестницы. Он выполняет функции регуляции и контроля социальной жизни, а также осуществляет правосудие. Старейшина рода имеет огромное влияние в обществе и во многом определяет направленность развития всех социальных институтов.

В современном обществе род представляет собой возрожденный социокультурный феномен, традицию с «обновленным» содержанием и формой⁵⁸.

---

⁵⁶ Лушникова О.Л. (Тохтобина О.Л.) Родовые отношения как особая форма проявления прошлого // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1 (11). С. 195.

⁵⁷ Вебер М. Избранные произведения [Пер. с нем.]. Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 627.

⁵⁸ Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма (монография). СПб: Алетейя, 2011. С. 128.

Как правило, возрожденные традиции, облеченные в старую форму, как бы формируются заново и наполняются новым смыслом. Так, в условиях нынешнего общества род возрождается как некая общность, объединяющая людей на основе признаков очевидного родства. Утрачивают свое значение и другие принципы и основы родового общества. К примеру, в современном обществе изменилось значение и место старейшины, причем как внутри рода, так и в обществе, в целом. Сегодня старейшина выполняет управленческие функции номинально, а реально является лишь символом единства и сплоченности рода.

По мнению Л.В. Анжигановой, сегодня род является «носителем генетической информации этноса...способствует сохранению и развитию семейных отношений и всего этноса»⁵⁹. Поэтому, говоря о традиционной ценности рода как основы социокультурного капитала, следует заключить, что он, скорее, выступает в качестве символа единства и сплоченности общества. Кроме того, существуют и универсальные ценности, способствующие моральному единству и духовной общности рода, они держатся на общей сплоченности или солидарности рода, а также подкрепляются общей памятью, общностью самосознания, религиозных убеждений, традиций, привычек и т.д.

Особую роль при формировании социокультурного капитала играет *доверие* как одна из значимых ценностей. По мнению некоторых исследователей, в замкнутых сообществах существует особое доверие. Так, С.Ю. Барсукова обосновывает вынужденный характер доверия в таких сообществах. Смысл вынужденного доверия заключается в том, что в процессе социального взаимодействия доверяют не индивиду, а тому окружению, которое сумеет вынудить его соблюсти обязательства сделки.

Согласно определению С.Ю. Барсуковой, *вынужденным* является доверие, вызываемое не личными добродетелями, а возможностью группы регулировать поведение своих членов⁶⁰. Анализируя сущность социокультурного капитала рода, следует отметить высокий уровень доверия к отдельному члену рода,

---

⁵⁹ Анжиганова Л.В. Эволюция мировоззрения хакасов. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2007. С. 106.

⁶⁰ Барсукова Ю. Вынужденное доверие сетевого мира // Политические исследования. 2001. № 2. С. 54.

который, как правило, выше, чем уровень доверия к нему в других общностях, не связанных узами кровного родства. В этом случае объем такого капитала определяется количеством людей, входящих в круг доверия: например, только близкие родственники или члены рода.

По мнению О. Демкив, мотивация в случае вынужденного доверия заключается в ожидании преимуществ, которые дает «хорошая репутация» в конкретном коллективе⁶¹. И чем выше способность сети повлиять на поведение индивида, принудить к выполнению своих обязательств, тем выше уровень доверия к нему. Именно поэтому важна репутация, испортив которую, индивид рискует лишиться доступа к ее ресурсам.

К примеру, существуют роды, которые из поколения в поколение заключают между собой браки, исключая при этом возможность заключения браков с другими родами. Некоторые роды по причине плохой репутации автоматически исключаются из списка возможных кандидатов, а значит, обречены на постепенное вымирание, т.к. не участвуют в процессе воспроизводства общества. Отсюда, формирование социокультурного капитала рода невозможно без высокого уровня доверия как к роду в целом, так и к отдельному члену рода.

Другим признаком социокультурного капитала рода как закрытой формы является *ограниченная мораль*, суть которой сводится к тому, что одни и те же нормы в одинаковых ситуациях применяются по-разному в зависимости от того, на кого они направлены, и предпочтение, как правило, отдается члену близкого круга. Это подтверждают исследования М.В. Курбатовой, С.Н. Левина и Е.С. Кагана, которые считают, что социальный капитал может выступать в форме локальных групповых норм и правил, а также в форме личных связей. Фактически, это закрытый социальный капитал, который представляет собой запас социальных контактов, позволяющий за счет локального взаимодействия обеспечивать устойчивость агентов, повышать их конкурентоспособность за счет

---

⁶¹ Демкив О. Социальный капитал: теоретические основания исследования и операциональные параметры // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 105.

исключительного доступа к определенным видам ресурсов⁶². Высокий уровень доверия внутри рода, а также кровные интересы, по сути, вынуждают членов рода к различному поведению в отношении членов рода и не-членов, ведь в случае неоправданного доверия род может ограничить индивида в доступе к имеющимся у него ресурсам. Фактически, это свидетельствует об ограниченной морали – наличии определенных норм морали, правил поведения и особых ценностей, распространяющихся только на членов рода.

Отсюда вытекает следующий признак социокультурного капитала рода – взаимная ответственность. Естественно полагать, что родовые отношения, построенные на доверии, подкрепляются взаимной зависимостью и ответственностью перед членами всего рода. По мнению Г. Беккера, «чем больше вклад социального окружения в социальный доход, тем сильнее благосостояние индивида зависит от отношения и поведения других индивидов, а не от его собственного дохода»⁶³. А в силу замкнутости рода как социальной общности взаимозависимость членов рода намного выше, чем между людьми, не связанными родовыми узами. Именно взаимная зависимость и ответственность, а также высокий уровень доверия между членами рода обеспечивают прочность и надежность такого социокультурного капитала.

Прочность социокультурного капитала рода зависит также от силы связей, образующих его. Родовые связи, по сути своей, носят характер сильных связей, т.к. апеллируют к кровному родству. По мнению Р.С. Берта, сильные связи представляют собой более надежные каналы связи, т.к. имеют больше возможностей действовать сообща против тех, кто нарушает нормы поведения⁶⁴. Так, любая замкнутая общность может применять санкции в отношении своих членов, чтобы обеспечить своего рода гарантию успешного социального взаимодействия. Угроза санкций делает доверие более вероятным между людьми,

---

⁶² Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // *Общественные науки и современность*. 2010. № 6. С. 37–51.

⁶³ Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. [Пер. с англ.]. Сост., науч. ред., послесл. Р.И. Капелюшников; предисл. М.И. Левин. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 239.

⁶⁴ Burt R.S. Structural Holes versus Network Closure as Social Capital // *Social Capital: Theory and Research*, edited by Nan Lin, Karen S. Cook, and R. S. Burt. Aldine de Gruyter, 2001. 30 p.

которые имеют общих друзей. Кроме того, члены закрытых сетей способны исключить из числа потребителей благ тех, кто не принимает участия в его предоставлении⁶⁵. Взаимозависимость между членами рода, которых связывают кровные узы, обеспечивает вероятность такого успешного взаимодействия. Ведь в случае невыполнения каких-либо обязательств род может лишиться члена рода доступа к отдельным ресурсам.

В определенном смысле род выступает регулятором социальных отношений, выполняя функцию распределения общественных благ. Концентрация капитала в пределах одного рода предоставляет большие преимущества ее членам, которые получают выгоду в виде ценной информации, упрощенного механизма интеракции с меньшими издержками и т.д. В замкнутой общности, каковую из себя представляет род, все связаны так, что никто не может избежать ее воздействия. Ее преимущества заключаются в том, что она имеет возможность управлять информацией, открывая доступ к потенциальной информации, которая может быть полезна членам общности. Однако в отношении членов других общностей такая концентрация социокультурного капитала уменьшает возможности его использования, т.к. доступ к ресурсам общности ограничен.

По мнению П. Бурдьё, наиболее концентрированно социальный капитал формируется в замкнутых или «избранных» пространствах, которые формируются по признакам социального происхождения (элита), кровной или родственной связи (потомки одного клана и династии), по общим интересам (элитные клубы)⁶⁶. Принадлежность к роду выступает, с одной стороны, в качестве основы кровного родства, но с другой, может давать право на особое привилегированное положение. В первую очередь это связано с феноменом знатности как осознанием принадлежности к особой социальной общности. По мнению ученого, основанием для получения привилегий является факт

---

⁶⁵ Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // Общественные науки и современность. 2010. № 6. С. 39.

⁶⁶ Бурдьё П. Социология политики [Пер. с фр.]. Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 42.

принадлежности к знатному роду. Принадлежность к привилегированной общности подтверждается манерами человека – умением держать себя в обществе, особым произношением, стилем одежды и т.д.⁶⁷. Отсюда – принадлежность к знатному роду, по сути, уже является социокультурным капиталом, т.к. изначально наделяет человека определенными правами и обязанностями, тем самым открывая доступ к некоторым ресурсам. Это, в некотором смысле, «кредит» – предоставление привилегий, бонусов в виде ссуды денежных, товарных средств или социальных связей под гарантию знатности (например, известной фамилии или имени рода).

Безусловно, родовые связи могут приносить прибыль, если органично вплетаются в экономические отношения. Механизм формирования такого капитала действует по принципу эффекта «клуба», т.е. образование в пределах какого-либо пространства устойчивого объединения людей, похожих друг на друга тем, что их отличает от огромного множества других⁶⁸. Некоторые предприятия образуются и функционируют как закрытые клубы, доступ к которым ограничивается принадлежностью к определенному роду и тем самым исключается вероятность включения «неподходящих», нежелательных лиц. Они охотнее принимают на работу своих родственников, доверие к которым выше, чем к посторонним людям.

Аналогичным образом устроены этнические анклавов или ниши, которые, по мнению А. Портеса, возникают тогда, когда общность способна образовывать определенный сектор работы таким путем, что члены имеют привилегированный доступ к новым открытиям⁶⁹. Положительный эффект таких анклавов заключается в том, что они дают возможность занять определенную экономическую нишу в бизнес-сообществе (например, ресторанный бизнес, магазины одежды) и благодаря этому участвовать в общем капитале, аккумулированном совокупностью всех членов сообщества. Исходя из этого,

---

⁶⁷ Бурдые П. Социология политики [Пер. с фр.]. Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 66.

⁶⁸ Там же. С. 49.

⁶⁹ Portes A. Social capital: Its origins and applications in modern sociology // Annual review of sociology. Vol. 24. 1998. P. 13.

принадлежность к роду открывает большие возможности для человека как представителя того или иного рода, который может использовать социокультурный капитал рода в собственных интересах. Отрицательный эффект заключается в том, что превращаясь в монополию, такие предприятия выступают в роли ограничителей для представителей других сообществ, а иногда даже и для «своих», которые покидают это сообщество, чтобы избежать его влияния.

Однако функция социокультурного капитала заключается в первую очередь в том, чтобы работать на благо всего рода. По мнению Р. Патнама, эта функция держится на доверии в пределах конкретных социальных сетей, которое помогает людям быстрее сплочиваться, самоорганизовываться и более эффективно достигать общих целей, отсюда вовлеченность людей в социальную деятельность, их участие в общественной жизни является важным индикатором социального капитала⁷⁰. Например, во время организации различных мероприятий: праздников, встреч рода, свадеб проявляется способность рода организовываться для общего дела. В трудных жизненных ситуациях члены рода оказывают друг другу моральную и материальную помощь.

Однако наличие кровной связи не обязательно предписывает членам рода вступать в отношения друг с другом, поэтому такая связь может остаться нереализованной. К фактическому социокультурному капиталу рода можно отнести только те связи, которые могут быть использованы членами рода для получения какой-либо выгоды, в противном случае, они будут существовать в качестве *потенциального* социокультурного капитала. К примеру, Е.А.В. Боксман, П.М. Де Граф и Х.Д. Флап так и трактуют социальный капитал, в терминах «ожидания». По их мнению, социальный капитал состоит из совокупности некоторого количества людей, от которых можно ожидать оказание поддержки, и тех ресурсов, которые эти люди имеют в своем распоряжении⁷¹.

---

⁷⁰ Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, N.Y.: Simon & Schuster, 2000. 544 p.

⁷¹ Boxman E.A.W., De Graaf P.M., Flap H.D. The Impact of Social and Human Capital on the Income Attainment of Dutch Managers // Social Networks. 1991. P. 52.

Этим подчеркивается потенциальный характер возможности использования ресурсов.

Однако некоторые исследователи относят к социокультурному капиталу как реальные ресурсы, которыми акторы распоряжаются, так и потенциальные, которыми они могут пользоваться лишь гипотетически. Определяя социокультурный капитал личности как потенциальные ресурсы, необходимо выделить две особенности. Во-первых, потенциальные ресурсы членов сети, к которой принадлежит индивид, могут выступать в качестве социокультурного капитала при условии, что обладатели предоставят их в его пользование, в противном случае эти ресурсы не могут считаться социокультурным капиталом личности. Во-вторых, сама социальная структура, к которой принадлежит индивид, потенциально содержит в себе определенные преимущества, но если эти преимущества не используются индивидом целесообразно, они не создают социокультурного капитала.

Особенность реальных ресурсов заключается в том, что они являются проверенными, их можно использовать в любое время. В отличие от них, потенциальные ресурсы имеются в распоряжении индивида лишь гипотетически. Следовательно, потенциальные ресурсы трудно назвать социокультурным капиталом в полном смысле этого слова. Как отмечают Л. Араухо и Дж.И. Истон, социальная сеть, состоящая из связей, только тогда становится элементом социального капитала, когда эти связи полезны и помогают личности достичь определенной цели⁷². Смысл социокультурного капитала заключается в том, что он представляет собой своего рода запас, который человек имеет в своем распоряжении и которым может пользоваться и распоряжаться. Потенциальный социокультурный капитал, несмотря на его наличное существование, не используется индивидом. Кроме того, существует трудность использования потенциальных ресурсов, которая осложняется отсутствием налаженного механизма его активизации, а также нехваткой информации о них, поэтому легче

---

⁷² Araujo L.M, Easton G. A relational resource perspective on social capital. In: Corporate Social Capital and Liability. Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, 1999. P. 68–87.

использовать уже известные и проверенные ресурсы. В общем, это свидетельствует о том, что не все связи могут превратиться в социокультурный капитал.

Родовые связи превращаются в реальный социокультурный капитал только тогда, когда у членов рода существует достаточное количество информации о возможности его использования, о механизмах его применения, а также согласие рода на использование этой возможности. Потенциальный социокультурный капитал рода, во-первых, образуют неявные связи между членами рода: например, между родовичами, географически удаленными друг от друга и не знающими о существовании своих родственных связей; во-вторых, те связи, которыми отдельный индивид или род в целом располагает в своем распоряжении, но которые ни разу не использовались в качестве социокультурного капитала.

При этом следует отметить, что формирование социокультурного капитала на уровне рода представляет собой разнонаправленный процесс: с одной стороны, существует индивидуальный социокультурный капитал отдельного члена рода, который накапливается человеком в течение всей его жизни и не связан с принадлежностью к роду. Однако человек как представитель рода не всегда может предоставить накопленный им лично социокультурный капитал в распоряжение рода, в этом случае такой капитал останется потенциальным для остальных членов рода. С другой стороны, существует социокультурный капитал рода, который формируется как за счет индивидуальных капиталов членов рода, так и связей, которые род устанавливает с другими социальными субъектами. Отсюда следует, что носителями социокультурного капитала могут быть как отдельные люди, так и целые общности, исходя из этого, целесообразно рассматривать формирование социокультурного капитала рода на разных уровнях.

Необходимость выделения разных уровней социокультурного капитала обусловлена спецификой самого социокультурного капитала. *Индивидуальный* социокультурный капитал образует уникальная палитра связей конкретного человека, отличающаяся от связей людей даже со схожими социальными

характеристиками. Своеобразие такого социокультурного капитала обусловлено природными данными человека (например, внешность), его социальным происхождением, профессиональным и образовательным уровнем, чертами характера, интересами и увлечениями и т.д. *Групповой* социокультурный капитал, хотя и образуется связями между членами общности, однако не сводится к их механической сумме, к примеру, некоторые индивидуальные социокультурные капиталы используются общностью, а некоторые – нет. Кроме того, социальная общность, выступая, как единое целое, обладает собственным социокультурным капиталом – связями с другими социальными общностями, выступающими в качестве самостоятельных субъектов взаимодействия. Можно выделить и социокультурный капитал *целого общества*, который также не сводится к сумме индивидуальных или групповых капиталов, а представляет собой особую субстанцию, трактуемую в категориях доверия, норм взаимности, ценностей, сплоченности общества и т.д.

Применяя этот подход к анализу социокультурного капитала на уровне рода, можно предположить, что образование социокультурного капитала происходит на микро-, мезо- и макроуровнях, т.е. как формирование социокультурного капитала человека как представителя рода, накопление социокультурного капитала рода и становления социокультурного капитала всего общества, в котором сохранились родовые отношения.

Формирование социокультурного капитала человека как представителя рода, в первую очередь, связано с его принадлежностью к тому или иному роду. По сути, этот капитал выступает в качестве взаимно усиливающего эффекта в дополнение к его человеческому капиталу, расширяя его возможности в достижении своих целей. Однако связи, лежащие в основе такого социокультурного капитала, носят аскриптивный и, в определенном смысле, принудительный характер, т.к. определяются фактом его рождения и принадлежностью к конкретному роду. По этой причине такой социокультурный капитал в меньшей степени обусловлен качествами и характеристиками самой личности, и в большей степени – его социальным окружением – родственниками.

Индивидуальный социокультурный капитал отражает социальные связи отдельного индивида, которые выступают в качестве ресурса достижения его целей. Принадлежность к роду, наряду с другими социальными ролями, обеспечивает широту и разнообразие окружения, которые увеличивают возможности члена рода в достижении его целей. Как отмечает Г.А. Гуртовенко, чем шире и разнообразнее эти связи, тем легче человеку реализовать свой потенциал и тем меньше его издержки на преодоление конфликтов⁷³. Однако формирование социокультурного капитала человека как представителя рода происходит преимущественно на основе прямых кровных связей: родители (отец или мать), братья и сестры; родственных связей (дальние родственники) и связей с членами рода. С одной стороны, такие связи обеспечивают закрытый характер воспроизводства социокультурного капитала, но с другой, являются более надежными. Надежность многочисленных социальных связей, образующих сеть родовых отношений, обеспечивают, как правило, явные связи, существующие между членами рода. Однако большую пользу и выгоду могут принести связи, существующие в неявном виде. Как правило, это связи с теми членами рода, которые географически находятся далеко, но при особо важных обстоятельствах могут оказать какую-либо помощь.

Отмечая особенности социокультурного капитала человека как члена рода, следует отметить, что, способствуя достижению его личных интересов (например, протекция при устройстве на работу, помощь в трудной ситуации), он ограничивает права других людей, потенциально имеющих возможность получить ту же самую выгоду в этих же условиях, поэтому такой социокультурный капитал, по сути, является неконкурентным. Это подчеркивает А.В. Бузгалин, считая, что отношения, описываемые понятием «социальный капитал», по преимуществу не конкурентны⁷⁴. Объясняется это высоким уровнем доверия в узких кругах, основанных на отношениях личного знакомства, дружбы

---

⁷³ Гуртовенко Г.А., Ильина Н.Ф. Инновационный кадровый ресурс образования: способы производства и воспроизводства человеческого и социального капитала. Красноярск, 2008. С. 7.

⁷⁴ Бузгалин А.В. «Социальный капитал»: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма или гексоген в его основании? // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 147–161.

и т.д. Такой характер отношений находится вне конкуренции: предпочтение всегда отдается близким, знакомым, приятелям, т.к. является проверенным источником социокультурного капитала. В связи с этим следует отметить и негативные последствия социокультурного капитала, связанные с замкнутостью рода как общности, утверждающей монополию на ресурсы и закрывающей доступ к ним другим людям.

Формирование социокультурного капитала человека как члена рода происходит путем предоставления социальных кредитов, которые порождают отношения обязательства: у стороны, предоставившей социальный кредит, формируется ожидание того, что в будущем она получит этот кредит обратно. Но если другая сторона отказывается возвращать кредит, то она освобождает себя от уплаты кредита, снимая с себя все обязательства, и в этом случае не происходит накопление социокультурного капитала. Индивидуальный социокультурный капитал члена рода в меньшей степени зависит от отношений ожиданий и обязательств по причине того, что накопление социокультурного капитала в общностях, основанных по признаку родства, происходит не по принципу взаимодействия, в результате которого формируются социальные ожидания и обязательства, а на основе принятия ценностей рода и кровного родства вообще. Поэтому независимо от того, происходит ли социальное взаимодействие, способствующее установлению социальных связей, социальные обязательства перед членами рода существуют априори. Это, в свою очередь, приводит к формированию высокого уровня ответственности как перед отдельными членами рода, так и перед всем родом.

В целом, природа индивидуального социокультурного капитала заключается в групповом эффекте – благодаря членству в общности или социальной сети человек получает преимущество или возможность получать выгоду. Во-первых, принадлежность к роду изначально предписывает и определяет круг людей, от которых можно ожидать поддержки и помощи, а во-вторых, открывает доступ к ресурсам разных представителей рода, даже не имеющих между собой прямой явной связи. В этом заключается отличие

социокультурного капитала члена рода от представителя любой другой социальной общности, который, чтобы извлечь какую-либо выгоду, должен иметь легитимный доступ к нему либо получить протекцию на его использование от зарекомендовавшего себя другого члена этой общности.

Формирование индивидуального социокультурного капитала члена рода происходит в процессе социализации. Человек усваивает нормы поведения в отношениях с другими членами рода, у него формируются ценности (терпимость, ответственность перед всеми членами рода, взаимопомощь), стереотипы как в отношении членов рода, так и в отношении членов других родов. На основе этого у человека формируется установка: доверять или не доверять «своим» и «чужим», быть открытым или закрытым для общения. Исходя из этой установки, человек устанавливает те связи, которые способствуют достижению именно личных целей, т.е. выполняют функцию социокультурного капитала.

Накопление социокультурного капитала на мезоуровне, т.е. на уровне общности, по мнению некоторых авторов, образуется совокупностью индивидуальных социокультурных капиталов⁷⁵. Социальные связи, лежащие в основе группового социокультурного капитала, существуют как внутри общности, между ее членами, так и за ее пределами, с другими социальными объединениями. В связи с этим можно выделить два вида связей, составляющих основу группового социокультурного капитала: внутренние и внешние. По мнению Р. Патнама, внутренние связи, или *связи-оковы*, поддерживают внутригрупповую солидарность и укрепляют эксклюзивные идентичности и однородные общности, в то время как внешние связи, или *связи-мосты*, объединяют людей в разных социальных слоях⁷⁶. М. Вулкок также выделяет два измерения социального капитала на уровне общности – «сильные» внутригрупповые связи и «слабые» внегрупповые сети⁷⁷.

---

⁷⁵ Penning J.M., Lee K. Social capital of organization: conceptualization, level of analysis, and performance implication // Ed. by R.ThAJ. Leenders. S.M. Gabbay. USA: Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 30.

⁷⁶ Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, N.Y.: Simon & Schuster, 2000. P. 22.

⁷⁷ Woolcock M. Social Capital: the State of the Notion // Social Capital: Global and Local Perspectives / Ed. by J. Kajanoja, J. Simpura. Helsinki: Government Institute for Economic Research, 2000. P. 28.

Формирование социокультурного капитала рода представляет трехсторонний процесс: он образуется, во-первых, совокупностью индивидуальных социокультурных капиталов членов рода, во-вторых, внутренними связями между членами рода, и в-третьих, внешними связями, которые род устанавливает как самостоятельный субъект взаимодействия с другими социальными общностями. Однако следует отметить, что не весь объем индивидуальных социокультурных капиталов можно включить в общий капитал рода. Каждый человек распоряжается своим социокультурным капиталом по усмотрению, поэтому он не всегда может быть привлечен в качестве ресурса для нужд рода.

Увеличение социокультурного капитала рода внутри рода происходит за счет внутренних связей, образующихся между членами рода. Однако эти связи составляют социокультурный капитал рода только в том случае, когда носят ярко выраженный характер. Сила внутренних связей тесно связана с уровнем родового самосознания: чем выше уровень самосознания, тем более прочными являются связи. Эти связи увеличивают объем группового капитала рода, т.к. облегчают социальные взаимодействия в пределах самого рода. Но в то же время они носят ограниченный характер, т.к. не выходят за пределы рода, поэтому, собственно, социокультурным капиталом общности можно назвать именно внешние связи рода с другими социальными общностями, которые открывают доступ к новым ресурсам. Именно за счет этих связей происходит формирование социокультурного капитала, который может принести ощутимую пользу или выгоду.

Прочность такого социокультурного капитала обеспечивает его более или менее устойчивый характер, ведь, по мнению К. Казануэва и А. Гальего, к социальному капиталу относятся только те ресурсы, которые сохраняются в течение времени⁷⁸. То есть доверие, лежащее в основе социокультурного капитала, складывается постепенно, путем взаимных ожиданий и обязательств

---

⁷⁸ Casanueva C., Gallego A. Social capital and individual innovativeness in university research networks // Innovation: Management, Policy & Practice April 2010. Vol. 12. № 1. P. 106.

партнеров, сотрудничающих в процессе взаимодействия. Так, социокультурный капитал рода складывается годами или даже веками, на протяжении которых формируется репутация рода, его имя, служащее основой для взаимодействия и длительных контактов.

Формирование социокультурного капитала происходит в процессе повседневной жизни, когда формируются множественные социальные связи между членами рода и с течением времени образуются прочные сети взаимодействия. Иными словами, аккумулированный социальный капитал обеспечивает общественную стабильность и устойчивое развитие благодаря незримым повседневным актам взаимности и доверия членов социальной общности⁷⁹. Из этого следует, что позитивные эффекты социокультурного капитала могут получать только члены рода, и они не распространяются на членов других общностей.

Накопление социокультурного капитала на уровне рода происходит благодаря воспроизводству родовых отношений в форме горизонтальных и вертикальных связей между членами рода. Особую роль при этом играют такие ценности, как доверие, взаимность и сотрудничество, на основе которых происходит взаимодействие. К примеру, авторы работы «Социальный капитал: его потенциал и ограничения для осуществления социальной политики и программ» так и трактуют социальный капитал – в терминах доверия, взаимности и сотрудничества. По их мнению, *доверие* представляет собой результат многократных взаимодействий с другими людьми, которые будут отвечать великодушием, усиливая связь, соединяющую принятие риска с чувством привязанности или с расширенной идентичностью. *Взаимность* понимается как руководящий принцип логики взаимодействия, незнакомого с логикой рынка, который предполагает взаимный обмен. *Сотрудничество* – это дополнительное действие, предназначенное для достижения разделяемых целей общей

---

⁷⁹ Степаненко В. Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. 2. С. 32.

деятельности⁸⁰. На основе этих принципов происходит формирование как горизонтальных, так и вертикальных связей внутри рода.

Горизонтальные связи отражают отношения между более или менее равными по статусу членами рода. Благодаря этому происходит успешное взаимодействие при возникновении каких-либо проблем. Особенно эффективно накопление социокультурного капитала рода на этом уровне происходит при наличии общей цели (организация встречи рода, помощь нуждающимся семьям, сиротам). Вертикальные связи отражают иерархические связи (например, со старейшиной рода). Воспроизводство родовых отношений на уровне взаимодействия происходит в процессе деятельности старейшины рода и других членов, которые исполняют его поручения. Особенностью образования социокультурного капитала на этом уровне является характер взаимодействия: старейшина рода, как правило, избирается, а не назначается, поэтому все подчиняются ему добровольно.

Можно выделить несколько факторов, объясняющих, почему социокультурный капитал может способствовать повышению эффективности деятельности общности. По мнению Н. Лин, это, во-первых, полезная информация, которая может предоставить возможность выбора, предупредить о возможных последствиях, уменьшить транзакционные издержки и обеспечить соответствующее вознаграждение. Во-вторых, влияние, которое социальные связи могут оказывать на наиболее важных акторов, играющих решающую роль в принятии решений. И в-третьих, свидетельства социальных достижений, отражающие доступ человека к ресурсам посредством социальных сетей и отношений⁸¹. Таким образом, очевидное преимущество социокультурного капитала рода заключается в его эффективности, которая достигается за счет быстроты передачи информации между членами рода, авторитета и влияния, которое род оказывает на отдельных членов рода.

---

⁸⁰ The social agenda. Social capital: its potential and limitations for the implementation of social policies and programmes // Social Panorama of Latin America, United Nations: December 2002. P. 144.

⁸¹ Lin N. Building a Network Theory of Social Capital // Connection 22. 1999. P. 35.

Выходит, что социокультурный капитал общности выступает, с одной стороны, источником, который присущ внутренним характеристикам социальной сети актора, а с другой – источником, расположенным во внешних связях общности и связывающим ее с другими акторами⁸². Отсюда социокультурный капитал рода формируется из внутренних связей, внешних связей с другими общностями, а также совокупностью индивидуальных социокультурных капиталов при условии их мобилизации для интересов рода. Мы будем считать все связи – как внутренние и внешние, так и индивидуальные связи члена рода – социокультурным капиталом рода.

Многочисленные сети связей между различными социальными общностями приводят к формированию социокультурного капитала на макроуровне. По мнению П.Н. Шихирева, сети могут формироваться не только между акторами одного уровня (только индивидами, только общностями, только предприятиями), но и представлять собой комбинацию из акторов различного уровня (в одну сеть могут быть включены индивиды, общности и государство)⁸³. На более высоком уровне такая комбинация сетей формирует социокультурный капитал всего общества. Такой капитал рассматривается в контексте социальной структуры общества с точки зрения его влияния на экономическую, политическую или культурную жизнь. С. Зритель и М. Вулкок обозначают такой тип капитала как «linking», он включает нормы уважения и сети доверительных отношений между людьми, которые взаимодействуют через явные, формальные или институционализированные органы власти в обществе⁸⁴. Это, по сути, и есть социокультурный капитал всего общества, т.е. связи, соединяющие разные уровни социальной структуры.

Рассматривая социокультурный капитал в рамках традиционного общества с элементами родового уклада жизни, следует отметить, что его характер во

---

⁸² Adler P.S., Kwon S.W. Social capital: prospects for a new concept. University of Southern California // Academy of Management Review. 2002. Vol. 27. № 1P. 19–21.

⁸³ Социальный капитал: теория и практика. Социальный капитал как научная категория («круглый стол») // Общественные науки и современность. 2004. №4. С. 8.

⁸⁴ Szreter S., Woolcock M. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health // International Journal of Epidemiology 2004. 33. P. 655.

многим обусловлен культурой, традициями, обычаями этого общества. Социокультурный капитал на этом уровне предстает как часть социальной структуры традиционного общества. Д. Нараян отмечает, что социальный капитал как нормы и социальные отношения, встроенные в социальные структуры общества, дают возможность людям согласовывать действия и достигать желанных целей⁸⁵. В традиционных обществах вся социальная жизнь вписана в систему родственных связей и отношений, которые задают характер и направление развития всей социокультурной жизни.

Многие исследователи отмечают значимость социальных норм, ценностей, установок в формировании социокультурного капитала общества. К примеру, М. Шифф определяет социальный капитал как совокупность элементов социальной структуры, которые влияют на отношения между людьми и представляют собой вложения или доказательства полезности или эффективной функции, к таковым элементам ученый относит социальные нормы, установки, ценности, язык и культуру⁸⁶. В родовом обществе влияние социальных норм и традиционных ценностей наиболее заметно, т.к. охватывает практически все сферы жизни общества.

Иными словами, формирование капитала в равной степени обусловлено как особенностями социальной структуры общества, так и своеобразием культурных основ общества. Объем социокультурного капитала зависит от норм, принятых в обществе, и ценностей, выступающих главными духовными ориентирами. Естественно, что в обществах с традиционным укладом жизни, где значима ценность семьи, рода или клана, нормы взаимопомощи и сотрудничества в основном распространяются на близких родственников, вычеркивая из этого круга людей, не связанных родственными узами. Воспроизводство социокультурного капитала на этом уровне «...определяется коллективной памятью народа и национальным характером, структурой ценностных ориентаций и установок, характерных для определенной культуры, является источником

---

⁸⁵ Narayan D. Bonds and bridges: social capital and poverty // Poverty group, Prem World Bank. July 1999. P. 6.

⁸⁶ Schiff M. Social capital, labor mobility, and welfare // The Impact of Uniting States, Rationality and Society. 1992. P. 157–175.

экономического роста и благосостояния общества»⁸⁷. В итоге происходит ограничение доступа к имеющимся у какого-либо рода ресурсам для представителей других родов, а значит, уменьшается объем общего социокультурного капитала общества. Тем не менее, для представителей отдельно взятого рода концентрация социокультурного капитала внутри общности предоставляет наибольшие преимущества.

Некоторые исследователи рассматривают социальный капитал в контексте рыночных отношений. К примеру, Г. Лоури рассматривает общество как множество индивидов, взаимодействующих только через рынок⁸⁸. Такого же мнения придерживается В.В. Радаев, в представлении которого социальный капитал связан с установлением и поддержанием связей с другими хозяйственными агентами⁸⁹. Проявления родовых отношений в экономической деятельности особенно значимы при формировании небольших предприятий, объединяющих узкий круг родственников. Ведь высокий уровень доверия между сородичами в экономической деятельности снижает транзакционные издержки. По сути, это дополнительные расходы, которых можно избежать в обществе с высоким уровнем социального капитала⁹⁰. В экономической теории под *транзакционными издержками* понимаются затраты взаимодействия субъектов экономики. Этот вид издержек включает любые необходимые затраты ресурсов, которые не направлены непосредственно на производство экономических благ, но обеспечивают успешную реализацию данного процесса. К транзакционным издержкам, например, относят издержки поиска информации, измерения, ведения переговоров и заключения соглашений, защиты и спецификации прав собственности, оппортунистического поведения⁹¹. Благодаря чувству моральной

---

⁸⁷ Резанова Е.В. Социальный механизм функционирования и воспроизводства социального капитала // Актуальные социальные проблемы. 2009. № 1/2. С. 59.

⁸⁸ Loury G. A dynamic theory of racial income differences // Discussion Papers 255. Northwestern University. 1976. P. 10.

⁸⁹ Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Том 3. № 4. С. 26.

⁹⁰ Fukuyama F. Social capital and the global economy // Foreign affairs, September/ October 1995. Volume 72. № 5. P. 90.

⁹¹ Шаститко А. Транзакционные издержки (содержание, оценка и взаимосвязь с проблемами трансформации) // Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 66.

общности между членами рода, наличие сформированного родового самосознания, а также высокому уровню доверия внутри рода можно существенно снизить такие издержки и тем самым повысить эффективность социокультурного капитала на уровне рода.

Таким образом, социокультурный капитал на макроуровне рассматривается как элемент социальной структуры общества в категориях социальных норм, доверия, социальных сетей, отношений и т.д. Основными элементами социокультурного капитала на этом уровне являются социальные нормы и духовные ценности, выступающие главными ориентирами в построении социальных отношений. Доверие – главная ценность, на основе которой строится и держится социокультурный капитал, оно определяет степень сплоченности общества, готовность его членов взаимодействовать друг с другом.

Формирование социокультурного капитала в процессе воспроизводства родовых отношений складывается постепенно. Объединяющими началами такого социокультурного капитала является наличие исторического прошлого или судьбы, переживания общих бед, событий, которые сплачивают народ. В обществах традиционного типа круг доверия чаще всего ограничивается семьей, родственными общностями и близкими друзьями. Как отмечают многие исследователи, высокий уровень доверия значительно упрощает процесс социального взаимодействия, снижая трансакционные издержки и затраты на время его протекания.

Воспроизводство родовых отношений в форме социокультурного капитала происходит в процессе передачи социальных норм, правил поведения, традиций от поколения к поколению, в процессе усвоения ценностей, установок, стереотипов, культурных традиций и т.д. Для человека как представителя рода социокультурный капитал, скорее, носит аскриптивный или предписанный характер и определяется по факту рождения и родства по роду. В аккумулированном состоянии социальные связи формируют целую сеть налаженных контактов, которые способствуют достижению целей уже целой общности людей. Социокультурный капитал на уровне рода складывается, во-

первых, как совокупностью индивидуальных социокультурных капиталов при условии их мобилизации в качестве ресурсов общности, во-вторых, внутренними связями членов рода, и в-третьих, внешними связями, которые род устанавливает в процессе социального взаимодействия с другими социальными общностями.

Таким образом, в современном обществе родовые связи и отношения являются основой формирования социокультурного капитала на уровне рода. Связи, лежащие в его основе, отличаются ограниченным характером, т.к. они формируются исключительно между членами рода. Эти связи носят характер сильных, прочных и крепких соединений, апеллирующих к кровному родству. В основе такого социокультурного капитала лежит доверие, смысл которого заключается в том, что в процессе социального взаимодействия именно общность как единое целое выступает гарантом выполнения обязательств отдельного индивида. Отсюда, очень важна репутация рода, его доброе имя, которое служит своего рода гарантией. Если кто-либо из членов рода «подведет» и не выполнит возложенных на себя обязательств, его к этому принудят, ведь род может применить к нему санкции, например, лишить доступа к ресурсам.

Для формирования социокультурного капитала рода важна его сплоченность, выступающая мощной мотивационной силой для каждого члена рода. Род, как и любая другая замкнутая общность, стремится сохранить и преумножить свой социокультурный капитал, для чего концентрирует его в узком кругу, всячески ограничивая его от посторонних и ограждая от посягательств со стороны членов других родов. Родовые отношения в силу замкнутости сосредоточены в кругу родичей, а потому недоступны для использования другими, поэтому такой капитал предоставляет большие возможности для членов рода, обеспечивая привилегированный доступ к ресурсам рода. Все это в конкретной социокультурной среде определяет специфику социокультурного капитала на уровне рода, выражающуюся в присущих только ему особенностях, обусловленных различными социокультурными факторами.

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА НА УРОВНЕ РОДА (НА ПРИМЕРЕ ХАКАССКОГО ЭТНОСА)

2.1. Специфика и основные признаки социокультурного капитала хакасских родов

Особенность социокультурного капитала хакасских родов заключается в том, что он воспроизводится, с одной стороны, в форме искусственно возрожденных родовых связей и отношений, а с другой стороны, умело вписывается в условия современного общества. Это связано, главным образом, с тем, что сам феномен рода как возрожденный элемент социальной жизни, проявляя себя в сегодняшнем настоящем, воспроизводится целенаправленно и осмысленно, причем, как правило, процесс возрождения идет «сверху».

В современном хакасском обществе инициаторами различных процессов национального возрождения в 90-е гг., в т.ч. и родовых отношений, выступила наиболее деятельная, активная часть общества – научная, творческая интеллигенция – другими словами, элита. Можно предположить, что такое желание было обусловлено стремлением занять, реанимировать или подтвердить особое социальное положение. Этим, в частности, обосновывается необходимость возрождения родовых отношений. Ведь, как утверждает Л.В. Анжиганова, и сегодня род «...иерархизирует этнос через систему введения господствующих и доминируемых родов»⁹². Такая претензия на особый статус апеллирует к историческим корням, которые служат легитимным обоснованием социальной значимости рода в современном обществе. Реализации внутреннего стремления к преобразованию окружающей действительности благоприятствует период, когда многие представители знатных родов получают возможность карьерного роста и продвижения по социальной лестнице, в т.ч. и благодаря своим историческим

---

⁹² Анжиганова Л.В. Эволюция мировоззрения хакасов. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2007. С. 106.

корням. В терминологии Р. Редфилда это «большая традиция», т.е. «высокая культура», развиваемая критически мыслящей интеллектуальной элитой⁹³. Другими словами, осознание необходимости возрождения национального своеобразия, сохранения культурного наследия, в т.ч. и родовых отношений, возникает в первую очередь в интеллектуальном сообществе: среди ученых, работников культуры и образования, общественных деятелей и т.д.

Стремление возродить утраченные элементы социокультурного наследия связано с разного рода факторами. Во-первых, это обусловлено различными глобализационными процессами, связанными с всеобщей унификацией и стандартизацией, что приводит к утрате своеобразия, т.е. инициатива возрождения представляет собой своего рода попытку противостоять надвигающейся глобализации и отстаивать право на сохранение своей уникальности.

Во-вторых, возрождение родовых отношений объясняется отсутствием устоявшейся системы ценностей, которая была утрачена в переходный период. Новые ценности не могут выполнять функцию духовных ориентиров и мотиваторов в современном обществе, поэтому человек обращается к универсальным ценностям, проверенным временем (семья, род).

В-третьих, процесс восстановления родовых отношений связан с проблемой идентификации человека в деиндивидуализированном обществе. В современном обществе возникает отчуждение человека, связанное с отсутствием прочных социальных связей и близких доверительных отношений в небольших социальных общностях.

Общество, построенное на принципах рыночных отношений, диктует особые правила и нормы поведения, где главным становится результат – получение прибыли, а не сам процесс взаимодействия. Причем для достижения этой цели используются все средства, которые не всегда соответствуют нормам нравственности и морали. Это приводит к утрате способности сочувствовать и

---

⁹³ Николаев В.Г. Роберт Редфилд и его концепция «народного общества» в контексте чикагской социально-научной традиции // Личность. Культура. Общество. 2008. Том X. Вып. 5–6 (44–45). С. 107.

сопереживать, которая удовлетворяется преимущественно в первичных социальных общностях. В связи с этим возникает проблема идентификации современного человека, который, испытывая потребность в доверительных отношениях, духовной близости с социальной общностью, обращается к кровным связям и историческим корням.

Рефлексия интеллектуального сообщества приводит к мысли о необходимости возрождения родовых отношений, которые могут стать той духовно-ценностной основой, способной определить место человека в условиях глобального общества. В результате этого происходит искусственное восстановление родовых отношений: образуются различные общественные объединения (Чон Чобы, Совет старейшин, Лига хакасских женщин и др.), проводятся встречи родов, восстанавливаются истории родов и т.д. В большей степени в этом процессе задействована лишь небольшая часть интеллектуального сообщества, которая стремится вовлечь в этот процесс все население.

Однако осознание родовой принадлежности существует и на бессознательном уровне, носителем родовых отношений в этом случае выступает, как правило, та часть общества, которая сохранила отчасти уклад традиционной жизни⁹⁴, а также традиционные ценности, в т.ч. и ценность рода, родовых отношений. Р. Редфилд обозначает такую традицию «малой», по его мнению, «эти традиции постоянно взаимодействуют друг с другом: «большая» выстраивается из «малой», а затем, сформировавшись, становится контекстом для «малой», оказывая на нее «цивилизующее» воздействие»⁹⁵. Так, постепенно процесс возрождения национальной культуры, начавшийся сверху, приводит к актуализации родового самосознания всего общества, а также возрождению родовых связей и отношений, которые в условиях современного общества превращаются в одну из форм социокультурного капитала.

---

⁹⁴ Лушникова О.Л. (Тохтобина О.Л.) Родовые отношения как особая форма проявления прошлого // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1 (11). С. 197.

⁹⁵ Николаев В.Г. Роберт Редфилд и его концепция «народного общества» в контексте чикагской социально-научной традиции // Личность. Культура. Общество. 2008. Том X. Вып. 5–6 (44–45). С. 107.

Формирование социокультурного капитала рода у хакасов в условиях современного общества происходит постепенно, однако его фундаментальную основу следует искать в исторических корнях, раскрывающих особенности родоплеменной структуры хакасского этноса, а также влияющих на воспроизводство такого капитала в современные дни.

Так, несмотря на то, что родоплеменная структура хакасского этноса складывалась веками, история собственно хакасского народа началась не так давно. По мнению В.Я. Бутанаева, формирование хакасского народа происходило в несколько этапов. *Первый этап* связан с периодом существования Кыргызского государства (VI-XIII вв.), т.к. хакасы являются предками енисейских киргизов; *второй этап* охватывает время существования этносоциального объединения Хонгорай (Хоорай) (XIV-XVIII вв.), ставшего основой хакасского этноса; *третий этап* начинается с присоединения хакасов к России и характеризуется завершением процессов консолидации (XVIII-XIX вв.); *четвертый этап* относится к советскому периоду развития и дальнейшей консолидации под официальным именем «хакас» в пределах уезда, округа, автономной области и, наконец, в Хакасской ССР⁹⁶. Кроме того, сам термин «хакас» был введен только в 1917-1918 гг. на одном из национальных съездов, где было решено образовать союз инородцев Минусинского и Ачинского уездов под названием «Хакас». В летописях китайской династии Тан термин «кыргыз» в транскрипции звучит как «хягас», исходя из чего было принято решение об использовании этнонима «хакас» для обозначения населения, проживающего на территории Минусинской котловины.

Основа родовой структуры хакасского народа, по мнению некоторых ученых, сложилась к концу XIX – началу XX вв.: «...та родоплеменная структура народов Сибири, которая в конце XIX и в начале XX в. выявлялась

---

⁹⁶ Бутанаев В.Я. Вопрос о самоназвании хакасов // Этнографическое обозрение. 1992. № 2. С. 68.

этнографическим путем, целиком восходила к родовым и племенным подразделениям народов Сибири, установленным в XVII в.»⁹⁷.

Собственно понятие рода в традиционном понимании у хакасов выражалось словом «сöök» (с хак. – «кость»), представлявшим собой кровнородственные союзы, ведущие происхождение от общего предка – как правило, по мужской линии. Однако родоплеменная структура хакасов была сложной и многоступенчатой. Во-первых, хакасы делились на этнические (или субэтнические) группы: качинцы, сагайцы, бельтиры, бирюсинцы, койбалы и т.д. Во-вторых, в каждой этнической группе выделялись административные роды, которые были введены русской администрацией. В-третьих, существовали сеоки – многочисленные союзы кровных родственников, которые вели происхождение от одного предка. И в-четвертых, сеоки состояли из представителей разных фамилий. Такая сложная структура, с одной стороны, создавала путаницу в родовых связях и усложняла процесс взаимодействия, но с другой, за счет переплетения родовых связей закладывала прочную основу, на которой строились родовые отношения.

Однако в результате административно-территориальной политики русских властей в XVII–XVIII вв. произошли существенные трансформации социально-этнической и родоплеменной структуры населения. Во-первых, в результате русской политики были смешаны племена и народности: представители одного племени могли входить в разные административные единицы (например, енисейские остяки (арины) входили в состав Аринской (Тюлькиной) земли Красноярского уезда, а кетские остяки – в Нацко-Пумпокольской)⁹⁸. Однако чаще было наоборот – на территории одной земли или волости могли проживать разные по происхождению племена (например, в составе Удинской земли были буряты, корчуны, тунгусы и карагасы)⁹⁹.

---

⁹⁷ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М: Издательство АН СССР, 1960. С. 4.

⁹⁸ Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1957. С. 71.

⁹⁹ Там же. С. 138.

Во-вторых, благодаря изменению административно-территориальных границ были изменены и названия этих племен. Землицы получали название по имени племени, проживавшего в её пределах (например, название Тубинской землицы произошло от родового названия тубинцев – тюркоязычных киргизов, обитавших в степях и лесах бассейна р. Тубы (Упсы)¹⁰⁰, название Камасинской землицы – от самодийскоязычных камасинцев, живших в верхнем течении р. Кана и по р. Мане¹⁰¹). Иногда некоторые племена (как правило, конгломерат племен) получали общее название по той землице, в состав которой они входили (например, «чулымские татары» получили этот этноним по названию волостей, где они проживали – Чулымские волости, расположенные в бассейне верхнего течения р. Чулым¹⁰²). Однако чаще землицы назывались по имени князца, возглавлявшего её (например, Тюлькина землица Красноярского уезда называлась по имени князца Тюльки¹⁰³, а Курчиковская в составе Чулымских волостей – по имени князца Курчейко¹⁰⁴).

Аналогичная ситуация происходила и на более низком административном уровне – на уровне улуса, который также претерпел определенные изменения. Как правило, в пределах одного улуса проживали люди, связанные родственными отношениями и составлявшие один небольшой род, носивший название по имени руководившего им князца (например, Татаров улус Камасинской землицы, Ексеев улус Моторской землицы, Базыраков улус Качинской землицы и т.д.). В этом случае улус отождествлялся с родом, к примеру, Тондараков улус составлял Тондараков род. Иногда со сменой в улусе князца, менялось и название улуса. Так, Базыраков улус назывался Силочиным, а позже Шалошиным. Бывали и случаи смешанного населения улуса, состоящего из нескольких родов, в результате чего эти роды ассимилировали с другими или растворились. Иногда члены одного рода были расселены по разным улусам (например, представители

---

¹⁰⁰ Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1957. С. 97.

¹⁰¹ Там же. С. 122.

¹⁰² Там же. С. 154.

¹⁰³ Там же. С. 71.

¹⁰⁴ Там же. С. 149.

рода Ара проживали на территории Канбирева, Тетюгина, Щербакова улусов и в Весловской волости Аринской земли¹⁰⁵). В этом случае появлялись новые, более мелкие роды, что еще более усложняло административно-территориальную структуру.

Значительные изменения в родоплеменной структуре хакасов произошли в результате реформы М.М. Сперанского в 1822 г. («Устав об управлении инородцев»), когда на территории современной Хакасии были образованы Степные думы, получившие названия по наиболее крупным этническим группам хакасов. Так, Качинская степная дума была названа по самому многочисленному сеоку качинцев «хасха», Кызыльская – по сеоку «хызыл», Сагайская – по сеоку «сагай» и т.д. Однако в составе каждой этнической группы было много и других сеоков.

Отличались эти этнические группы не только по названию, но и по типу хозяйственного устройства, сложившегося под влиянием географических условий, в которых они проживали. К примеру, *качинцы* обитали на северной периферии долины Среднего Енисея в районе Красноярска, где протекает река Кача. Известно, что их численность резко увеличилась после 1756 г. (в 23,5 раза), когда после разгрома Джунгарского царства 7 тыс. беженцев расселились в пределах Красноярского и Кузнецкого уездов, пополнив роды качинцев¹⁰⁶.

Койбалы, по мнению В.Я. Бутанаева, считаются самыми древними жителями Хакасско-Минусинской котловины, иногда их называют модар, хотя сами себя они именовали туба. К койбальским сеокам относились модар, чода, пайгудуг, погечі. Происхождение сеоков кистим и чонмай, вероятно, имело отношение к кыргызским киштымам, т.е. завоеванным племенам кыргызов¹⁰⁷.

Этнический состав *сагайцев* и *бельтыров* составляют остатки бывших кыргызских аймаков Алтырского улуса, а также небольшие группы переселенцев

---

¹⁰⁵ Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: Лаборатория этнографии НИС АГПИ, 1994. С. 81.

¹⁰⁶ Там же. С. 3–4.

¹⁰⁷ Там же. С. 9–11.

из Алтая, Тувы, Шорни и Джунгарии¹⁰⁸. *Бирюсинцы* считаются жителями подтаежных местностей Кузнецкого Алатау, т.е. они обитали, в отличие от других племен, не в степях, а в таежной местности. Именно поэтому их культура, образ жизни в большей степени отличаются от остальных этнических групп. Позже бирюсинцы составили основу формирования шорской народности¹⁰⁹.

Кызыльцы, по сути, произошли от одного Кызыльского рода, который в XVIII в. сплотил вокруг себя население долины Июсов. Название этой группы было связано с антропологической особенностью – рыжими волосами, которые были у предков кызыльцев. Название основного сеока кызыльцев хызыл (с хакасского – красный), по мнению В.Я. Бутанаева, было связано с антропологическими особенностями – рыжими волосами. Другой сеок – кызыльский ажыг – разделялся на большой («улуг») и маленький («кічіг») ажыг. В состав кызыльских сеоков входили: сеок нарба, сеок шуш, название которого имело тотемическое происхождение («шуш» – утка-крохаль); сеок пуга (с хак. – бык), произошедший от девушки, спасенной мифическим быком; сеок хамнар, который в древние времена входил в состав сеока ажыг; сеоки хыргыс и тумат, являвшиеся остатками народа хоорай; сеок халмах, сеок аргын, сеок ыгы¹¹⁰.

Таким образом, под влиянием различных факторов социальная структура хакасского этноса претерпела существенные изменения, сохранив при этом основной каркас системы родоплеменных отношений. Так, структуру современного хакасского общества образуют этнические группы качинцев, сагайцев, бельтиров и койбалов, которые состоят из сеоков, включающих разные фамилии. В целом, это свидетельствует о том, что у современных хакасов сохранились такие элементы родоплеменной структуры, как сеоки, или роды, а значит, и родовые отношения.

---

¹⁰⁸Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: Лаборатория этнографии НИС АГПИ, 1994. С. 15.

¹⁰⁹ Там же. С. 16.

¹¹⁰ Там же. С. 20–23.

По результатам опроса¹¹¹, проведенного среди представителей хакасского населения, чуть более четверти опрошенных полагают, что родовые отношения до сих пор занимают важное место в жизни людей (см. «Таблица» 2).

Таблица 2.

Каково, по Вашему мнению, место родовых отношений в современном обществе? (в % опрошенных)				
	Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
родовые отношения занимают важное место в жизни людей	160	26,7	26,7	26,7
родовые отношения сохранились, как традиция: встречи родов, праздники	174	29,0	29,0	55,7
родовые отношения свелись к семейно-родственным отношениям	173	28,8	28,8	84,5
родовые отношения уже давно исчезли	70	11,7	11,7	96,2
затрудняюсь ответить	23	3,8	3,8	100,0
Итого	600	100,0	100,0	

Следует, однако, отметить, что для представителей разных возрастов степень и значение родовых отношений в жизни людей различается. К примеру, для пожилых хакасов старше 70 лет значение родовой принадлежности довольно значимо и проявляется даже в повседневной жизни. Как правило, они хорошо знают историю своего рода, чтят традиции, могут назвать своих предков до 6-7 коленей, разбираются в этимологии названий родов и т.д. По сути, именно этой

¹¹¹ Исследование проведено в 2011-2013 гг. Опрос проведен методом формализованного интервью (N=600), в качестве интервьюеров выступали студенты специальности «Социология» ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Выборка двухступенчатая: на первой ступени из всех субэтнических групп хакасов случайным образом были отобраны сеоки, на второй – из сеоков случайным образом были отобраны представители разных фамилий.

части хакасского этноса присуще родовое самосознание в «чистом» виде, а значит, наиболее высока вероятность формирования большого объема социокультурного капитала. Однако пожилые люди, как правило, уже не являются активными участниками социальной жизни, потому этот капитал можно считать, скорее, потенциальным.

Сознательное или заново сконструированное родовое самосознание характеризует другую категорию хакасов (от 21 до 50 лет) – в большей степени это то поколение, которые выступило инициатором возрождения родовых отношений. Эта часть населения пришла к мысли о важности и необходимости родовых отношений сознательно, и поэтому не имеет такой прочной социокультурной основы, которая складывалась веками. В связи с этим следует отметить смену векторов развития и передачи социального опыта. Если в обществе традиционного типа процесс преемственности, передача опыта, традиций – в целом, культуры, происходил от старшего поколения к младшему, то в современном обществе наблюдается другая тенденция. Молодое поколение, осознавая значимость утраченного прошлого для настоящего, берет на себя функции восстановления социокультурного наследия и донесения его до широких масс. Выходит, что уже не старшее поколение является воплощением прошлого опыта и традиций, а молодое поколение, которое воссоздает эту культуру заново. Для этой категории хакасов значение родовых отношений определяется той ролью, которую они играют в повышении их социального статуса через активную общественную деятельность. Именно для таких людей родовые связи выполняют функцию капитала как средства достижения преимущественно личных целей.

Часть респондентов (11,7%), в основном, молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет, считают, что родовые отношения у хакасов уже давно исчезли. *(Родовые отношения исчезли еще в советское время, тогда это не приветствовалось. Где-то, например на Кавказе, это сохранилось, а у нас это исчезло. Из интервью с представителем фамилии Z).* Такая позиция свидетельствует о существовании категории людей, которых можно назвать «этнородовыми нигилистами», чье мнение чаще и выдается за констатацию «объективной реальности». Очевидно,

что формирование социокультурного капитала рода для этих людей не является реально значимым и возможным.

Почти треть опрошенных считает, что родовые отношения в современном хакасском обществе сохранились лишь как традиция, т.е. носят декоративно-демонстративный характер (в форме национальных праздников, встреч родов), причем большую часть из них составляет молодежь – люди в возрасте от 21 до 35 лет. Это объясняется тем, что молодое поколение уже не знает свои корни и потому знакомится только с внешней стороной – проведением костюмированных праздников, встреч рода и т.д. Однако, по сути, это не собственно родовые отношения, а их ритуализация. Уровень родового самосознания этой части хакасов, как правило, невысокий и чаще всего проявляется в определенные моменты жизни (на встречах рода), поэтому не может способствовать формированию прочного социокультурного капитала. Тем не менее, необходимо отметить важность таких встреч, в ходе которых происходит «знакомство» молодого поколения с национальной культурой, устанавливаются родственные контакты, налаживаются тесные связи, поэтому, в целом, даже такие формы ритуализации способствуют повышению уровня родового самосознания.

Согласно мнению чуть менее трети опрошенных (и большую часть из них составляют хакасы в возрасте от 36 до 50 лет), родовые отношения в большей степени свелись к семейно-родственным отношениям. Именно такая позиция позволяет говорить о том, что родовые отношения могут воспроизводиться в форме социокультурного капитала. Механизм формирования такого капитала представляет собой процесс воспроизводства родовых отношений в форме семейно-родственных связей, которые постепенно расширяются до связей с членами рода и превращаются в прочные отношения, которые могут выступать в качестве ресурса по достижению целей.

Основа социокультурного капитала закладывается на уровне межличностного взаимодействия между членами рода. Как правило, в центре социальной сети, образуемой родовыми связями и отношениями, находится наиболее старый человек рода (например, старейшина), который, во-первых,

служит связующим звеном между старым и молодым поколением рода, а во-вторых, «мостом», связывающим род с представителями других родов.

Таким образом, выстраивается, с одной стороны, сеть внутриродовых отношений, а с другой – сеть межродовых связей. Причем, если сила и прочность внутриродовых связей зависит от частоты и интенсивности взаимодействия членов рода, то надежность межродовых связей и их способность выполнять функцию социокультурного капитала представляет собой двусторонний процесс. Необходимо взаимное принятие на себя обязательств каждой стороной и их выполнение для того, чтобы закрепить эффект успешного взаимодействия. В случае невыполнения принятых условий вероятность взаимодействия в будущем значительно снижается и, как правило, не образует прочных связей, т.е. родовые отношения не превращаются в социокультурный капитал.

Следует отметить, что разным по возрасту категориям хакасов присуща различная степень потенциального социокультурного капитала. К примеру, для пожилых хакасов наиболее характерно выражено стереотипное мышление в отношении родовых связей между разными родами. Чаще всего это проявляется в пренебрежительном отношении к представителям тех родов, которые имеют «плохую» репутацию в хакасском обществе. На уровне повседневной жизни формируется установка – не вступать в какие-либо отношения с представителями таких родов. Выходит, что, с одной стороны, именно эта часть хакасского населения содержит тот потенциал, который способствует воспроизводству родовых отношений в форме социокультурного капитала, т.к. представляет собой средоточие различных связей, сложившихся в течение длительного времени. Но, с другой стороны, эти же люди ограничивают возможности других в формировании прочных социальных связей, способных выступать в качестве социокультурного капитала.

Для представителей более молодого поколения хакасов родовые отношения носят скорее искусственный характер, т.к. возрождаются сознательно. Отсюда, основной сферой проявления родовых отношений является культурная сфера жизнедеятельности: возрождение традиций, проведение межродовых праздников,

встреч рода и т.д. С одной стороны, эта часть хакасского этноса способствует формированию социокультурного капитала, т.к. является инициатором проведения встреч и собраний рода, на которых налаживаются родовые связи. Но, с другой стороны, возникает вопрос, насколько прочными являются родовые отношения, искусственно возрожденные в условиях современного общества.

Результаты исследования выявили противоречивый характер воспроизводства социокультурного капитала рода у хакасов: во-первых, изменилось понимание сущности родовых отношений, которое иногда заменяется их ритуализацией; во-вторых, изменилось отношение людей к родовым отношениям, которые, по сути, сводятся к семейно-родственным отношениям, хотя на самом деле охватывают более широкую область социального взаимодействия; и в-третьих, наблюдается тенденция отрицания самого факта существования родовых отношений в современном хакасском обществе.

Все это накладывает отпечаток на специфику социокультурного капитала хакасских родов, и в первую очередь, на характер связей, образующих разветвленность структуры родовой сети, в пределах которой этот капитал аккумулируется. К примеру, формальный характер связей предполагает фиксированное членство, закрепленное в каких-либо документах, а принадлежность к роду, как правило, закреплена в генеалогических древах или историях рода. Однако эти документы носят неофициальный характер и не обладают юридической силой, поэтому принадлежность к роду целесообразнее отнести к неформальному типу социокультурного капитала.

Закрытый характер родовых связей и отношений объясняется замкнутостью рода, в рамках которого формируется социокультурный капитал рода. В идеале структуру сети, в пределах которой формируется закрытый социокультурный капитал рода, образуют члены рода. Если рассматривать род в традиционном понимании хакасов, то членами рода считаются потомки одного общего предка по мужской линии. Отсюда даже члены одной семьи являются представителями разных родов: отец и дети принадлежат к одному роду, а мать – к другому. Согласно хакасским традициям, даже в случае смерти отца и ухода матери к

членам своего рода, дети оставались в отцовском роде и воспитывались родственниками отца.

Однако результаты опроса показали, что только 21,8% опрошенных апеллируют к традиционному пониманию рода, считая членами своего рода только кровных родственников по отцовской линии. Выходит, что собственно родовые отношения в форме социокультурного капитала в «чистом» виде воспроизводит незначительная часть хакасского населения. В основном, это пожилые люди, разграничивающие понятие родовых и просто родственных отношений. Однако среди этой части опрошенных определенную долю составляют представители молодого поколения, что свидетельствует о том, что в формировании и воспроизводстве социокультурного капитала принимают участие разные по возрасту хакасы (см. «Таблица» 3).

Таблица 3.

Каких родственников Вы считаете частью своего рода? (в % опрошенных)				
	Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
родственников по отцовской линии	131	21,8	21,8	21,8
родственников по материнской линии	73	12,2	12,2	34,0
родственников и по отцовской, и материнской линии	366	61,0	61,0	95,0
некровных родственников (со стороны жены или мужа)	23	3,8	3,8	98,8
никого не считаю	1	0,2	0,2	99,0
затрудняюсь ответить	6	1,0	1,0	100,0
Итого	600	100,0	100,0	

В общем, рассматривая структуру социальной сети родовичей, следует учитывать особенности трансформации родового самосознания современных

хакасов. Так, две трети опрошенных членами своего рода считают родственников как по отцовской, так и по материнской линиям, что свидетельствует о расширении границ родового самосознания и увеличении круга социальных связей и отношений. К примеру, в современном хакасском обществе дети, оставшиеся без родителей, берутся на воспитание родственниками как со стороны материнского, так и со стороны отцовского рода. Особая заслуга при этом принадлежит Совету старейшин хакасских родов, который отслеживает количество детей хакасской национальности, находящихся в детских домах, и проводит работу по устройению этих детей к каким-либо родственникам. Следует отметить, что часть респондентов членами своего рода считают только родственников по материнской линии (12,2%) и некровных родственников (3,8%). К некровным родственным связям в первую очередь можно отнести отношения с родственниками со стороны мужа или жены. Хотя такие отношения иногда бывают очень прочными и надежными, но, по сути, они не производят социокультурного капитала рода, т.к. ограничиваются кругом нескольких семей.

Прочность связей, лежащих в основе социальной сети рода, как правило, зависит от частоты и интенсивности взаимодействия между членами рода. Большая часть опрошенных хакасов (83,3%) регулярно поддерживает отношения с членами рода. По данным опроса, члены рода часто встречаются, проводят вместе время, что формирует тесные, крепкие и прочные связи, способствующие формированию закрытой формы социокультурного капитала. Регулярный характер взаимодействия обеспечивает прочность таких связей, делает их проверенными и надежными. Прочные связи, как правило, концентрируют социокультурный капитал внутри рода, не позволяя ему «распыляться» и попусту растрачиваться представителями других родов.

Одним из показателей эффективности любого капитала является использование имеющихся связей для достижения каких-либо целей. Особенно важно, что три четверти опрошенных хакасов (71,6%) периодически обращается за помощью к членам рода для решения каких-либо личных проблем (см. «Таблица» 4). Фактически, можно говорить о том, что связи с членами рода

используются в качестве средств решения проблем не только формально, но и реально.

Таблица 4.

Как часто Вы обращаетесь за помощью к членам рода для решения личных проблем? (в % опрошенных)				
	Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
часто	150	25,1	25,1	25,1
иногда	279	46,5	46,5	71,6
очень редко	47	7,8	7,8	79,4
никогда не обращаюсь	124	20,6	20,6	100,0
Итого	600	100,0	100,0	

Концентрация и накопление капитала происходит в процессе межличностного взаимодействия, и наиболее эффективно в неформальной обстановке. Две трети опрошенных встречается с членами рода на семейных праздниках: свадьбах, юбилеях, праздничных торжествах (см. «Таблица» 5).

Таблица 5.

По каким случаям Вы встречаетесь с членами рода? (в % опрошенных)				
	Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
на семейных праздниках (свадьбы, юбилеи)	373	62,2	62,2	100,0
на похоронах	206	34,3	34,3	100,0
на общенациональных праздниках	226	37,7	37,7	100,0
на встречах рода	130	21,7	21,7	100,0
вместе отдыхаем, ездим в гости	136	22,7	22,7	100,0
затрудняюсь ответить	13	2,2	2,2	100,0
Итого	1084	100,0	100,0	

Именно в такой неформальной обстановке происходит более близкое знакомство с членами рода, налаживание крепких отношений дружбы, и в дальнейшем формируются прочные отношения родства. Взаимодействие и общение в официально торжественной обстановке в меньшей степени способствует формированию социокультурного капитала, но, тем не менее, на торжественных праздниках происходит знакомство с традициями и обычаями как своего, так и других родов.

По мнению чуть менее 40% опрошенных, чаще всего они встречаются с сородичами именно на общенациональных праздниках. Около 20% респондентов поддерживает близкие отношения с членами своего рода, проводя вместе свободное время и навещая друг друга. Именно такое общение формирует прочные и долговременные связи, которые действительно можно использовать в качестве ресурса для достижения целей.

Для хакасов авторитет и почитание старших является важной ценностью, поэтому особое значение придается похоронам. С одной стороны, это способ выразить дань памяти ушедшим людям, но с другой стороны, это возможность встретиться с членами своего рода. *(Мне кажется, что необходимо присутствовать на похоронах людей своего рода, даже если в течение жизни отношения с ними не поддерживались... при таких фактах присутствовать нужно обязательно, чтобы поддержать, почтить память умершего, и прежде всего, род, его семью не только морально, но и материально. Из интервью с представителем фамилии А).* На похоронах таких людей, как правило, собираются все родственники, поэтому почти треть опрошенных ответили, что с членами рода они встречаются на похоронах.

Для меньшей части опрошенных (21,7%) поводом для встреч служат встречи рода, специально организованные для сближения представителей рода. Это можно объяснить тем, что встречи рода, как правило, проводятся редко – один раз в несколько лет. Так, две трети респондентов ответили, что в их роду лишь иногда проводятся встречи рода. Нельзя отрицать важность таких встреч, в

результате которых происходит знакомство с разными представителями рода, приобщение к истории рода, а в целом, это способствует интеграции рода, повышая родовое самосознание. Несмотря на это, такие встречи не могут в полной мере способствовать формированию надежных связей между членами рода.

Специфика родовых связей, выполняющих функцию социокультурного капитала, заключается в том, что они держатся на высоком уровне доверия между членами рода, которое обеспечивает силу и прочность такого капитала. Отсюда важной составляющей закрытого социокультурного капитала является *доверие* и связанные с ним явления – личные знакомства, отношения дружбы и приятельства, признания, толерантность и т.д. Однако доверие в замкнутых общностях носят особый характер. По мнению М. Феннемы и Дж. Тилли, именно характер доверия является центральным отличием между горизонтальными и вертикальными сетями, присущим этим конфигурациям сетей: в вертикальных сетях доверие, необходимое для сотрудничества, узко сфокусировано на источнике власти, и не слишком существенно, является ли этим источником патрон, крестный отец или же правительство, тогда как в горизонтальных социальных сетях отношения доверия являются реципрокными – взаимными и горизонтальными¹¹². Современный хакасский род строится по принципу горизонтальной социальной сети, несмотря на признание официальной власти в лице старейшины рода. Этим объясняется высокий уровень доверия в кругу рода, что является основой формирования закрытого социокультурного капитала.

По мнению В.Г. Немировского, формирование социального капитала осуществляется посредством эмоционального механизма *доверия*¹¹³. По данным опроса, 85,9% опрошенных хакасов доверяют или, скорее, доверяют членам своего рода. При этом на вопрос: Насколько Вы доверяете людям вообще? –

---

¹¹² Fennema M., Tillie J. Civic Community, Political Participation and Political Trust of Ethnic Groups // Connections. 2001. Vol. 24(1). P. 26–41.

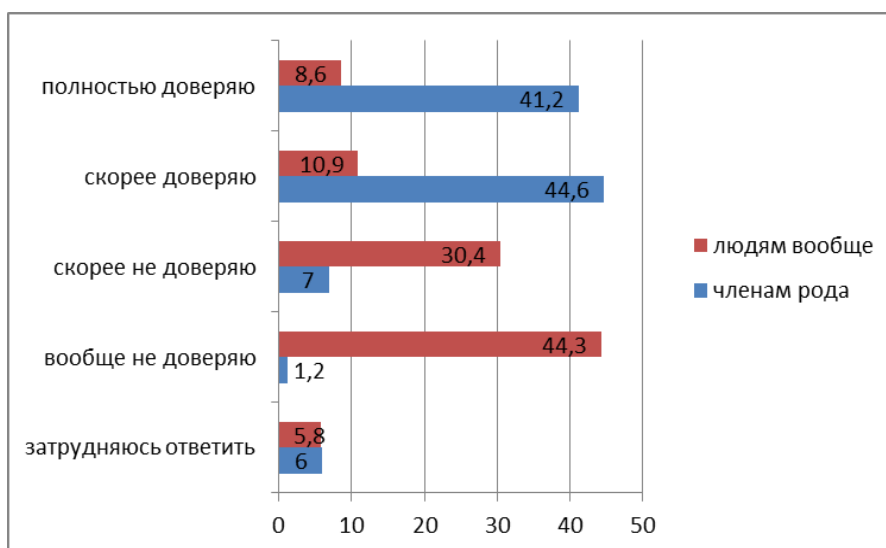
¹¹³ Немировский В.Г. Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. С. 33–34.

только 19,5% респондентов ответили, что полностью или скорее доверяют людям вообще (см. «Рисунок» 1).

Рисунок 1.

**Сравнение уровня доверия членам рода и людям вообще
(в % опрошенных)**

В целом, сравнение уровня доверия к членам рода и к людям вообще показало, что сородичам респонденты доверяют намного больше. Высокий уровень доверия является показателем сплоченности рода, ведь функционирование небольших замкнутых общностей невозможно без высокого уровня доверия, а значит, и невозможно аккумулятивное социокультурного капитала в закрытой форме. Если следовать логике В.В. Радаева, согласно которой, доверие – это выполнение обязательств без применения санкций или вера в то, что взаимные обязательства будут выполнены, и применять санкции не придется¹¹⁴, то высокий уровень доверия между членами рода – это еще и залог успешного накопления социокультурного капитала, а также гарантия его сохранения. Ведь доверие внутри рода апеллирует к кровному родству, к

¹¹⁴ Социальный капитал: теория и практика. Социальный капитал как научная категория («круглый стол») // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 6.

моральной близости, а также к страху – быть исключенным из рода и лишенным доступа к ресурсам рода.

По мнению Ф. Фукуямы, доверие – это «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами»¹¹⁵. Именно доверие создает благоприятные условия для развития гражданского общества. Становление гражданского общества тесно связано с социокультурным капиталом, обусловленным нормами гражданского сотрудничества, межличностного доверия, ассоциативной деятельности и формальных институтов. Как отмечают С. Нэк и П. Кифер, доверие и нормы гражданского сотрудничества выше в странах с формальными институтами, которые эффективно защищают собственность и договорные права, а также в странах, которые являются менее поляризованными по классовым или этническим признакам¹¹⁶.

Однако в хакасском обществе существует социальное неравенство, поляризация между богатыми и бедными и т.д. Это свидетельствует о невысоком уровне доверия в обществе, что и подтвердили результаты опроса. Исследование показало большую разницу между высоким уровнем доверия внутри рода и низким уровнем доверия людям вообще, а это – свидетельство небольшого объема открытого социокультурного капитала всего хакасского общества. Выходит, что родовые связи в форме закрытого социокультурного капитала препятствуют формированию открытого социокультурного капитала.

Ограниченный характер закрытого социокультурного капитала проявляется и в процессе воспроизводства родовых отношений. Так, позиционирование себя частью рода, как правило, предполагает принятие на себя особых прав, обязательств, а значит, выстраивание соответствующего поведения на основе общепринятых норм и ценностей. Таким образом проявляется *ограниченная*

---

¹¹⁵ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. [Пер. с англ.]. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. С. 53.

¹¹⁶ Knack S., Keefer P. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation // Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112. № 4. P. 1251–1252.

мораль – применять по отношению к разным людям различные нормы нравственности, морали и поведения. В основе ограниченной морали лежит особая солидарность или сплоченность общности. По мнению А. Портеса, с одной стороны, идентификация со своей общностью может быть мощной мотивационной силой, но с другой, может привести к негативным последствиям, например, повышенные требования для членов общности, исключение аутсайдеров из общности, ограничение индивидуальной свободы и др.¹¹⁷

Ограниченная мораль в процессе воспроизводства родовых отношений проявляется в том, что хакасы в большей степени готовы оказывать помощь членам своего рода (см. «Таблица» 6).

Таблица 6.

В каких случаях Вы оказываете помощь членам рода? (в % опрошенных)				
	Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
моральную помощь	79	13,2	13,2	100,0
в случае тяжелой болезни кого-либо из рода	165	27,5	27,5	100,0
при несчастных случаях, приведших к потере жилья (пожар, наводнение)	119	19,8	19,8	100,0
если члены рода остались без средств к существованию	148	24,7	24,7	100,0
при проведении похорон	168	28,0	28,0	100,0
затрудняюсь ответить	186	31,0	31,0	100,0
Итого	865	100,0	100,0	

Так, более двух третей опрошенных хакасов оказывают помощь сородичам в трудных жизненных ситуациях. Примерно две трети респондентов оказывают

¹¹⁷ Portes A. Social capital: Its origins and applications in modern sociology // Annual review of sociology. Vol. 24. 1998. P. 18.

помощь при проведении похорон или в случае болезни кого-либо из членов рода. Часть опрошенных помогает в случае, если члены рода остались без средств к существованию (24,7%) или при несчастных случаях (19,8%). У некоторых родов существует фонд для оказания материальной помощи остро нуждающимся родственникам (например, у рода Абдиных). Некоторые могут оказать лишь моральную помощь или поддержку.

Можно предположить, что различное поведение в отношении членов рода и людей вообще может привести к двум противоположным эффектам, наглядно демонстрируемым на примере политики «кну́та и пряника». С одной стороны, к сородичам могут применяться более жесткие методы и требования, чем к другим людям. Такое поведение, по сути, метод «кну́та» можно объяснить высокой степенью ответственности перед лицом рода, нежеланием испортить репутацию рода в глазах других людей. Однако в случае нарушения предъявляемых норм появляется вероятность исключения из круга доверенных лиц и ограничение прав. Несмотря на то, что такой вид взаимодействия носит авторитарный характер, тем не менее, исключает вероятность халатности и непрофессионализма. Метод «пряника», напротив, может привести к халатности, дилетантизму, который появляется по причине отсутствия здоровой конкуренции. Осознание своего «преимущества» перед другими по причине принадлежности к определенному роду снижает стимул к более высоким достижениям и тем самым поощряет формальное отношение к работе и к исполнению своих обязанностей. Установка на такое поведение, с одной стороны, облегчает взаимодействие, служит своего рода «смазкой», но, с другой стороны, может с большой долей вероятности спровоцировать дилетантизм и тем самым испортить репутацию рода.

В целом, социокультурный капитал хакасских родов как закрытая форма социокультурного капитала характеризуются следующими признаками. Основным признаком такого капитала выступает связь по роду, которая апеллирует к кровному родству и общности происхождения. Такие связи являются наиболее сильными и крепкими, т.к. представляют собой естественный принцип образования узких, тесных и доверительных отношений. Доверие как

ключевая основа социокультурного капитала между членами рода является наиболее высоким, т.к. формируется связями, складывающимися между родами несколькими поколениями. В этом проявляется вынужденный характер доверия – доверие выказывается не человеку как отдельной самостоятельной личности, а ему как представителю рода. При этом важна репутация рода, его доброе имя, которое складывается постепенно. В этом смысле род выступает в качестве некоторой гарантии того, что взятые на себя обязательства члена рода перед другими будут выполнены, иначе род применит к нему санкции, которые приведут к негативным последствиям¹¹⁸. Выходит, что родовые связи пронизывают разные сферы жизнедеятельности, соединяя членов рода крепкими узами, способствующими формированию закрытого социокультурного капитала.

Таким образом, специфика социокультурного капитала хакасских родов заключается в следующих особенностях. Во-первых, он представляет собой искусственно возрожденный феномен, который умело вписывается в условия современного общества. Во-вторых, социокультурный капитал хакасских родов носит закрытый характер в силу замкнутости самого рода. В-третьих, структуру сети, в пределах которой формируется закрытый социокультурный капитал рода, образуют не только члены рода, но и родственники вообще. В-четвертых, такой капитал зиждется на высоком уровне доверия между членами рода, которое в четыре раза выше, чем уровень доверия людям вообще. В-пятых, специфика социокультурного капитала хакасских родов проявляется в существовании ограниченной морали, заключающейся в том, что хакасы готовы оказывать помощь человеку, если он является членом его рода или носит с ним общую фамилию. Кроме того, специфика социокультурного капитала на уровне рода обусловлена различными факторами, способствующими накоплению этого капитала у современных хакасских родов.

---

¹¹⁸ Лушникова О.Л. Кровнородственный род как источник формирования закрытого социального капитала // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Социокультурное пространство современной России: вызовы XXI века» / Под ред. Н.Я. Павлюка. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – С. 302.

2.2. Влияние основных факторов на формирование и воспроизводство социокультурного капитала рода у хакасов

На формирование социокультурного капитала рода оказывают влияние различные факторы. Необходимо учитывать влияние различных социокультурных факторов, обуславливающих характер и направленность формирования такого капитала. Во-первых, они определяют условия среды, в которых происходит процесс возрождения родовых отношений, во-вторых, способствуют актуализации традиционных ценностей, на которых зиждутся родовые отношения, и в-третьих, детерминируют возможности развития родовых отношений в масштабах всего общества.

Социокультурные факторы, оказывающие влияние на формирование социокультурного капитала рода, отражают его специфику в конкретных условиях. Во-первых, на его формирование и накопление оказывают влияние *субъективные факторы*. К ним можно отнести собственно родовое самосознание, стереотипы, задающие характер отношений на уровне взаимодействия членов разных родов, репутацию рода, оказывающую влияние на объем социокультурного капитала каждого конкретного рода, а также язык как ретранслятор особых культурных традиций.

Во-вторых, необходимо учитывать и объективные факторы, обусловленные историческими особенностями формирования социальной структурой хакасского общества, географическими особенностями его расселения, типом экономического хозяйствования различных групп хакасов, а также политическими факторами, связанными с феноменом политических «кланов».

Решающее влияние на формирование социокультурного капитала рода оказывают субъективные факторы, определяющие специфику и характер такого капитала у хакасских родов.

Родовое самосознание как осознание своей принадлежности к роду является одним из способов самоидентификации, а потому играет ведущую роль в формировании социокультурного капитала рода, т.к. создает основу для

установления сильных связей внутри рода и определяет характер взаимоотношений с представителями своего и других родов. Высокий уровень родового самосознания способствует повышению статуса рода как социальной общности и утверждает ее в качестве особой референтной общности для каждого члена рода.

Осознание собственной принадлежности к роду является основой формирования социокультурного капитала в закрытой форме, т.к. объединяет членов рода в замкнутую или закрытую общность, в пределах которой может формироваться и сохраняться капитал. Именно от уровня родового самосознания зависит эффективность тех родовых связей и отношений, которые способны конвертироваться в социокультурный капитал рода.

Рассматривая самосознание в целом, следует учитывать, что *идентичность* представляет собой, скорее, некое интуитивное «Я», т.е. неосознанное, неотрефлексированное стремление ощущать себя членом какой-либо референтной общности. Это, в свою очередь, предполагает не только ориентированность на мнение социальной общности, но и долю ответственности перед ней. *Самосознание* в этом случае представляет более размытое понятие, т.к. отражает интуитивное «Мы». Например, ощущение себя частью русского народа (т.е. русское самосознание) не предполагает прямую ориентацию поведения конкретного человека на русский народ в целом, не предполагает ответственности перед ним, да и, собственно, русский народ мыслится как некая абстракция, которую невозможно наблюдать визуально. В современном обществе русское самосознание, скорее, выполняет медитативную функцию, т.е. отражает иллюзорное растворение человека в социальной среде.

В современном хакасском обществе род, напротив, представляет собой вполне конкретную осязаемую общность, поэтому родовое самосознание – это не иллюзорная, а реальная принадлежность человека. Соответственно, человек, идентифицируя себя с определенным родом, в своем социальном поведении ориентируется на него как на особую референтную социальную общность и несет ответственность перед всеми членами рода. Даже в современном обществе род

сохранил за собой некоторые функции, например, регуляцию и контроль социальной жизни, воспитание и обучение.

Изучая родовое самосознание, мы исходили из его широкого понимания (согласно трактовке этнического самосознания Ю.В. Бромлей¹¹⁹) – не только осознание принадлежности к роду, но и комплекс представлений об истории рода, его традициях, характерных чертах рода, а также совокупность ценностных ориентаций и установок по отношению к другим родам.

Родовое самосознание является значимой частью как этнического самосознания человека, так и идентичности в целом. Результаты опроса показали, что на первом месте в структуре идентичностей у опрошенных стоит осознание именно этнической принадлежности, т.е. «хакас/ хакаска» (83,3%), на втором и третьем местах представлены территориальные или географические факторы самоопределения – житель Республики Хакасия (62,5%) и житель России (33,3%) (см. «Таблица» 7).

Таблица 7.

Кем Вы ощущаете себя в первую очередь? (в % ответивших)				
	Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
гражданином мира	3	0,5	0,5	100,0
жителем России	200	33,3	33,3	100,0
жителем Хакасии	375	62,5	62,5	100,0
хакасом / хакаска	500	83,3	83,3	100,0
семьянином	75	12,5	12,5	100,0
коллегой	31	5,2	5,2	100,0
членом рода	75	12,5	12,5	100,0
другом / подругой	19	3,2	3,2	100,0
членом общественной организации	8	1,3	1,3	100,0
затрудняюсь ответить	38	6,4	3,8	100,0
Итого	1324	100,0	100,0	

¹¹⁹ Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М.: Наука, 1988. С. 57.

Это может быть связано с особенностью выборки, т.к. её совокупность составляют именно представители хакасского этноса. Однако членом рода себя ощущают 12,5% опрошенных – столько же семьянином. Меньше всего респонденты позиционируют себя в качестве гражданина мира, друга / подруги, коллеги и члена общественной организации.

Очевидно, что этническая идентичность является превалирующей и более активной в сознании хакасов. Осознание этнической принадлежности в какой-то степени оказывает влияние на трансформацию родового самосознания. С одной стороны, высокий уровень этнического самосознания способствует формированию социокультурного капитала на уровне всего хакасского общества, но, с другой стороны, сокращает вероятность накопления капитала на уровне рода. Это, скорее всего, происходит потому, что на межличностном уровне в первую очередь срабатывает установка на взаимодействие на основе доминирующей идентичности (хакас/ хакаска), а родовая принадлежность остается на втором плане. Исходя из этого, социокультурный капитал в форме социальных связей в первую очередь накапливается на уровне этноса в целом, а потом – на уровне рода.

В общем, уровень родового самосознания значительно ниже уровня этнического самосознания, что можно объяснить трансформацией сущности рода в сознании современных хакасов, которые отождествляют его со структурами разного уровня.

Схематично структуру современного хакасского этноса можно представить следующим образом:

Хакасский этнос → этническая группа → административный род → сеок → фамилия

Около 7% опрошенных отождествляют род с хакасским этносом в целом (см. «Таблица» 8). Во-первых, существует этимологическое объяснение, согласно которому слово «род» имеет общие корни со словом «народ». К примеру, в исторических или этнографических работах часто встречается словосочетание

«хакасский род» в значении всего хакасского народа. Во-вторых, распространено мнение о том, что все хакасы являются друг другу родственниками. И в-третьих, это объясняется собственно отсутствием представлений о различиях между понятиями «род» и «этнос».

Таблица 8.

Трактовка рода современными хакасами, (в % опрошенных)				
	Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
как фамилия	203	33,8	33,8	33,8
как сеок	86	14,3	14,3	48,1
как административный род	3	0,5	0,5	48,6
как этническая группа	91	15,2	15,2	63,8
как род	8	1,3	1,3	65,1
как этнос	46	7,7	7,7	72,8
затрудняюсь ответить	163	27,2	27,2	100,0
Итого	600	100,0	100,0	

В целом, это позволяет говорить о том, что в сознании хакасов наиболее значимой характеристикой является идентификация со своим этносом, а не с принадлежностью к роду. Такое распределение ответов респондентов свидетельствует о смещении представлений о традиционной родовой структуре хакасского этноса, которая чаще отождествляется с современной социальной структурой хакасского общества. Отсюда следует, что вероятность формирования социокультурного капитала на макроуровне, т.е. в процессе воспроизводства хакасского общества, намного выше, чем на уровне родовых отношений.

Другая часть респондентов (15,2%), определяя свою родовую принадлежность, ассоциирует род с различными этническими группами (качинцами, койбалами, сагайцами, бельтирами, бирюсинцами, кызыльцами), которые, по сути своей, также значительно отличаются от сущности рода как

такового. По сути, хакасский народ образовался в результате объединения различных племен, проживающих на территории Хакасско-Минусинской котловины. Несмотря на некоторые сходства в образе жизни, эти племена отличались друг от друга типом хозяйственной деятельности, собственной культурой, традициями, историй происхождения и т.д. Это своеобразие сохранилось и у современных хакасов в виде особого диалектического наречия (например, в шорском диалекте преобладают шипящие звуки), в виде характерных фамилий (например, у качинцев многие фамилии имеют окончание «-ин», Спирины, Трошкины), особых чертах внешности (рыжие волосы) и т.д. Можно предположить, что идентификация с определенной этнической группой представляет собой субэтническое самосознание и способствует формированию социокультурного капитала на межгрупповом уровне.

По результатам опроса, только 14,3% опрошенных трактуют род в традиционном понимании – как сеок, ведущий происхождение от одного предка. По данным В.Я. Бутанаева, у хакасов насчитывалось более 150 сеоков¹²⁰. Согласно мифам и легендам хакасов, сеоки могли вести свое происхождение как от людей, так и от животных. К примеру, существует легенда происхождения сеока хыргыс от сорока девушек («хырых хыс»), которые вступили в брачный союз с мужчинами Усы, правого притока Енисея¹²¹. Сеок соххы, согласно мифам, произошел от легендарных героев: девушки-богатырши Паян-хыс и основателя сеока пурут Ир Тохчына¹²². Сеок читі пуур (с хак. – семь волков), по преданиям, произошел от мальчика, вскормленного волчицей¹²³, а сеок хахпына делился на горных («таг») и речных («суг») хахпына, соответственно, рожденных от гор и рожденных от рек¹²⁴. Однако сложная система родовых связей, в основе которой было деление на сеоки, постепенно была заменена фамилиями, что, по мнению

---

¹²⁰ Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: Лаборатория этнографии НИС АГПИ, 1994. С. 3.

¹²¹ Там же. С. 5.

¹²² Там же. С. 6–7.

¹²³ Там же. С. 12–13.

¹²⁴ Там же. С. 14–15.

В.Я. Бутанаева, было связано с упадком общественного значения сеока и введением делопроизводства¹²⁵.

Таким образом, хакасский род, в традиционном толковании, в качестве сеока – коллектива кровных родственников, ведущих происхождение от одного общего предка по мужской линии, исторически утратил свое значение. Это объясняется многообразием и сложностью структуры родовых отношений, которые трудно отследить и воспроизводить в том виде, в каком они существовали в прошлом. Соответственно, формирование социокультурного капитала возможно лишь на уровне небольших по численности сеоков, состоящих из нескольких фамилий. В многочисленных сеоках, как правило, происходит разделение на отдельные роды, чаще отождествляемые с определенной фамилией, на уровне которой накопление социокультурного капитала происходит быстрее. Отсюда, современные хакасы, говоря о своей принадлежности к роду, чаще всего отождествляют род с фамилией.

Собственно, фамилии появились у хакасов значительно позже сеоков. Фамилии, как правило, происходили от имен глав семейств, имевших большие хозяйства. Иногда новые фамилии появлялись по причине религиозных запретов. В.Я. Бутанаев приводит пример появления фамилии Узунзаковых от словосочетания «Узух Азах» (с хак. – длинная нога). Это прозвище, которым называла жена своего мужа Чоду (с хакасского языка – голень), т.к. по хакасскому обычаю женщины не имели права называть мужа и старших родственников по имени. Иногда фамилии происходили от имен, к примеру, от Иптыша Аючакова произошла фамилия Иптышевых, от Тохтабия – Тохтобины, от Чылчыгаша – Чильчигашевы и т.д.¹²⁶. Встречались случаи появления новых фамилий из-за ошибок писаря, например, часть Чебодаевых стали Сагатаевыми, Бахтараевы – Богатыревыми и др.¹²⁷ По мнению В.Я. Бутанаева, хотя процесс закрепления фамилий растянулся, в целом, хакасские фамилии ведут свое происхождение с

---

¹²⁵ Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: Лаборатория этнографии НИС АГПИ, 1994. С. 24.

¹²⁶ Там же. С. 25–26.

¹²⁷ Там же. С. 28.

середины XVIII в. Среди хакасов, по подсчетам ученого, насчитывалось 1360 фамилий¹²⁸.

По результатам опроса, треть респондентов трактуют род именно как расширенный круг родственников с одной фамилией. Можно считать, что в современном обществе для некоторой части хакасского этноса определение своей родовой принадлежности означает лишь идентификацию с фамилией. Выходит, что понятие рода, как таковое, существует, но в несколько ином понимании – как родственники одной фамилии, отсюда и социокультурный капитал рода формируется преимущественно на уровне взаимодействия между родственниками по фамилии.

Процесс формирования и накопления социокультурного капитала на уровне круга родственников с общей фамилией является более упрощенным, т.к. в первую очередь апеллирует к общности фамилии, а не общего исторического прошлого, которое признается таковым в качестве примордиальной характеристики рода.

Кроме того, носители общей фамилии, как правило, относятся к одной этнической группе, имеющей историческую территорию обитания, а значит, в некотором смысле, имеют историческую родину – родовое место, которые служит символическим выражением степени их родства, объединяющим их в единое целое. Помимо этого, кровные связи между представителями общей фамилии легче проследить, а значит, установить степень родства. Как правило, узкий круг родства способствует поддержанию таких немногочисленных связей, а значит, в большей степени способствует формированию социокультурного капитала рода.

Согласно данным опроса, ощущение единства человека со своим родом создает как раз общая фамилия (так считают 45,7%), что говорит о том, что одно из преобладающих оснований родовой идентичности носит формальный характер и определяется по факту ношения определенной фамилии (см. «Таблица» 9).

---

¹²⁸ Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: Лаборатория этнографии НИС АГПИ, 1994. С. 30.

Таблица 9.

Что объединяет Вас с людьми Вашего рода? (в % опрошенных)				
	Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
происхождение от общего предка	210	35,0	35,0	100,0
историческое прошлое	187	31,2	31,2	100,0
общая фамилия	274	45,7	45,7	100,0
родственные чувства	279	46,5	46,5	100,0
внешний облик	159	26,5	26,5	100,0
известные люди моего рода	64	10,7	10,7	100,0
черты характера, психология	79	13,2	13,2	100,0
затрудняюсь ответить	39	6,5	6,5	100,0
Итого	1291	100,0	100,0	

Другими основаниями родовой идентичности являются родственные чувства (46,5%), осознание общности происхождения от общего предка (35%) и значимость исторического прошлого как объединяющего начала рода (31,2%). В сущности, именно эти факторы лежат в основе родового самосознания, способствующего формированию капитала рода как закрытой формы социокультурного капитала.

Однако в реальных условиях, выявляя принадлежность к роду, трудно определить уровень такого самосознания, поэтому необходимо учитывать и другие критерии, подтверждающие обоснование именно такого основания идентичности. Для некоторых ощущение единства с родом складывается на основе признания сходства внешнего облика (26,5%) и черт характера (13,2%), а около 10% опрошенных особое значение придают социально значимым характеристикам – известным людям рода, которые прославили род своей общественной деятельностью. Это подтверждает роль стереотипов в

формировании родовой идентичности. Как правило, известность одного из представителей рода приводит к определенному стереотипу об известности всего рода, в результате чего члены этого рода ощущают причастность к этой славе и начинают позиционировать себя как представители известного хакасского рода.

Необходимо учитывать, что осознание принадлежности к роду является функциональным только в том случае, если подкрепляется соответствующими знаниями об истории рода, его культуре, традициях, а также соответствующим поведением. По данным опроса, только 9,7% респондентов ответили, что хорошо знают историю своего рода (могут назвать некоторые даты, события, имена людей), примерно треть знает лишь отдельные фрагменты и события, большинство из опрошенных (43,3%) знают историю своего рода лишь поверхностно, и 12,3% ответили, что не знают историю вообще (см. «Таблица» 10).

Таблица 10.

Как хорошо Вы знаете историю своего рода? (в % опрошенных)				
	Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
хорошо знаю (могу назвать некоторые даты, события, имена людей)	58	9,7	9,7	9,7
знаю отдельные фрагменты, события	188	31,3	31,3	41,0
знаю поверхностно	260	43,3	43,3	84,3
вообще не знаю историю рода	74	12,3	12,3	96,6
затрудняюсь ответить	20	3,4	3,4	100,0
Итого	600	100,0	100,0	

Однако, уточняющие вопросы на знание истории рода, его традиций показали еще более низкий уровень знаний об историческом прошлом рода. Не более 5% опрошенных смогли назвать своих предков до шестого колена и больше, в основном, респонденты знают предков до третьего (37%), четвертого

(26,5%) и пятого (10%) коленья. Это свидетельствует о том, что осознание принадлежности к роду носит, скорее, декларативный характер: формальное позиционирование себя в качестве члена рода не сопровождается ощущением глубокой укорененности в сознании людей, не исходит из внутреннего неодолимого желания человека и не является его потребностью. В итоге, это может стать причиной утраты родовой идентичности вообще. Позиционирование себя в качестве члена рода чаще становится инструментом для достижения личных целей, т.е. используется для накопления социокультурного капитала.

Результаты интервью показали низкий уровень знаний респондентов об истории их рода: о праздниках, мифах, легендах и символах рода, что говорит о неустойчивой природе связей внутри рода, составляющих основу социокультурного капитала рода. Вопрос о выяснении знаний о *местах обитания предков* у многих опрошенных вызвал значительные затруднения. Как среди респондентов, участвовавших в опросе, так и среди интервьюируемых можно отметить расплывчатое представление о том, где обитали их прадеды. Респонденты соотносили места обитания предков:

- 1) с современным административным устройством (Аскизский, Таштыпский, Алтайский, Бейский и Ширинский районы)
- 2) с отдельными населенными пунктами (с. Верх-Аскиз, с. Сафронов, с. Аршанов, с. Арыштаев, с. Кизлас)
- 3) со старыми названиями рек (бассейны р. Мрассу, р. Кабырза, р. Таштып)
- 4) с названием степей (Уйбатская степь) и др.

В целом, можно предположить, что в сознании респондентов нет сформированного представления о местах обитания своего рода: во-первых, отсутствие глубоких знаний приводит к упрощению ответов (сведению наименования деревни к названию рода), во-вторых, нет единого мнения о том, с какого времени ведет начало их род, отсюда несопоставимость ответов (современное административное устройство либо устаревшие наименования местности).

Большую осведомленность респонденты продемонстрировали в отношении того, что означает *название рода*. По словам респондентов, «чилей» означает глухарь, «хобый» – медведь, «таг харгазы» – горный ворон, «суг харгазы» – водный ворон, «пеп» – возглас при ожоге, «хасха» – белая полоса на лбу лошади. *Мифы и легенды*, которые назвали опрошенные – мифы о происхождении рода (род Абдиных арабского происхождения), об охотниках-богатырях, о княжеских родах, о шамане, главе рода Хызылахе и миф «Ачинка». Среди *символов рода*, названных респондентами – жаворонок, летящий на фоне солнца, решетка, белая полоса на лбу лошади, береза на красном флаге. Некоторые в качестве символов назвали родовую песню и тамгу.

Тамги у хакасов появились после введения фамилий. Они представляли собой «знаки собственности на скот и на имущество», которые передавались по наследству¹²⁹. Естественно, что тамги были только у богатых хакасов, которые имели скот. По мнению В.Я. Бутанаева, в эпоху родовых отношений каждый сеок имел тавро, отличающееся от других. Хакасские тамги состояли из простых фигур: креста, круга, дуги, квадрата, развилки, прямых линий и точек. По мнению В.Я. Бутанаева, в результате развития общественных отношений часть родовых знаков превратилась в аальные тамги, которые выражали интересы аальной общины, другая часть превратилась в фамильные тамги и отражала интересы индивидуальных хозяйств¹³⁰.

По данным опроса незначительная часть респондентов (13,2%) помнит, где находится или находилось *родовое кладбище* (например, кладбище рода Абдиных до 1930-х гг. находилось на горе Абыях хая). Меньше трети ответили, что могут назвать *родовые места* своего рода – священные места, связанные с историей происхождения рода. Некоторые респонденты в качестве родовых мест называли деревни, откуда произошел их род, другие – деревни, созвучные названию рода, часть респондентов называли родовые места, связанные с историей происхождения рода или его географического расположения. Среди таковых можно выделить:

---

¹²⁹ Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: Лаборатория этнографии НИС АГПИ, 1994. С. 30.

¹³⁰ Там же. С. 31.

- 1) деревни, улусы, аалы, откуда ведет происхождение род:
  - д. Баклаево
  - д. Баражуль
  - д. Илиморов
  - д. Иргюс
  - д. Отты
  - а. Печин
  - у. Госпахтар
  - Хам Хазы (Хызыл Агбан)
  - Хая алты (аал Абдин) и др.
- 2) деревни, названные по фамилии рода:
  - Аев
  - Абрамов
  - Арабкаев
  - Аршанов
  - Конгаров
  - Сафьянов
  - Спирин
  - Тутатчиков
  - Чаптыков
  - Шалгинов и др.
- 3) горы, считающиеся родовым местом рода:
  - гора Абыйах хая
  - гора Ала-таг
  - гора в Картоево
  - гора Юрдин
  - гора Ыбыйты и др.
- 4) реки, связанные с историей происхождения рода:
  - р. Кокса

- Красный Ключ и др.

Совокупность представлений об историческом прошлом рода отражает когнитивную сторону родового самосознания, т.к. показывает уровень знаний человека как представителя конкретного рода. Однако доля тех, кто обладает достаточными знаниями об историческом прошлом своего рода, незначительна, но именно среди этих людей наблюдается наиболее высокий уровень углубленных знаний об истории рода.

В целом, результаты опроса показали недостаточно высокий уровень знаний об истории рода, его обычаях и традициях. С одной стороны, можно предположить, что для большей части опрошенных родовая принадлежность не является настолько значимой, чтобы интересоваться историей рода, но с другой стороны, некоторые не имеют возможности узнать больше об истории рода по разным причинам, поэтому единственным способом остается самостоятельный поиск и восстановление истории рода по архивным документам или каким-либо другим источникам. Однако это связано с разными трудностями, которые препятствуют активной поисковой деятельности: к примеру, не всегда можно найти соответствующие документы или получить доступ к ним.

Серьезным препятствием в процессе восстановления истории рода является отсутствие информантов (бабушек, дедушек), у которых сохранились бы какие-либо данные. Хотя, по мнению некоторых респондентов, даже наличие информации об истории рода, его генеалогическом древе, не является ценностью, т.к. обезличено. *(Вот у меня есть тетрадь, где родословная моего рода прописана до 10 колена. До 4 колена – только имена, но, к сожалению, это только имена, и мне они ни о чем не говорят, и что с ними связано, я сама рассказать не могу. Из интервью с представительницей фамилии X).* Кроме того, поиск занимает значительную долю личного свободного времени, что тоже снижает стремление и желание узнавать и восстанавливать историю своего рода.

С одной стороны, низкий уровень знаний хакасов об истории своего рода свидетельствует о невысоком уровне когнитивного компонента родового самосознания, но с другой, отсутствие глубоких знаний замещается высоким

уровнем эмоционального компонента. Ведь представления не только существуют на когнитивном уровне, но и переживаются людьми, т.е. проявляются в чувственной, эмоциональной сфере, что позволяет говорить о существовании такого компонента родового самосознания как «чувство Мы». Оно отражает положительно окрашенные чувства: гордости, уважения к своему роду, или негативно окрашенные: чувство стыда за свой род, его репутацию, безразличное (индифферентное) отношение к роду, или полное игнорирование своей родовой принадлежности. Об этом говорит то, что значительная часть опрошенных (90,7%) испытывает гордость за свой род (варианты ответов «да» и «скорее да») (см. «Таблица» 11).

Таблица 11.

Испытываете ли Вы чувство гордости за свой род? (в % опрошенных)				
	Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
да	364	60,7	60,7	60,7
скорее да	180	30,0	30,0	90,7
скорее нет	27	4,5	4,5	95,2
нет	12	2,0	2,0	97,2
затрудняюсь ответить	17	2,8	2,8	100,0
Итого	600	100,0	100,0	

Однако учитывая невысокий уровень знаний опрошенных об истории своего рода, когнитивную основу социокультурного капитала рода нельзя считать устойчивой. Она, скорее всего, укоренена на чувственном уровне и подкрепляется эмоциональной составляющей – ощущением чувства гордости за свой род. Это в том числе отражается и в позиционировании себя в отношении других родов, что наиболее ярко проявляется через систему стереотипов как значимого субъективного фактора. Поэтому, исследуя влияние факторов на формирование социокультурного капитала рода, необходимо учитывать и роль *стереотипов*.

Можно выделить автостереотипы (представления о действительных или воображаемых чертах своего рода) и гетеростереотипы (представления о характерных чертах других родов, воображаемых или действительных), которые в большей степени оказывают влияние на формирование социокультурного капитала рода. К примеру, к воображаемым чертам, приписываемым своему роду, может отнести смелость, гостеприимство. К действительным чертам рода можно отнести такие качества, как склонность к творческой или научной деятельности. Хотя фактически трудно говорить о чертах, присущих всему роду. Как показал И.С. Кон, национальный характер – это и миф, и реальность¹³¹, поэтому нельзя отождествлять качества, присущие отдельным представителям рода, с родом вообще. В данном случае можно лишь говорить об определенной степени выраженности тех или иных качеств у некоторых представителей рода или их большинства.

Несмотря на то, что стереотипы являются преимущественно латентными, тем не менее они оказывают существенное влияние на формирование социокультурного капитала рода и особенно ярко проявляются в процессе социального взаимодействия. По мнению Г.В. Градосельской, социальный капитал, в отличие от экономического, символического или культурного, является «неосязаемым» или «неуловимым»¹³², поэтому проявляется опосредованно через систему связей и отношений, проявляющихся в процессе социального взаимодействия. К примеру, в повседневной жизни принадлежность к роду не играет особой роли, но в конкретной ситуации, например, на встрече рода, осознание родовой принадлежности актуализируется и становится «ощутимой» и «осязаемой».

Особенно заметно проявление стереотипов в повседневной сфере жизнедеятельности. К примеру, на уровне межличностного взаимодействия может срабатывать стереотип о неприязни представителей разных этнических

---

¹³¹ Кон И.С. Национальный характер – миф или реальность? // Иностранная литература, 1968. № 9. С. 215–229.

¹³² Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. С. 38.

групп, например, качинцев и сагайцев, что отразится на характере социальных связей между разными родами. Они, естественно, будут носить отрицательный характер и не способствовать формированию и приращению социокультурного капитала отдельного рода.

Кроме того, существует стереотип о неприязни между родами, который часто проявляется при выборе жениха или невесты. Более половины опрошенных хакасов считают, что необходимо учитывать родовую принадлежность при выборе жениха и невесты.

Во-первых, необходимо отсутствие близкого родства по роду. Например, браки запрещаются между «киджеге» – фамилиями, возникшими от имен родных братьев, которые считаются близкими родственными группами¹³³. Например, к одному киджеге у хакасов относились Алановы, Аскировы, Кульбижековы и Сафьяновы из сеока ах хасха; Кызласовы, Боргояковы, Амзороковы из сеока таг харгазы; Копкоевы, Какашкины, Кабаковы из сеока ах хасха; Балгановы, Калачевы, Кышпанакровы из сеока пурут и т.д. *(Например, от трех родных братьев пошли разные фамилии, они считаются родственниками, поэтому браки между ними запрещались. Из интервью с представителем рода А).*

Во-вторых, большое внимание уделяется репутации рода, из которого происходит кандидат, его близким родственникам и т.д. *(Можно сказать, есть перечень правил, за кого нельзя выходить замуж: не женись – не выходи замуж за тех, у кого в роду были самоубийцы, пьяницы, воры, супружеские неверности. Из интервью с представителем фамилии Т).* Можно предположить, что принадлежность к роду является одним из факторов, определяющих структуру сети, в пределах которой формируется социокультурный капитал. Так, представители рода, имеющего «плохую» репутацию, исключаются из потенциальных кандидатов на выбор жениха или невесты, а значит, социокультурный капитал распределяется между представителями родов с заведомо «хорошей» репутацией.

---

¹³³ Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: Лаборатория этнографии НИС АГПИ, 1994. С. 27.

Кроме того, в повседневной жизни социокультурный капитал рода проявляется в конкретных жизненных ситуациях, в которых одна только принадлежность к роду может сыграть роль средства достижения личных целей члена рода. *(Помню, в ХГУ им. Н.Ф. Катанова поступала какая-то девочка с фамилией К., тетья (тоже фамилия К) нашла ее, даже не знаю, как, и помогла поступить. Еще одной девчонке нужно было общежитие, она тоже ее устроила. Потом у кого-то были проблемы с сессией, девочка не могла экзамены сдать, она вместе с ней ходила по преподавателям, договаривалась, чтобы ей поставили хорошие оценки. Из интервью с представительницей фамилии К).* Таким образом, один лишь факт ношения определенной фамилии, даже не подкрепленный личным знакомством, может сыграть роль социокультурного капитала в конкретной ситуации и принести внеэкономическую выгоду ее обладателю.

С системой стереотипов тесно связана *репутация* хакасских родов, складывающаяся веками и имеющая практически ведущее значение в качестве субъективного фактора, способствующего накоплению социокультурного капитала рода. Смысл репутации наиболее полно отражается в определении социального капитала М. Белливью, С. О' Рейли и Р. Вейда, которые считают, что именно личные индивидуальные сети и элитные институциональные принадлежности составляют групповой социальный капитал¹³⁴. Этим подчеркивается дифференцированный характер социокультурного капитала, объясняющий важность статусной позиции тех общностей, к которым принадлежит индивид. Репутация, в первую очередь, связана с социальным неравенством, а также с феноменом знатности. Естественно полагать, что те социальные общности, которые стоят выше в социальной иерархии, обладают большим объемом социокультурного капитала.

В современном понимании знатность можно рассматривать с нескольких позиций. Во-первых, немаловажную роль играют хронологические рамки определения знатности происхождения. У хакасов, как и в любом другом

---

¹³⁴ Belliveau M., O'Reilly C., Wade J. Social capital at the top: Effects of social similarity and status on CEO compensation // Academy of Management Journal. 1996. P. 1568–1593.

обществе, существовала иерархия – деление на знатные и незнатные роды. Так, некоторая часть современных хакасов считает себя потомками знатных родов XVIII-XIX вв., когда знатность рода определялась происхождением из древнего рода; родственными связями с кыргызами, джунгарами; богатством рода (наличием большого количества скота). Другая часть хакасов, обосновывая свою родовую значимость, апеллирует к более позднему времени. В советское время, когда была разрушена прежняя социальная структура – зажиточные роды были раскулачены, а представители бедных родов, наоборот, получили возможность повысить свое социальное положение. Так, появился новый слой людей – инициативных, творческих, деятельность которых была направлена на благо хакасского народа. Эти люди внесли огромный культурный вклад в развитие республики, и тем самым повысили статус своего рода. И сегодня потомки этих родов считают свой род значимым в социальной иерархии родов.

Отголоски знатности в условиях современного общества проявляются через феномен известности рода, поэтому для исследования проявлений знатности у современных хакасов мы выявляли, какие роды, по мнению опрошенных, считаются известными. К известным хакасским родам (в традиционном понимании – сеокам), по мнению опрошенных, относятся следующие роды (см. «Таблица» 12).

Таблица 12.

Наиболее известные роды (сеоки) (по мнению опрошенных)

Этническая группа			
Бирюсинцы	Качинцы	Бельтиры	Сагайцы
хобый	соххы	пильтір	читі пүүр
харга	хырғыс	табан	том
хыйлар	ызыр	хахпына	сарыҕ
сор	хасха	чыстар	аба
таяс			
сайын			
хызыл хая			
чилей			

Данные опроса показали, что наиболее известными, по мнению опрошенных, являются роды, относящиеся к бирюсинской этнической группе хакасов. Исторически этническую основу *бирюсинцев* составляли кыргызские киштимы, часть самих кыргызов, а также тувинские элементы. Кроме того, по сведениям В.Я. Бутанаева, названия многих сеоков бирюсинцев связаны с местами их расселений, часть которых сохранилась и сегодня. Может быть, поэтому в сознании современных хакасов так прочно закрепились названия бирюсинских сеоков, что они помнят их до сих пор.

Сеок хобый представлял собой многочисленный род и насчитывал около 45 фамилий. Сеок харгазы (с хак. «харга» – ворона) также известен своей многочисленностью. Кроме того, он разделялся на горных («таг») и речных («суг»), т.е. горных и речных каргинцев. Сеок хый насчитывал 13 различных фамилий, которые имели кетские корни. Сеок сор был одним из многочисленных родов бирюсинцев и насчитывал 60 различных фамилий. Названия некоторых сеоков связаны с историей их происхождения, которые закрепились в сознании людей в виде мифов и легенд. К примеру, сеок сайын, по сведениям В.Я. Бутанаева, считался небесным сеоком, сеок хызыл хая, возможно, произошел от мальчика, выросшего в горе Красная скала, а происхождение сеока чилей связано с птицей глухарь¹³⁵.

Этнический состав *качинцев* был представлен кыргызами, джунгарскими беженцами, а также киштымами. Значительную долю качинцев составляли кыргызы, имевшие в большей степени знатное происхождение, что, по-видимому, было спроецировано на их потомков – современных качинцев. Сеок соххы насчитывал около 30 фамилий, а также имел подразделение сартах с татарскими корнями: по преданию, он ведет свое происхождение от девушки-татарки, вышедшей замуж за представителя сеока соххы. Другой сеок хыргыз известен своим происхождением от кыргызских выходцев из Тубинского княжества и

---

¹³⁵ Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: Лаборатория этнографии НИС АГПИ, 1994. С. 16–20.

насчитывает до 16 подразделений. Сеок хасха является одним из основных и многочисленных сеоков качинцев. Сеок хасха (с хак. – «белая полоса на лбу лошади»), по мнению В.Я. Бутанаева, встречается не только у хакасов. Не исключена возможность происхождения имени сеока от средневекового титула кыргызских князей, что означает «белый», «аристократический». Сеок ызыр, который, по мнению В.Я. Бутанаева, являлся частью населения Исарского улуса, насчитывал 25 различных фамилий. Несмотря на то, что респонденты именно эти сеоки считают известными, у качинцев было много и других сеоков. К примеру, один из многочисленных сеоков качинцев – пурут, который, по мнению В.Я. Бутанаева, встречается и у других этнических групп, например, у сагайцев и кызыльцев. Существует несколько версий происхождения этого сеока. По одной версии, сеок ведет происхождение от монголов, пришедших со стороны Тувы, по другой – от бурятов, по третьей – от выходцев из страны Торбет (северо-западная Монголия), по четвертой – от кыргызов. Среди других качинских сеоков: аара, частых, талчан, чарын, бохты, чилдег, тиин, ханмазы и др.¹³⁶

Бельтиры, по мнению В.Я. Бутанаева, насчитывали 7 сеоков, в которые входило около 100 различных фамилий. Основной сеок бельтиров – пильтир (с хак. – «метисы»), он разделялся на белых («ах») и черных («хара») бельтиров. Сеок насчитывал 35 различных фамилий. Другой крупный сеок (25 фамилий) – хахпына, делился на горных («таг») и речных («суг») хахпына, соответственно, рожденных от гор и от рек. Сеоки чыстар (17 фамилий) и табан (7 фамилий) также имели разделение на черных и белых¹³⁷.

Самым крупным сеоком *сагайцев* был сеок сагай, который составляет абсолютное большинство и сегодня. Сеок читі пуур (с хак. – семь волков) является одним из древних сеоков, с происхождением которого связано много мифов и легенд. К примеру, происхождение сеока от мальчика, вскормленного волчицей. Считается, что сеок аба (с хак. – медведь) произошел от шорцев, членам этого сеока запрещалось убивать медведей и держать их шкуры у себя

¹³⁶ Бутанаев В.Я. Происхождение хакаских родов и фамилий. Абакан: Лаборатория этнографии НИС АГПИ, 1994. С. 4–8.

¹³⁷ Там же. С. 14–15.

дома. Название сеока сарыг было связано с антропологическим светлым типом внешности и насчитывал около 10 различных фамилий¹³⁸.

Однако учитывая тот факт, что толкование сущности рода у современных хакасов изменилось, оно преимущественно сводится к кругу родственников с общей фамилией, необходимым было выяснить, какие фамилии, по мнению респондентов, считаются известными. Результаты опроса показали, что наиболее известными родами являются роды (в смысле фамилии), также относящиеся к бирюсинской этнической группе (Боргояковы, Топоевы, Майнагашевы, Канзычаковы и др.). На втором месте стоят роды качинской этнической группы (Чаптыковы, Коковы, Ботины и др.). На третьем месте – роды бельтирской группы (Чебодаевы, Сагалаковы, Асочаковы и др.), на четвертом – сагайской (Катановы, Анжигановы, Костяковы) (см. «Таблица» 13). (*Относятся к сеоку *том*, населявшего верховье р. Томи, сегодня считают себя сагайцами).

Таблица 13.

Наиболее известные роды (фамилии) по мнению опрошенных

Этническая группа			
Бирюсинцы	Качинцы	Бельтиры	Сагайцы
Боргояковы	Чаптыковы	Чебодаевы	Анжигановы
Топоевы	Коковы	Сагалаковы	Костяковы
Шулбаевы	Ботины	Асочаковы	Богатыревы
Канзычаковы	Доможаковы	Ултургашевы	Ивандаевы
Кильчичаковы	Чезыбаевы	Нербышевы	Межековы
Тодиновы	Абдины	Сазанакоты	Чертыковы
Идимешевы	Сабуровы	Иптышевы	Чанковы
Тыгдымаевы	Котожековы	Карачаковы	Астанаевы
Бутанаевы	Конгаровы	Чучуновы	Бельтрековы
Сарагашевы	Трошкины	Карчигашевы	Майнагашевы*
Кызласовы	Добровы	Патачаковы	Ахпашевы*
Сунчугашевы	Кобежиковы	Сагатаевы	
Чепчигашевы	Шалгиновы	Чебочаковы	
Бурнаковы	Арыштаевы	Миндибековы	
Карамашевы	Панышевы		
Марткачаковы	Спирины		

¹³⁸ Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: Лаборатория этнографии НИС АГПИ, 1994. С. 11–14.

Этнографический анализ не выявил взаимосвязи между известностью современных родов и их знатностью в прошлом, скорее всего известность родов-фамилий связана с их многочисленностью и распространенностью в современном обществе. Однако несмотря на то, что сагайская группа является самой многочисленной, тем не менее роды из этой группы, по мнению респондентов, не относятся к категории известных. Кроме того, следует отметить, что в этом списке нет родов из кызыльской и койбальской этнических групп, что, во-первых, можно объяснить их малочисленностью, во-вторых, слиянием с другими этническими группами, и в-третьих, с тенденцией к обрусению. *(Есть роды, которые вымирают, ассимилируют. Это характерно для кызыльцев, северная часть хакасов, у них все роды уменьшаются в численности, например, Балахчины сеока ажыг, Сулековы. Из интервью с представителем рода X).*

Влияние репутации родов как субъективного фактора преимущественно отражается на объеме социокультурного капитала разных родов, т.к. связано с различным социальным положением в иерархии общества. Как правило, знатные роды обладают большим объемом социокультурного капитала, занимают более важные посты, имеют связи с государственными структурами или бизнес-элитой. *(Есть такие хакасские фамилии, которые постоянно на слуху, потому что занимают определенное положение в политике, во власти. Кто-то говорит, есть там такие-сякие «-ивы» и «-евы», они у власти постоянно, десятилетиями находятся там. Почему так? Просто были богатые хакасские семьи, которые могли позволить обучение, подготовку своих детей. Эти дети были более подготовлены и шли по тропе, проложенной своими родителями. Из интервью с представителем рода Y).* Естественно предположить, что незнатные роды или роды с «плохой» репутацией имеют в наличии небольшой объем социокультурного капитала. Это объясняется, во-первых, изначально отсутствием большого объема капитала по причине «плохой» репутации, которая формирует стереотипное мышление, снижающее вероятность налаживания прочных

социальных связей. А во-вторых, роды, имеющие большой объем капитала, охраняют его, ограничивая доступ к нему представителям других родов.

Ограничение доступа к социокультурному капиталу рода проявляется в различных формах. К примеру, существуют отдельные хакасские роды, представители которых из года в год занимают важные политические посты. Это привело к формированию круга «своих» людей, которые передают власть друг другу, поэтому представители других родов, как правило, не имеют возможности занять эти должности. *(Бывает такое, когда эти «-евы» занимают позиции, и были случаи неоднократные, когда «-евы» не пускают «-овых». Из интервью с представителем рода У).*

Проявления феномена знатности родов наиболее ярко отражаются в материальной культуре, в которой выявляются все значения, ценности и нормы, принятые данным обществом, т.е. вся палитра культурных смыслов. При этом особое значение имеют символические признаки рода, служащие выражением его значимости или функциональности в условиях современного общества. К примеру, одним из символических объектов, выполняющих функцию идентификации рода, является тамга – знак родовой или племенной принадлежности. Фактически тамга служит маркером социального неравенства, по которому можно определить, какое место занимает род в социальной иерархии общества. К примеру, знак тамги на каком-либо домашнем животном указывает на собственность конкретного рода, приставка «белый» или «черный» на знатность рода и т.д.

Особенно наглядно проявления символической атрибутики можно наблюдать во время национальных праздников, когда происходит публичная презентация родовой символики. Презентация рода как одна из форм социального взаимодействия оформлена определенным образом, она включает различные атрибуты. Так, представление и знакомство с историей рода оформлено в виде генеалогического древа, в котором зафиксированы все представители одного рода. Они различаются степенью сложности и качеством выполнения. Демонстрирование традиций рода проявляется в особом оформлении

национальных блюд, специфики покроя и рисунка орнаментов одежды и т.д. Собранные из деревянных брусьев конструкции, схематически напоминающие традиционные жилища, символизируют дом, очаг, т.е. сердце семьи, рода.

Однако, по сути, презентация рода носит ярко выраженный демонстративный характер и выполняет медиативную функцию. Декорирование, украшение различными рисунками и нанесение цветовой гаммы как бы указывает на праздничность данного события, отграничивая таким образом повседневную жизнь от мира праздника. Например, ношение праздничной национальной одежды на праздничном мероприятии будет воспринято как соответствующее данной ситуации поведение, тогда как в повседневной жизни, скорее всего, будет сочтено как отклоняющееся. Или другой пример – в ситуации праздничного шоу встреча каждого гостя, угощение его различными блюдами и напитками укладывается в представление о должном поведении, но в обычной жизни вряд ли можно встретить такое широкое гостеприимство. Выходит, что проявления знатности можно обнаружить и в материальных объектах и предметах, которые, по сути, не что иное, как реквизит, знак или сообщение, которое «придает социальным ситуациям связность и целостность»¹³⁹ и служит символическим выражением традиционных ценностей.

Кроме того, существует язык как способ передачи социокультурного опыта, в т.ч. и родовых отношений. Он представляет собой единую систему знаков и средств выражения, которая разделяется и понимается всеми одинаково. Поэтому одним из значимых факторов, влияющих на формирование социокультурного капитала на уровне рода, является *язык* как важный элемент культуры, являющийся отражением духовной жизни общества. Язык, во-первых, выступает в качестве ретранслятора культуры. На уровне рода это выражается в феномене родовой памяти, которая хранит историю происхождения рода, его обычаи и традиции в различных мифах и легендах, передающихся из поколения в поколение. Кроме того, через язык происходит приобщение к культурным

---

¹³⁹ Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 16.

ценностям, «узнавание» окружающего мира. Аккумуляция культурно значимых объектов, традиций, обычаев, ритуалов, норм и правил поведения, религиозных верований, мировоззрения, т.е. всего многообразия и неповторимости культуры, как правило, происходит через язык.

Во-вторых, язык является важнейшим средством общения, обеспечивающим возможность коммуникации с разными субъектами взаимодействия на разных уровнях. К примеру, существуют особые формы обращения к тем или иным членам рода по их социальному статусу (главе рода, старейшине, пожилым людям). В-третьих, язык служит своего рода отражением социальной реальности. Это объясняется тем, что особенности социальной жизни, устройства и уклада жизни находят свое отражение в языке, в различных способах обозначения тех или иных явлений.

В частности, это проявляется в особенностях различения родов по их родовому имени. К примеру, существуют роды, которые имеют общее происхождение от одного предка и одно общее родовое имя. Однако по каким-либо причинам компактно проживают в удаленных друг от друга местностях, имеющих различное географическое положение. В результате этого к родовому имени прибавляется приставка, отражающая особенности географии расположения рода (горные–речные, лесные–степные). Так, происходит различение родов по территориальному признаку, которое находит свое отражение в языке.

В целом, язык служит одним из способов структурирования реальности. Благодаря языку как общепринятой в данном сообществе кодов (сигналов, знаков), имеющих определенный смысл, значения, партнеры достигают надежного взаимопонимания, являющегося основой, предпосылкой любого социального взаимодействия. Особенно наглядно это можно наблюдать при дифференциации родов по степени их знатности, что также отражается в языке. Так, у многих народов существует разделение на белую и черную кости, обозначающие принадлежность соответственно к знатым и незнатым родам. В этом случае к родовому имени также прибавляется приставка, указывающая на

такую принадлежность. Таким образом, язык как один из факторов формирования социокультурного капитала, с одной стороны, выполняет функцию идентификатора через обозначение родовой принадлежности, а с другой стороны, функцию интерпретатора, структурирующего социальный мир, упорядочивающего все многообразие различных моделей родовых отношений. Фактически, язык, отражая особенности социальной структуры и своеобразия общества, воспроизводит социальное неравенство.

Исследуя особенности формирования социокультурного капитала рода у хакасов, нельзя не учитывать влияние и объективных факторов (географических, исторических, экономических, политических), без учета которых невозможно представить современный хакасский этнос. Эти факторы оказали существенное влияние и на формирование как социальной структуры современных хакасов, так и, собственно, системы родовых связей и отношений.

Влияние *географических факторов* связано с историческими особенностями формирования хакасской народности, а также с расселением этнических групп хакасов и их сеоков в различных географических условиях. Несмотря на общие черты в образе жизни, этнические группы различались направленностью хозяйственной деятельности, особыми традициями, обычаями и т.д. Так, к примеру, бирюсинцы, проживавшие в подтаежной местности, занимались в основном собирательством и охотой, т.к. не имели возможности развивать земледелие или разводить скот. А, как известно, в условиях традиционного общества с преобладанием натурального хозяйства богатство и состоятельность измерялась именно количеством скота, что означало соответственно высокое социальное положение в обществе. Все это отразилось на сложной социальной организации современных хакасов, особенностях различных диалектов, видах хозяйства, в названиях и обозначениях родовых имен и т.д.

Исторические факторы, определяющие характер социокультурного капитала хакасских родов тесно связаны с историей формирования хакасского этноса, уходящей корнями в XVII в., и прежде всего, с особенностями социальной структуры хакасского этноса, а также сложной системой родовых связей и

отношений, существовавших в прошлом. Кроме того, сложная многоступенчатая структура с многочисленными переплетающимися родовыми связями заложила прочную основу родовых отношений, сохранившихся в современном обществе.

Актуализация родовых отношений тесно связана с процессами национального возрождения, начавшимися в конце 80-х – начале 90-х гг. Они были направлены на возрождение языка, национальной культуры, на возвращение к утраченным элементам социальной жизни, на восстановление традиций, обычаев и т.д. Именно поэтому родовые отношения, в первую очередь, актуализировались именно в культурной сфере. Благодаря активной деятельности хакасов – фактически, элитной части общества, которая, по сути, представляет собой закрытую социальную сеть, произошла институционализация родовых отношений. Так, появились Чон Чобы, Совет старейшин хакасского народа, Лига хакасских женщин «Алтын Ай» и другие общественные организации и объединения, осуществляющие деятельность, направленную на защиту прав хакасов, а также отстаивающие интересы хакасского народа в различных сферах жизнедеятельности. В течение 1998-99 гг. практически во всех городах и районах Хакасии прошли конференции хакасских родов¹⁴⁰. Кроме того, была организована работа по пропаганде родового движения, по проведению общенациональных праздников (Чыл пазы, Уртун тойы, Тун пайрам), где ежегодно проходит презентация хакасских родов, а также деятельность, связанная с сакрализацией родовых мест, восстановлением истории родов и проведением встреч родов. Культурная деятельность хакасской интеллигенции инициировала процесс возрождения родовых отношений и тем самым способствовала их формированию социокультурного капитала в условиях современного общества.

Данные интервью показали, что наиболее активно встречи родов проводились в начале 90-х гг., когда только начались процессы возрождения национальных культур. Некоторые респонденты отмечали, что встречи их рода проходили регулярно – раз в год или раз в два года (Абдины). Однако со временем такие встречи стали проводиться реже. Некоторые роды не проводили

---

¹⁴⁰ Ширинская летопись: от века камня до современности. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. С. 165.

встреч более четырех лет (Побызаковы), а некоторые – более 10 лет (Чудогашевы). Тем не менее, около 40% ответили, что принимают участие в проведении и организации встреч рода, хотя и нечасто (см. «Таблица» 14).

Таблица 14.

Принимаете ли Вы участие в организации встреч рода? (в % опрошенных)				
	Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
да	251	41,8	41,8	41,8
нет	284	47,3	47,3	89,1
затрудняюсь ответить	65	10,9	10,9	100,0
Итого	600	100,0	100,0	

Несмотря на то, что такие встречи проводятся редко, они способствуют налаживанию новых связей с членами своего рода, знакомят представителей нового поколения с более старшими членами рода, приобщают к культуре, традициям и обычаям своего рода, и в целом способствуют интеграции рода. Таким образом, следуя логике Р. Патнама¹⁴¹, родовые связи как социокультурный капитал выступают фактором, способствующим интеграции и консолидации рода.

Значение *экономических факторов*, влияющих на накопление социокультурного капитала рода, проявляется в виде формирования предприятий, образованных по принципу «клуба»¹⁴². Родовые предприятия формируются, как правило, одним или несколькими людьми, связанными отношениями кровного родства (либо родовыми связями, либо просто родственными отношениями). Соответственно, в качестве работников на такие предприятия часто привлекаются родственники, взаимозависимость между которыми – а, следовательно, и доверие и ответственность – выше, чем между людьми, не связанными родственными связями. Так, образуется, с одной стороны, социокультурный капитал в виде

¹⁴¹ Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, N.Y.: Simon & Schuster, 2000. 544 p.

¹⁴² Бурдые П. Социология политики [Пер. с фр.]. Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 49.

родственных связей, а с другой, экономической – в виде коммерческих (родовых) предприятий. Органичное сочетание этих капиталов увеличивает их конвертируемость, например, способность конвертироваться в символический капитал – в виде прочной репутации рода.

Часть исследователей полагает, что некоторые формы социокультурного капитала неизбежно присутствуют в любом обществе, в противном случае общество будет лишено единства. По мнению В.Л. Римского, социальный капитал не всегда является позитивным ресурсом развития общества, т.к. с помощью своих связей и взаимодействий люди могут добиваться реализации не общественно значимых, а своих корыстных целей, а если это делает государство, то это приводит к коррупции, препятствующей экономическому и социальному развитию¹⁴³. К примеру, родовые предприятия образуются и функционируют как закрытые клубы, доступ к которым ограничивается принадлежностью к определенному роду, и тем самым исключается вероятность включения «неподходящих», нежелательных лиц, соответственно, не-членов рода. Однако включенность в такие предприятия позволяет участвовать в общем капитале, аккумулированном совокупностью капиталов всех членов «клуба». Данные интервью показали, что в Хакасии можно выделить несколько компаний, предприятий, учреждений, образованных представителями одного рода:

- 1) компания ВСК (род Топоевых)
- 2) строительная компания «КомпАС» (род Астанаевых)
- 3) книжное издательство (род Чазыбаевых)
- 4) ИП Миндибеков, выпускающий мясную продукцию (род Миндибековых)
- 5) ООО «Мир Мяско» (часть рода Боргояковых)
- 6) ИП Канзычаков (род Канзычаковых)

Кроме того, часть респондентов назвали учреждения, коллектив которых, в основном, состоит из представителей хакасского этноса, например, Аскизская центральная районная больница или республиканская офтальмологическая

---

¹⁴³ Социальный капитал: теория и практика. Социальный капитал как научная категория («круглый стол») // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 13–14.

больница. Однако, по сути, члены этих коллективов не связаны прямыми родовыми отношениями. В некоторых учреждениях, названных респондентами, значительную долю коллектива также составляют представители хакасского этноса. Это Хакасская национальная гимназия-интернат, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, редакция газеты «Хабар», ВГТРК «Хакасия» (редакция национального вещания). Однако это объясняется спецификой работы этих учреждений, связанной со знанием хакасского языка.

Очевидное преимущество социокультурного капитала, накопленного в таких предприятиях, – в его концентрации в узком проверенном кругу людей. Во-первых, это обеспечивает надежный характер таких социальных ресурсов, а во-вторых, повышает эффективность его использования только в интересах членов рода. В целом, для сохранения или поддержания ресурсов закрытые общности имеют относительное преимущество по сравнению с открытыми, т.к. доступ к ним ограничен и определяется принадлежностью к данной социальной общности. Другое преимущество заключается в привилегированном доступе к поиску и получению информации о необходимых ресурсах. Хотя в открытой общности спектр и широта информации более разнообразна, тем не менее информация в закрытых общностях может быть более ценной и поэтому может генерировать больше прибыли («блат»)¹⁴⁴. Однако существенный недостаток такого социокультурного капитала заключается в том, что увеличивая социокультурный капитал рода, он снижает социокультурный капитал всего общества.

Политические факторы, обусловившие формирование закрытого социокультурного капитала, тесно связаны с административно-территориальной структурой Хакасии. По мнению К. Велзела, даже фаворитизм, непотизм и коррупция являются проявлениями социального капитала, т.к. каждое из этих явлений включает в себя связи и некоторые формы коллективного действия¹⁴⁵. Так, в некоторых странах на постсоветском пространстве существуют целые

---

¹⁴⁴ Lin N. Building a Network Theory of Social Capital // Connection 22 (1) 28:51, 1999. P. 34.

¹⁴⁵ Welzel C., Inglehart R., Deutsch F. Social capital, voluntary associations and collective action: which aspects of social capital have the greatest «Civic» payoff? // Journal of Civil Society, September 2005. Vol. 1. № 2. P. 125.

династии (роды или кланы), в руках которых находится вся политическая власть (Казахстан, Туркменистан)¹⁴⁶.

Однако, по мнению большинства опрошенных, в Хакасии нет таких кланов, хотя отдельные респонденты считают, что политический клан формируется в Аскизском районе. Это можно объяснить структурой национального состава района, представленной значительной долей хакасского этноса, по сравнению с другими районами республики. Кроме того, около 50% респондентов полагает, что нежелательно использовать родовое движение в политических целях, объясняя это горьким опытом прошлого. *(Опыт прошлых лет показывает, что за принадлежность к красным или белым рода вырубались под корень, и с тех пор хакасы сторонятся этого. Из интервью с представителем фамилии Т).*

Таким образом, на формирование социокультурного капитала рода у хакасов оказывают влияние как субъективные, так и объективные факторы.

Во-первых, ключевым фактором, оказывающим влияние на формирование социокультурного капитала у хакасских родов оказывает родовое самосознание. Однако в условиях современного общества следует отметить его трансформацию, связанную, в первую очередь, с превалированием этнической идентичности, а также с изменением трактовки рода в историческом понимании и сведении его до круга родственников с общей фамилией. Рассуждая о когнитивной стороне родового самосознания, нужно указать на недостаточно высокий уровень знаний, связанных с историческим прошлым родовых отношений. Но, несмотря на это, эмоциональный компонент родовой идентичности остается высоким, ведь абсолютное большинство хакасов испытывает чувство гордости за свой род.

Во-вторых, особую роль при формировании социокультурного капитала рода играют стереотипы, срабатывающие чаще всего в повседневной жизни на уровне межличностного взаимодействия.

---

¹⁴⁶ Санглибаев А.А. Этноклановость на постсоветском пространстве // Политические исследования. 2007. № 6. С. 52–63.

В-третьих, в процессе формирования социокультурного капитала рода важную роль играет репутация хакасских родов, а также связанная с ней иерархия родов по их знатности, которая проявляется как на уровне сеоков, так и фамилий.

В-четвертых, необходимо отметить значимость языка как идентификатора родовой принадлежности, выражающегося в родовых именах, и социального неравенства на уровне взаимодействия представителей разных родов.

Во-пятых, необходимо учитывать исторические этапы развития родоплеменных отношений хакасов, связанных также с особенностями социальной структуры хакасского общества. Хакасы делятся на этнические группы (качинцы, сагайцы, бельтиры и койбалы), состоящие из сеоков (собственно родов), которые могут включать в себя несколько фамилий, отсюда социокультурный капитал рода формируется главным образом на уровне небольших сеоков или фамилий. Кроме того, следует отметить влияние географических и экономических факторов, определяющих традиционные виды хозяйствования в зависимости от географического расположения (роды бирюсинской группы традиционно занимаются таежным промыслом), а также политические факторы, влияющие на формирование закрытого социокультурного капитала родов, принадлежащих разным этническим группам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессы возрождения, начавшиеся в 90-е гг., обусловили необходимость возрождения утраченных социальных и культурных элементов жизни, в т.ч. и родовых отношений. Возвращение к отношениям родства по роду также было связано со стремлением некоторой части общества, преимущественно, интеллигенции, сохранить социокультурное наследие, отраженное в системе родовых отношений. Однако сама идея возрождения носит вполне осознанный характер, а потому восстановление родовых отношений представляет собой в классификации М. Вебера, скорее, целерациональное действие, а не ценностно-ориентированное или традиционное, из чего можно судить, что процесс возвращения к родовым связям и отношениям имеет рациональную основу, т.е., определенные мотивы и целенаправленные действия. В процессе возрождения происходит направленное восстановление истории, национальных традиций и обычаев, связанных с родовыми отношениями. В первую очередь, такая политика имеет своей целью сохранить национальное своеобразие, для чего предпринимается попытка искусственного возрождения уже утраченных элементов культурного наследия. В итоге происходит переосмысление прошлого, которое в некотором смысле конструируется заново, а возрожденные таким способом культурные элементы или традиции наполняются новым социокультурным содержанием.

Несмотря на ретроориентированный характер родовых отношений, тем не менее, они органично вписываются в условия современного общества. Это объясняется универсальным характером тех оснований, на которых зиждутся родовые отношения, они апеллируют к неизменным принципам и ценностям человеческого существования: общности происхождения, кровным связям, чувству родства, эмоциональной близости, взаимопомощи и т.д.

В процессе восстановления родовых отношений происходит налаживание родственных связей, восстановление утраченных отношений, а также появление

новых связей с незнакомыми ранее членами рода, что создает почву для формирования прочных родовых связей и отношений. Постепенно эти связи и отношения превращаются в средство для достижения целей для членов рода или, другими словами, выполняют функцию некоторого ресурса. Так, родовые связи как сеть социальных связей внутри рода на основе общих ценностей, культурных традиций конвертируются в одну из форм социокультурного капитала, который может принести экономическую или внеэкономическую выгоду членам рода.

Формирование такого социокультурного капитала происходит в особых условиях, связанных с историческим и социокультурным наследием этнических сообществ, а значит, наполняется особым социокультурным содержанием, обусловленным культурой, языком, национальными традициями и т.д. При этом, следует отметить, что природа социокультурного капитала шире, чем содержание социального капитала: она заключается не только в социальных связях, но и включает культурно-исторические особенности той среды, в которой формируется социокультурный капитал.

Основа такого социокультурного капитала укоренена в природе самого рода, продуцирующего родовые связи и отношения на плоскость социальной жизни. Сегодня род существует в качестве социальной общности, в которой может сформироваться социокультурный капитал. Главным признаком рода как социальной общности является, в первую очередь, кровное родство, из чего следует, что род представляет собой совокупность, прежде всего, кровных родственников. Во-вторых, особое значение имеет происхождение от одного общего предка, родство с которым можно установить, проследив всю линию родства. В-третьих, отличительным признаком родовой организации является принцип экзогамии, запрещающий браки внутри рода.

Кроме того, каждый род, как правило, имеет свое родовое имя, отличающее его от других родов. При этом необходимым условием существования рода как такового является осознание членами рода общности их происхождения, общих ценностей, традиций, в целом, культуры, что служит объединяющим их фактором в единое целое. В общем, *род* можно охарактеризовать как общность кровных

родственников, ведущих происхождение от одного общего предка, имеющих общее родовое имя, осознающих свое родство и на основе общих ценностей, идеалов, традиций позиционирующих себя в качестве единого целого.

Обладание именно этими признаками делают возможным формирование социокультурного капитала рода. Обобщенно *социокультурный капитал рода* можно определить как сеть прямых социальных связей внутри рода между его представителями, а также всего рода с другими социальными общностями, основанные на осознании своей родовой принадлежности и активности, направленной на самосохранение и саморазвитие культуры данной общности. Социокультурный капитал рода формируется на основе родовых связей, которые по факту рождения предписывают определенное поведение в отношении своих сородичей и наделяют их особыми обязательствами.

В основе этих связей лежат такие универсальные ценности, как кровное родство, личное знакомство с большей частью членов рода, сплоченность родоначальников, взаимная выручка и поддержка, высокий уровень доверия. По сути, эти черты характеризуют родовые отношения как особый тип отношений, воспроизводящийся в замкнутой социальной общности, поэтому можно считать, что *социокультурный капитал рода формируется в закрытой форме*.

Социокультурный капитал в закрытой форме, как правило, аккумулируется в обществах, где сильны традиционные ценности семьи, рода, авторитета старших, почитания традиций. Особенно заметно проявление закрытого капитала в замкнутых или относительно замкнутых этнических сообществах, где еще сохранились остатки традиционного уклада жизни, обычаи, религиозные культы, родовые отношения и т.д.

С одной стороны, концентрация социокультурного капитала в пределах узкого круга людей способствует его сохранению и накоплению и, естественно, предоставляет возможность широкого использования кругом доверенных лиц. Но, с другой стороны, такая концентрация капитала создает благоприятные условия для появления монополий, формирования политических кланов, трайбализма,

непотизма и т.д. В этом кроется негативное значение закрытого социокультурного капитала, формирующегося в небольших социальных кругах.

Закрытый социокультурный капитал рода отличает ограниченный характер связей, т.к. они формируются исключительно между членами рода. Эти связи носят характер сильных, прочных и крепких соединений, т.к. апеллируют к кровному родству. В основе такого капитала лежит доверие, смысл которого заключается в том, что в процессе социального взаимодействия именно род как единое целое выступает гарантом выполнения обязательств отдельного члена рода. Особенна важна репутация рода, его доброе имя, которое служит своего рода гарантией. Если кто-либо из членов рода «подведет» и не выполнит возложенных на себя обязательств, его к этому принудят, ведь род может применить к нему санкции, например, лишить доступа к ресурсам. Для формирования социокультурного капитала рода важна его сплоченность, выступающая мощной мотивационной силой для каждого члена рода.

Род, как и любая другая замкнутая общность, стремится сохранить и преумножить свой социокультурный капитал, для чего концентрирует его в узком кругу, всячески ограничивая его посторонних и ограждая от посягательств со стороны членов других сообществ. Родовые отношения в силу замкнутости сосредоточены в кругу родовичей, а потому недоступны для использования другими. Естественно, такой капитал предоставляет большие возможности для членов рода, обеспечивая привилегированный доступ к ресурсам рода. Но, несмотря на очевидные преимущества закрытого социокультурного капитала для членов рода, в отношении других срабатывает противоположный эффект – «не-члены» лишены доступа к таким ресурсам, что, в свою очередь, снижает социокультурный капитал всего общества.

Формирование социокультурного капитала рода происходит в процессе передачи социальных норм, правил поведения, традиций от поколения к поколению, в процессе усвоения ценностей, установок, стереотипов, культурных традиций и т.д. Для человека как представителя рода социокультурный капитал скорее носит аскриптивный или предписанный характер и определяется по факту

рождения и родства по роду, а также на основе принятия ценностей рода и кровного родства вообще. В аккумулированном состоянии социальные связи формируют целую сеть налаженных контактов, которые способствуют достижению целей уже целой общности людей. Социокультурный капитал на уровне рода складывается, во-первых, как совокупность индивидуальных социокультурных капиталов при условии их мобилизации в качестве ресурсов общности, во-вторых, внутренними связями членов рода, и, в-третьих, внешними связями, которые род устанавливает в процессе социального взаимодействия с другими социальными общностями.

Социокультурный капитал рода выполняет, казалось бы, с одной стороны, взаимосвязанные, а другой стороны, две противоположные функции. Внутри рода он выполняет функцию интеграции рода, соединяя членов рода и скрепляя тесными узами родства. Высокий уровень родового самосознания, а также уровень доверия внутри рода способствует консолидации и сплоченности рода, что приводит к повышению объема социокультурного капитала. Однако если рассматривать функциональное значение социокультурного капитала на уровне всего общества, следует отметить его дифференцирующий характер.

Социокультурный капитал хакасских родов характеризуется следующими признаками. Основным признаком такого капитала выступает связь по роду, которая апеллирует к кровному родству и общности происхождения. Такие связи являются наиболее сильными и крепкими, т.к. представляют собой естественный принцип образования узких, тесных и доверительных отношений. Доверие, как ключевая основа социокультурного капитала между членами рода, является наиболее высоким, т.к. формируется связями, складывающимися между родами несколькими поколениями. В этом проявляется вынужденный характер доверия – доверие выказывается не человеку как отдельной самостоятельной личности, а ему как представителю рода. Исследование показало большую разницу между высоким уровнем доверия внутри рода и низким уровнем доверия к людям вообще, а это – свидетельство небольшого объема открытого социокультурного капитала всего хакасского общества. При этом важны репутация рода, его доброе

имя, которое складывается постепенно. В этом смысле род выступает в качестве некоторой гарантии того, что взятые на себя обязательства члена рода перед другими будут выполнены, иначе род применит к нему санкции, которые приведут к негативным последствиям.

В целом, специфика социокультурного капитала хакасских родов заключается в следующих особенностях. Во-первых, он представляет собой искусственно возрожденный феномен, который умело вписывается в условия современного общества. Во-вторых, социокультурный капитал хакасских родов носит закрытый характер в силу замкнутости самого рода. В-третьих, структуру сети, в пределах которой формируется закрытый социокультурный капитал рода, образуют не только члены рода, но и родственники вообще. В-четвертых, такой капитал зиждется на высоком уровне доверия между членами рода, которое в четыре раза выше, чем уровень доверия людям вообще. В-пятых, специфика социокультурного капитала хакасских родов проявляется в существовании ограниченной морали, заключающейся в том, что хакасы готовы оказывать помощь человеку, если он является членом его рода или носит с ним общую фамилию. Кроме того, специфика социокультурного капитала на уровне рода обусловлена различными факторами, способствующими накоплению этого капитала у современных хакасских родов.

Исследуя феномен социокультурного капитала рода на примере хакасского этноса, мы выявили влияние различных факторов на процесс его формирования. На формирование социокультурного капитала рода у хакасов оказывают влияние как субъективные, так и объективные факторы.

Во-первых, ключевым фактором, оказывающим влияние на формирование социокультурного капитала у хакасских родов оказывает родовое самосознание. Однако в условиях современного общества следует отметить его трансформацию, связанную, в первую очередь, с превалированием этнической идентичности, а также с изменением трактовки рода в историческом понимании и сведении его до круга родственников с общей фамилией. Рассуждая о когнитивной стороне родового самосознания, нужно указать на недостаточно высокий уровень знаний,

связанных с историческим прошлым родовых отношений. Но, несмотря на это, эмоциональный компонент родовой идентичности остается высоким, ведь абсолютное большинство хакасов испытывает чувство гордости за свой род.

Во-вторых, особую роль при формировании социокультурного капитала рода играют стереотипы, срабатывающие чаще всего в повседневной жизни на уровне межличностного взаимодействия.

В-третьих, в процессе формирования социокультурного капитала рода важную роль играет репутация хакасских родов, а также связанная с ней иерархия родов по их знатности, которая проявляется как на уровне сеоков, так и фамилий.

В-четвертых, необходимо отметить значимость языка как идентификатора родовой принадлежности, выражающегося в родовых именах, и социального неравенства на уровне взаимодействия представителей разных родов.

В-пятых, необходимо учитывать исторические этапы развития родоплеменных отношений хакасов, связанных также с особенностями социальной структуры хакасского общества. Хакасы делятся на этнические группы, состоящие из сеоков (собственно родов), которые могут включать в себя несколько фамилий, отсюда социокультурный капитал рода формируется главным образом на уровне небольших сеоков или фамилий. Кроме того, следует отметить влияние географических и экономических факторов, определяющих традиционные виды хозяйствования в зависимости от географического расположения, а также политические факторы, влияющие на формирование закрытого социокультурного капитала родов, принадлежащих разным этническим группам.

В заключение, необходимо отметить значимость социокультурного капитала рода в процессе воспроизводства всего общества. С одной стороны, формирование такого капитала наделяет представителей этнических сообществ дополнительным ресурсом в достижении собственных целей, но с другой, препятствует развитию открытого социокультурного капитала, доступного членам всего социокультурного сообщества.

Библиографический список

1. Абдин Н.С. История рода Абдиных. 2-е изд. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. – 64 с.
2. Анжиганова Л.В. Эволюция мировоззрения хакасов. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. – 146 с.
3. Асочакова А.Н. Кто мы, откуда и какие? [О происхождении хакасских фамилий] // Хакас. труженик. – 1994. – 17 марта.
4. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведений об их численности. – СПб., 1897. – 182с.
5. Ахиезер А.С., Козлова Н.Н., Матвеева С.Я. Модернизация в России и конфликт ценностей. – М.: ИФ РАН, 1994. – 250 с.
6. Ачкасов В.А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): сб. ст. / под ред. Ю.Н. Солонина. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004. – С. 173–191.
7. Барсукова С.Ю. Вынужденное доверие сетевого мира // Политические исследования. – 2001. – № 2. – С. 52–60.
8. Барсукова С.Ю. Реципрокные взаимодействия: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. – 2004. – № 9. – С. 20–29.
9. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. [Пер. с англ.]. Сост., науч. ред., послесл. Р.И. Капелюшников; предисл. М.И. Левин. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
10. Берзегова С.Д. Термины родства и родственные отношения в традиционной культуре адыгов. Специальность 07.00.07 Этнография, этнология, антропология. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Майкоп, 2008. – 201 с.

11. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 1456 с.
12. Боргоякова О. Имя давали «через долгое время»: [О происхождении родов Боргояковых и Токояковых] // Хакасия. – 2001. – 4 мая.
13. Боргояков М.И. О происхождении и распространении хакасских фамилий – Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XVII: Серия история. – Абакан, 1972. – № 4. – С. 235–241.
14. Бродель Ф. Динамика капитализма [Пер. с фр.]. – Смоленск: «Полиграмма», 1993. – 128 с.
15. Бромлей Ю.В. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. – М.: Наука, 1986. – 574 с.
16. Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. – М.: Наука, 1988. – 208 с.
17. Бузгалин А.В. «Социальный капитал»: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма или гексоген в его основании? // Общественные науки и современность. – 2011. – № 3. – С. 147–161.
18. Бурдьё П. Социология политики [Пер. с фр.]. Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
19. Бурдьё П. Формы капитала. [Пер. М.С. Добряковой]. Науч. ред. В.В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – № 5. – С. 60–74.
20. Буров В.Ф. Живое право этноса: опыт теоретико-методологического исследования. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2008. – 186 с.
21. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хакасские родословные. – Абакан: НИС ХГУ, 1996. – 163 с.
22. Бутанаев В.Я. Некоторые новые данные по родовому делению хакасских качинцев. – В кн.: Материалы Всесоюз. Конф. 14-16 июня 1973г. / Том. Пед. Ин-т им. Ленин. Комсомола. – Томск, 1973. – С. 185–187.
23. Бутанаев В.Я. Присоединение «Кыргызской земли» к России и судьба енисейских кыргызов // Хакасия и Россия: 290 лет совместного развития. – Абакан, 1998. – С. 36–42.

24. Бутанаев В.Я. Происхождение и расселение хакасских сеоков // Этн. ист. народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993. – С. 235–263.
25. Бутанаев В.Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. – Абакан: Лаборатория этнографии НИС АГПИ, 1994. – 93 с.
26. Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. – Абакан: Изд-во ХГУ, 1999. – 225 с.
27. Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов. – Абакан, 1998. – 350 с.
28. Ванина О.Н. Методы исследования стереотипа // Социологические исследования. – 1998. – № 5. – С. 112–116.
29. Вебер М. Избранные произведения [Пер. с нем.]. Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
30. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 147–156.
31. Верещагина Т. Род Сафьяновых: [Из истории рода Сафьяновых] // Хакасия. – 2001. – 25 января.
32. Вишневский Ю.Р. Социология молодежи. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. – 430 с.
33. Вишневский Ю.Р. Ценностные и социокультурные ориентации молодежи // Социологическое обозрение (информационно-аналитический сборник). – Екатеринбург, 1997. – Вып. 1. – С. 35–39.
34. Выжлецов Г.П. Духовные ценности и судьба России // Социально-политический журнал, 1994. – № 3-6. – С. 16–31.
35. Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие / Под ред. Г.С. Батыгина. – М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. – 248 с.
36. Грошева Л.И. Трансформация социального капитала в России // Материалы XV-й Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». – Екатеринбург: УрФУ, 2012. – С. 1242–1247.

37. Гудков Л.Д. Русский неотрадиционализм // Отечественные записки. – 2002. – № 3.
38. Гуртовенко Г.А., Ильина Н.Ф. Инновационный кадровый ресурс образования: способы производства и воспроизводства человеческого и социального капитала. – Красноярск, 2008. – 121 с.
39. Демидов П.А. Социальный капитал как фактор успешности стратегий кандидатов в президентских кампаниях в США (2000-2008 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 2. – С. 194–204.
40. Демкив О. Социальный капитал: теоретические основания исследования и операциональные параметры // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 4. – С. 99–111.
41. Дискин И.Е. Модернизация российского общества и социальный капитал // Мониторинг общественного мнения. – 2003. – № 5–6 (67–68). – С. 14–20.
42. Дискин И.Е. Социальный капитал в мировой экономике // Общественные науки и современность. – 2003. – № 5. – С. 150–159.
43. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М: Издательство АН СССР, 1960. – 624 с.
44. До седьмого колена: памятью оплатить ему: Отрывки из книги // Районный вестник. – 2002. – 13 сентября.
45. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. [Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана]. – М.: Наука, 1990. – 575 с.
46. Дюркгейм Э. Ценности и «реальные суждения» Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 106–114.
47. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. Учебное пособие. – М.: Дело, 2004. – 400 с.
48. Зборовский Г.Е. Социология образования: в 2 ч. – Екатеринбург, 1993-1994.
49. Зборовский Г.Е. Теория социальной общности. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. – 304 с.
50. Зборовский Г.Е. Теоретическая социология XX – начала XXI в. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного »Университета, 2007.

51. Зборовский Г.Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. – 2010. – № 4. – С. 3–12.
52. Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни – М.: Юрист, 1996. – 607 с.
53. Злотковский В.И. Трансформация политической элиты РХ // Актуальные проблемы новейшей истории Хакасии. – Абакан, 2000. – 103 с.
54. Зубарева Д.С. Социальный капитал и дорожное движение: дороги и власти, которые мы выбираем. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 52 с.
55. Ибрагимов Р.Н. Особенности интроспективной методологии исторического исследования // Мировой куст: монографический сборник статей – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007. – 284 с.
56. Ибрагимов Р.Н. Проблема метода в философии и науке. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2003. – 104 с.
57. Кастрен М.А. Этнографическое путешествие Кастрена по Зап. Сибири // Географич. Изв. – 1848 г.
58. Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. – 2002. – № 12. – С. 13–23.
59. Климова С.Г. Стереотипы в определении «своих» и «чужих» // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 3–22.
60. Ковалевский М. Первобытное право. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1886. – 345 с.
61. Коган Л.Н. Социология культуры: Учеб. пособи. – Екатеринбург: УрГУ, 1992. – 117 с.
62. Коган Л.Н. Человек и его судьба. – М.: Мысль, 1988. – 283 с.
63. Козырева П.М. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 43–54.

64. Козьмин Н.Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д.А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае / Сост. В.К. Чертыков, С.А. Угдыжеков – Абакан: «Журналист», 2010. – 311 с.
65. Колбановский В.В. Социология капитала // Социологические исследования. – 2012. – № 6. – С. 13–23.
66. Колесник З. Мы из рода Чарковых: [О проведении встречи рода Чарковых и его истории] // Районный вестник. – 1996. – 23 июля.
67. «Конвенция об охране нематериального культурного наследия», принятая ЮНЕСКО, Париж, 17 октября 2003 г. (MISC/2003/CLT/CH/14).
68. Кон И.С. Национальный характер – или реальность? // Иностранная литература. – 1968. – № 9. – С. 215–229.
69. Коньков А.Т. Социальный капитал как концепция экономической социологии и его роль в системе экономического взаимодействия. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Специальность 22.00.03 – «Экономическая социология и демография» – М., 2006. – 34 с.
70. Корни рода Трошкиных и рассказ о детях и внуках Картас-Кэтьюна / Н.Ф. Трошкин, А.Ф. Трошкин. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. – 80 с.
71. Котюшев М. «Соок по хакаски – род»: [Краткие сведения о качинских сеоках] // Знамя коммунизма. – 1990. – 21 февраля.
72. Котюшев М. Соок – союз родов: [Краткие сведения о качинских сеоках] // Знамя коммунизма. – 1990. – 26 июня.
73. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121–138.
74. Коулман Дж. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Экономическая социология. – 2004. – Т. 5. – № 3. – С. 35–44.
75. Кравченко С.А. Социология: Парадигмы через призму социологического воображения. – М.: Экзамен, 2002. – 315 с.

76. Кривоногов В.П. Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2011. – 252 с.
77. Культурология: Учебник / Под ред. Ю.Н. Солониной, М.С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2005. – 566 с.
78. Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // *Общественные науки и современность*. – 2010. – № 6. – С. 37–51.
79. Кыржинаков А.А. Кызласский сельсовет (история и современность). – Абакан: Изд-во «ООО Фирма «Март», 2010. – 145 с.
80. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // *Социологические исследования*. – 2000. – № 7. – С. 3–12.
81. Лапин Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // *Социологические исследования*. – 1994. – № 5. – С. 3–8.
82. Ларионова Н.И. Содержание и формы реализации социального капитала. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата эк. наук. Специальность 08.00.01 – Экономическая теория. – М., 2012. – 26 с.
83. Леви-Строс К. Структурная антропология [Пер. с фр. В.В. Иванова]. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
84. Логачева А. С. Современная Хакасия: этносоциальные процессы. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. – 116 с.
85. Лушникова О.Л. Кровнородственный род как источник формирования закрытого социального капитала // *Материалы научно-практической конференции «Социокультурное пространство современной России: вызовы XXI века»*. – Москва, 2013. – С. 298–302.
86. Лушникова О.Л. (Тохтобина О.Л.) Родовые отношения как особая форма проявления прошлого // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – Краснодар, 2012. – № 1 (11) – С. 194–197.
87. Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма (монография). – СПб: Алетейя, 2011. – 132 с.

88. Майнагашев П. Я – Майнагашев // Хакасский труженик. – 2002. – 28 мая.
89. Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры [Пер. с англ.]. – М.: РОССПЭН, 2004. – 959 с.
90. Малиновский Б. Научная теория культуры / Сост. и вступ. ст. А.К. Байбурина. [Пер. с англ. И.В. Утехина]. 2-е изд., испр. – М.: ОГИ, 2005. – 184 с.
91. Мангейм К. Диагноз нашего времени. [Пер. с немецкого М.И. Левиной, С.В. Карпушина, А.И. Миллер, Т.И. Студеникиной]. – М.: «Юрист», 1994. – 700 с.
92. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. (Логико-методологический анализ). – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
93. Мачеринскене И., Минкуте-генриксон Р., Симанавичене Ж. Социальный капитал организации: методология исследования // Социологические исследования. – 2006. – № 3. – С. 29–39.
94. Меренков А.В. Личность: формирование потребности в нравственном развитии. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. – 144 с.
95. Меренков А.В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного. – Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2007. – 280 с.
96. Миллер Г.Ф. История Сибири. В 2-х т. – М., 2000 г. – т. 1. – 630 с., т. 2 – 796 с.
97. Мишенин Е.В., Олейник Н.В. Социальный капитал: теоретические подходы к формированию сущности и содержания // Механизм регулирования экономики. – 2008. – Т. 2. – № 3. – С. 84–91.
98. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Пер. под ред.: М.О. Косвен, предисл. Я.П. Алькор. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. – 350 с.
99. Найденова Л.И., Федотов Л.Н.. Внеэкономический капитал и его значение для развития регионального социума // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – Т. XII. – № 2. – С. 84–95.

100. Немировский В.Г. Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. – 159 с.
101. Николаев В.Г. Роберт Редфилд и его концепция «народного общества» в контексте чикагской социально-научной традиции // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Том X. Вып. 5-6 (44-45). – С. 99–113.
102. Новый энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия: РИПОЛ классик, 2005. – 1456 с.
103. Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII-XIX вв.). – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. – 104 с.
104. Першиц А.И. Первобытное общество. Основные проблемы развития. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1974. – 288 с.
105. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хакоблиздат, 1957. – 218 с.
106. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. – 2002. – Том 3. – № 4. – С. 20–32.
107. Резанова Е.В. Социальный механизм функционирования и воспроизводства социального капитала // Актуальные социальные проблемы. – 2009. – № 1/2. – С. 56–61.
108. Ринкявичус Л., Буткявичене Э. Концепция общности (Gemeinschaft/Community) и ее специфика в виртуальном пространстве // Социологические исследования. – 2007. – № 7. – С. 3–11.
109. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. [Пер. с англ.]. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 304 с.
110. Сажина В.А. Социальный капитал малых сообществ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Специальность 08.00.01 – Экономическая теория. – М., 2011. – 145 с.
111. Санглибаев А.А. Этноклановость на постсоветском пространстве // Политические исследования. – 2007. – № 6. – С. 52–63.

112. Сооктерденер: [Легенда о происхождении хакасских родов] / П.А. Трояков. Хакасские мифы и легенды. – Абакан: Красн. кн. изд-во. Хак. отделение, 1990. – 200 с.
113. Сорокин П.А. Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор. – М.: ИСПИ РАН, 2009. – 384 с.
114. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. [Пер. с англ.]. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
115. Социальная сплоченность и социальный капитал в России: государство и общественный сектор / Под ред. Д.Л. Твигг и К. Шектер. // Социальный капитал и социальное расслоение в современной России. – М.: Альпина Паблишер, 2003. – 384 с.
116. Социальный капитал: теория и практика. Социальный капитал как научная категория («круглый стол») // Общественные науки и современность. – 2004. – № 4. – С. 5–22.
117. Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 392 с.
118. Степаненко В. Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2004. – № 2. – С. 24–41.
119. Сысоев С.А. Значение социального капитала в накоплении человеческого капитала // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. Выпуск 34-1. – 2008. – С. 157–163.
120. Табаткин Н. Кызыльские сеоки // Орджоникидзевский рабочий. – 1993. – 20 октября.
121. Тайлор Э.Б. Миф и обряд в первобытной культуре. [Пер. с англ. Д.А. Коропчевского]. – Смоленск: Русич, 2000. – 624 с.
122. Татарко Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. Монография. – М.: РУДН, 2009. – 233 с.

123. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. [Пер. с нем. Д.В. Скляднева]. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2002. – 452 с.
124. Токарев С.А. Пережитки родовых отношений у хакасов XIX в. // Сибирский этнографический сборник. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 108–141.
125. Токвиль А. Демократия в Америке. [Пер. с франц.]. Предисл. Г.Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
126. Топанов Г. Улуг торича: [О родословной Топановых] // Хан тигир. – 1995. – № 2. – С. 54–59.
127. Топоев К. День рода Топоевых: [Об обычаях родовой жизни у хакасов] // Хакасия. – 1997. – 10 июня.
128. Трапкова А.В. Социальный капитал: теория и практика. Доверие в российском малом и среднем бизнесе // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 36–48.
129. Трошкин А.Ф. История рода Трошкиных. – Абакан: Стрежень, 2000. – 36 с.
130. Трошкин Н. Кобежиковтар-алыптар роды: [О роде Кобежиковых] // Хабар. – 2009. – 22 апреля.
131. Фукуяма Ф. Великий разрыв. [Пер. с англ.]. Под общ. ред. А.В. Александровой. – М: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 474 с.
132. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. [Пер. с англ.]. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.
133. Хоружая С. В. Деградация и кризис: социокультурный подход // Общество, политика, экономика, право. – 2008. – № 1. – С. 111–114.
134. Чистанов М.Н. Историческое сознание – в поисках онтологических оснований. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2006. – 146 с.
135. Шапко В.Т. Социокультурный подход: истоки и перспективы // XIII Уральские социологические чтения. Сб. науч. ст. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2001. – С. 197–198.

136. Шаститко А. Трансакционные издержки (содержание, оценка и взаимосвязь с проблемами трансформации) // Вопросы экономики. – 1997. – № 7. – С. 65–76.
137. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. [Пер. с польск. М.М. Гуренко]. Под общ. ред. и послеслов. акад. А.М. Румянцева. – М.: Прогресс, 1969. – 240 с.
138. Шибаета Ю.А. Пережитки родового строя у хакасов [Рукопись]. – Абакан, 1947. // РФ ХакНИИЯЛИ. Ф. 345. 253 л.
139. Шипилов А.В. Оппозиция «Мы-Они» в социокультурном развитии // Философская и правовая мысль: Альманах. Вып. 5. – Саратов-СПб., 2003. – С. 280–304.
140. Ширинская летопись: от века камня до современности. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. – 336 с.
141. Шихирев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 17–32.
142. Шушеначев И.В. Как возникли хакасские фамилии? // Ширинский вестник. – 1995. – 1 марта.
143. Шушеначев И.В. Об истории появления кызыльского рода: [перечисление фамилий рода] // Орджоникидзевский рабочий. – 1994. – 15 июня.
144. Шушеначев И.В. О хакасах-кызыльцах. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. – 84 с.
145. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – М.: Политиздат, 1985. – 238 с.
146. Этносоциальная ситуация в республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания / Сост. Л.В. Анжиганова, Л.В. Кирбижекова и др., под ред. Л.В. Анжигановой. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2006. – 96 с.
147. Ядов В.А. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Изд-во Инст. Социологии РАН, 1998. – 696 с.

148. Adler P.S., Kwon S.W. Social capital: prospects for a new concept. University of Southern California // *Academy of Management Review*. – 2002. – Vol. 27. – № 1. – P. 17–40.
149. Araujo L.M, Easton G. A relational resource perspective on social capital. In: *Corporate Social Capital and Liability*. Kluwer Academic Publishers, Dordrecht. – 1999. – P. 68–87.
150. Association of individual network social capital with abdominal adiposity, overweight and obesity / S. Moore, M. Daniel, C. Paquet, L. Dube, L. Gauvin // *Journal of Public Health*. – Vol. 31. – №. 1. – P. 175–183.
151. Baker W.E., Dutton J.E. Exploring positive relationships at work. Building a theoretical and research foundation. London, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associated, Publishers. – 2007. – P. 325–345.
152. Baker W.E. Market networks and corporate behavior // *The American Journal of Sociology*. – Nov. 1990. – Vol. 96. – № 3. – P. 589–625.
153. Belliveau M., O'Reilly C., Wade J. Social capital at the top: Effects of social similarity and status on CEO compensation // *Academy of Management Journal*. – 1996. – P. 1568–1593.
154. Borgatti S.P., Jones C., Everett M.G. Network measures of social capital // *Connections*. – 1998. – 21 (2). – P. 27–36.
155. Boxman E.A.W., De Graaf P.M., Flap H.D. The impact of social and human capital on the income attainment of Dutch managers // *Social Networks*. – 1991. – P. 51–73.
156. Brown V. Social networks in organization – capital of liability? // Working paper, Harvard Business School. Boston. – 2001. – Vol. 5. – P. 5–17.
157. Burt R.S. Structural holes versus network closure as social capital // *Social Capital: Theory and Research*. // Ed. by N. Lin, K.S. Cook, R.S. Burt. A. de Gruyter. – 2001. – 30 p.
158. Burt R.S. The social capital of opinion leaders // Forthcoming in the *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – Nov. 1999. – P. 37–54.

159. Casanueva C., Gallego A. Social capital and individual innovativeness in university research networks // *Innovation: Management, Policy & Practice*. – April 2010. – Vol. 12. – №. 1. – P. 105–117.
160. Hanifan L.J. The rural school community center // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 1916. – P. 130–138.
161. Fennema M., Tillie J. Civic community, political participation and political trust of ethnic groups // *Connections*. – 2001. – Vol. 24 (1). – P. 26–41.
162. Fukuyama F. Social capital and the global economy // *Foreign affairs*, September. – October 1995. – Vol. 72. – № 5. – P. 89–103.
163. Fukuyama F. Social capital. The tanner lectures on human values // Oxford, Brasenose College. – May 1997. – P. 375–484.
164. Granovetter M. The strength of weak ties: a network theory revisited // *Sociological Theory*. – 1983. – Volume 1. – C. 201–233.
165. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // *Quarterly Journal of Economics*. – 1997. – Vol. 112. – № 4. – P. 1251–1288.
166. Laumann E., Sandefur R. A paradigm for social capital // *Rationality and Society*. – 1998. – P. 481–501.
167. Leenders R.ThAJ., Gabbay S.M., Fiegenbaum A. Corporate social capital and the strategic management paradigm: a contingency view on organizational performance. Research report, University of Groningen, Research Institute SOM. Groningen, 2001. – 38 p.
168. Lin N. Building a network theory of social capital // *Connections*. – 1999. – 22 (1). – P. 28–51.
169. Loury G. A dynamic theory of racial income differences // *Discussion Papers* 255. Northwestern University. – 1976. – 95 p.
170. Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage // *Academy of Management Review*. – 1998. – P. 242–266.
171. Narayan D. Bonds and bridges: social capital and poverty // *Poverty group*, Prem World Bank. – July 1999. – 54 p.

172. Penning J.M., Lee K. Social capital of organization: conceptualization, level of analysis, and performance implication // Ed. by R.ThAJ. Leenders. S.M. Gabbay. USA: Kluwer Academic Publishers. – 1998. – 49 p.
173. Portes A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // Annual review of sociology. – Vol. 24. – 1998. – P. 1–24.
174. Putnam R.D. Bowling alone: America's declining social capital // Journal of democracy. – Jan 1995. – P. 67–73.
175. Putnam R.D. Bowling Alone: The collapse and revival of American community. – New York, N.Y.: Simon & Schuster, 2000. – 544 p.
176. Rooks G., Szirmai A., Sserwanga A. Social capital and innovative performance in developing countries. The case of Ugandan entrepreneurs // 7th Globelics conference on Inclusive Growth, Innovation and Technological Change. – 2009. – P. 1–34.
177. Schiff M. Social capital, labor mobility, and welfare // The Impact of Uniting States, Rationality and Society. – 1992. – P. 157–175.
178. Social capital and language acquisition during study abroad / M. Smith, C. Giraud-Carrier, D. Dewey, S. Ring, D. Gore. – P. 2030–2035.
179. Szreter S., Woolcock M. Health by association? Social capital, social theory, and the political economy of public health // International Journal of Epidemiology 2004. – 33. – P. 650–667.
180. The social agenda. Social capital: its potential and limitations for the implementation of social policies and programmes // Social Panorama of Latin America, United Nations. – December 2002. – P. 139–166.
181. Welzel C., Inglehart R., Deutsch F. Social capital, voluntary associations and collective action: which aspects of social capital have the greatest «Civic» payoff? // Journal of Civil Society, September 2005 – Vol. 1. – № 2. – P. 121–146.
182. Woolcock M. Social capital: the state of the notion // Social Capital: Global and Local Perspectives / Ed. by J. Kajanoja, J. Simpura. Helsinki: Government Institute for Economic Research, 2000. – 187 p.